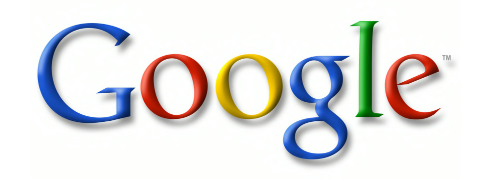
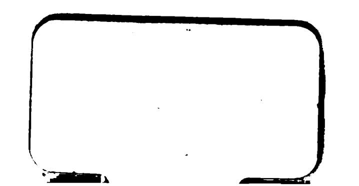

VE RI
TAS

АНЕКДОТЫ

КНЯЗЯ ИТАЛІЙСКАГО,

ГРАФА

СУВОРОВА РЫМНИКСКАГО.

Изданные

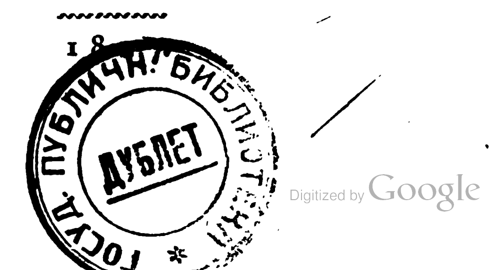
Е. ФУКСОМЪ.

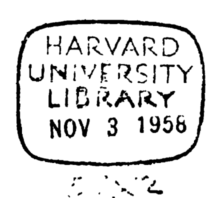

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ Типографіи Александра Смирдина.

18

Печатать позволено:

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Главный Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ, Ноября 16 дня 1827 года.

Цензоръ Александръ Красовскій.

ДРУГУ.

Вотъ вамъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ, *анекдоты* мои *о Суворовѣ.* Многіе писалъ я еще при жизни его; многіе растерялъ въ походахъ; многими, о которыхъ вспомнилъ, пополнилъ недостающіе. Боюсь, что, можетъ быть, забылъ помѣстить какой-нибудь достопамятный, который лучше всѣхъ этихъ ознаменовалъ бы и душу и умъ его. Но если вспомню, то присоединю непремѣнно. Исполнивъ обѣтъ, данный моему великому благодѣтелю, кончивъ Исторію Россійско-Австрійской кампаніи, я теперь отдыхаю и пишу, что вспомню. Чувствую, и вы со мною согласитесь, что всѣ, разбросанныя въ анекдотахъ сихъ, черты не составляютъ еще полнаго, похожаго его портрета. Всѣ великіе полководцы, древнѣйшихъ и новѣйшихъ вѣковъ, имѣли свои особенности, безъ которыхъ не отличались бы отъ толпы; но они слѣдовали свѣтскимъ приличіямъ. Нашъ же, какъ будто выпрыгнулъ изъ сей сферы, и представляетъ собою необыкновенное, единственное явленіе и на военномъ поприщѣ, гдѣ онъ непобѣдимъ, и въ кабинетѣ своемъ, гдѣ

непостижимъ. Румянцовыхъ, Кутузовыхъ, Тюреневъ и другихъ мы знаемъ: ибо они дѣйствовали, обращались съ людьми по-людски, говорили нашимъ языкомъ; тонкости и тайны ихъ раскрылись. Но Суворовъ, по словамъ Клинтона, остается іероглифомъ и въ потомствѣ. Спросите всѣхъ, оставшихся еще въ живыхъс тариковъ, которые знали его лично, и вы услышите сужденія объ немъ противорѣчащія: одни будутъ его возносить до небесъ; другіе же, а особливо видѣвшіе его однажды, находили его человѣкомъ разстроеннаго разсудка. Не сердитесь на послѣднихъ: — я въ началѣ принадлежалъ къ ихъ числу. Признаюсь, что первое мое свиданіе съ нимъ произвело во мнѣ впечатлѣніе, весьма невыгодное. Меня представилъ Генералъ отъ Инфантеріи А. Г. Розенбергъ. Суворовъ выбѣжалъ въ рубашкѣ, утирая лице тряпицею. „Кто это такой?" спросилъ онъ его. Тотъ отвѣчалъ: „Это Статскій Совѣтникъ Фуксъ." — „Ахъ, помилуй Богъ, какой ты худощавый, тебѣ надобно со мною ѣздить верхомъ." Вотъ для меня новая забота! отъ роду верхомъ я не ѣздилъ. — Послѣ спросилъ опять Розенберга: „а этотъ кто?" Отвѣтъ: Статскій Совѣтникъ Башловскій. — „Ахъ, какъ ты толстъ," сказалъ онъ ему „я къ тебѣ залезу въ брюхо

погрѣться, когда озябну." Такое вступленіе въ новое знакомство мнѣ очень не понравилось, и я ушелъ отъ его обѣда. За столомъ спрашивалъ онъ, куда дѣвался худощавый Бригадиръ? и ему отвѣчали, что занемогъ коликою.—Отъ многихъ старался я узнавать о первыхъ впечатлѣніяхъ, которыя производилъ его пріемъ; и всѣ согласовались съ моими чувствами. Чтобы и вы со мною согласились, позвольте мнѣ васъ ему представить. Переселимся мысленно въ вѣкъ его и сыграемъ комедію; но невымышленную. Зная васъ, ваше воспитаніе, вашу образованность, ваше уваженіе къ вельможамъ, вы бы конечно пожелали увидѣть того знаменитаго Россіянина, героя всѣхъ вѣковъ прошедшихъ и будущихъ. Вы, можетъ быть, невольно приготовились бы сказать ему что-нибудь лестное; но, вдругъ, гдѣ вы?—въ избѣ, или простой горницѣ; старикъ, въ солдатской куртке или въ рубашкѣ, безъ докладовъ выбѣгаетъ, обнимаетъ васъ, начинаетъ вамъ разсказывать странности, небылицы, прыгаетъ, вертится, дѣлаетъ вамъ вопросы, ни съ чѣмъ несообразные. Вы трепещете, чтобы не проговориться, не попасть въ немогузнайки; и кто же этотъ чудакъ? Суворовъ!—Навѣрно сказали бы вы мнѣ тоже, что одинъ добрый и достой-

ный пріятель мой, котораго я уговорилъ представиться ему, и которому онъ сказалъ, увидя большой его носъ: „Поцѣловалъ бы тебя въ губы, но носъ мѣшаетъ.“ Пріятель мой симъ оскорбился, и сказалъ мнѣ съ досадою: „Что вамъ вздумалось привести меня въ домъ сумасшедшихъ.“ Хотѣлъ-было тотчасъ уйти. — Такъ и Лейбъ-Медикъ, Вейкартъ, послѣ перваго пріема, хотѣлъ немедленно возвратиться въ Петербургъ. И онъ обидѣлся отзывомъ Суворова, что Наумъ, его фельдшеръ, первый врачъ въ Европѣ. А такъ какъ у Вейкарта выговоръ Нѣмецкій ему не понравился, то велѣлъ ему говорить по-Русски, и отвѣчать даже на этомъ языкѣ, если бы Суворовъ и забывшись сталъ съ нимъ говорить по-Нѣмецки. Вейкартъ съ трудностію изъяснялся по-Русски. Подивитесь же теперь! Пріятель мой сдѣлался въ продолженіе времени преданнѣйшимъ человѣкомъ Суворова; а Вейкарта застаю я въ Вильнѣ на колѣнахъ предъ Распятіемъ молящагося съ пролитіемъ слезъ. Я испугался и спросилъ его, не получилъ ли онъ изъ Петербурга непріятныхъ о семействѣ своемъ извѣстій? „Нѣтъ;“ отвѣчалъ онъ „вижу, что Медицина наша ограничена; я прибѣгаю и молю всѣхъ благъ Подателя, да вразумитъ меня исцѣлить нашего отца.“ — Такъ всѣ

окружавшіе его, послѣ первыхъ тяжкихъ испытаній, дѣлались его приверженцами. — что подумали бы вы на сей аудіенціи, увидя Генералиссимуса, то подбѣгающаго къ вамъ, то отбѣгающаго, начинающаго въ одномъ углу дѣлать сравненіе древнихъ Грековъ съ Римлянами; вдругъ слышите вы разсказы о бывшей пляскѣ въ Боровицкомъ уѣздѣ; отсюда переходъ къ Римнику, повѣствованіе о сраженіи, котораго вы не понимаете. Но довольно вы устали; выходите изъ сего сумбурнаго міра, и спрашиваете меня, гдѣ же Суворовъ? — Онъ въ своемъ кабинетѣ: тамъ все, что вы видѣли и слышали здѣсь, прекращается. Тамъ однажды я нексшати расшутился, и онъ мнѣ сказалъ: „За чѣмъ не сберегъ ты лучшіе эти матеріалы для стола; теперь пора рабочая." Тамъ диктуетъ онъ диспозицію къ сраженію, взвѣшиваетъ въ умѣ своемъ силы непріятельскія, назначаетъ позиціи своимъ войскамъ, предписываетъ имъ дѣйствія новыя, чертитъ самъ планы, или поправляетъ ошибки искуснѣйшихъ своихъ Генералъ-Квартирмейстеровъ, Шателера и Цаха, которые за то не сердятся, но изумляются и благодарятъ его. Румянцовы, Конде, Тюрены и весь Ареопагъ великихъ полководцевъ, кажется, въ немъ воскресаютъ. Это

не лесть: неумолкающій громъ шестидесяти побѣдоносныхъ сраженій возвѣщаетъ по вселенной! Вы увидѣли бы рѣдкій феноменъ: человѣка въ двухъ лицахъ; перемѣнили бы прежнее одностороннее свое объ немъ сужденіе, и умолкли. Но послѣ сего молчанія угадываю уже вашъ вопросъ: „За чѣмъ же такому великому мужу показываться чудакомъ?“ Вотъ этого-то вопроса я и трепеталъ.— Скажу вамъ, что знаю; напередъ чувствую, что не удовлетворю вполнѣ вашему любопытству. Старики разсказывали мнѣ, что онъ началъ такъ странничать съ Полковничьяго чина, когда съ полкомъ своимъ осадилъ и взялъ приступомъ Монастырь. Намъ остается только удивляться, какъ чрезъ столь долгое время, по конецъ жизни своей, носилъ онъ сію личину странностей! Онъ, по видимому, не хотѣлъ сложить ее съ себя, чтобы не перестать быть Суворовымъ. Разскажу вамъ, что мнѣ говорилъ на этотъ счетъ одинъ престарѣлый, придцати пяти-лѣтній сопутникъ Суворова. Вотъ его слова: „Онъ рѣшился быть единственнымъ, ни на кого не походить. Для сего пробѣжалъ онъ прежде обширное поле Исторіи всѣхъ вѣковъ; вы видите, съ какимъ вниманіемъ читаетъ, слушаетъ, твердитъ онъ біографіи всѣхъ великихъ

мужей, хвалить примѣры ихъ величія; но, для своей славы, прокладываетъ новую, дотолѣ неизвѣстную тропу. Онъ знаетъ, что наружность его не позволяетъ ему когда-либо сравниться съ особенною сановитостію и даромъ слова Румянцова; что дабы уподобиться въ великолѣпіи и въ огромныхъ замыслахъ Потемкина, нужны были бы несмѣтные милліоны злата. Повѣрьте мнѣ," продолжалъ Вилимъ Христофоровичъ Дерфельденъ „сей мнимый врагъ зеркала, замѣтя въономъ невидную свою наружность, начертилъ тогда же планъ той роли, которую теперь играетъ. Мы всѣ видимъ неутомимое его стремленіе, быть героемъ и казаться чудакомъ. И мы не можемъ довольно возблагодарить Промыслу, вознесшему на отечественный Престолъ нашъ образецъ во благости Царей—Екатерину. Она въ странностяхъ Суворова, нетерпимыхъ во всякой службѣ подъ другимъ Правленіемъ, видѣла зарю будущей Своей славы."—слова сіи, плоды тридцати пяти-лѣтнихъ наблюденій! Присоединю здѣсь нѣчто на счетъ пользы, отъ странностей его происходившей. Я видѣлъ нерѣдко, какъ приходили къ нему Союзные Генералы, съ жалобами, или объясненіями по недоразумѣніямъ, столь часто между Союзниками возникающимъ и угрожав-

шимъ иногда неприятными послѣдствіями, даже разрывомъ. Но одно его неожиданное острое слово, шутливый какой-нибудь разсказъ о постороннемъ предметѣ, проказливые скачки — потушали вдругъ пламя раздора въ самомъ его началѣ. Они забывали иногда, за чѣмъ приходили. — Цѣною многочисленныхъ побѣдъ, безпредѣльной довѣренности къ нему войска и опытнаго знанія сердца человѣческаго, приобрѣлъ онъ сіе преимущество издѣваться надъ всѣми, когда мы думали, что мы надъ нимъ смѣемся. Онъ былъ оригиналъ, и оригиналъ неподражаемый. — Не могу не упомянуть здѣсь о слѣдующемъ, ему пересказанномъ анекдотѣ, что когда одинъ Генералъ, желавшій итти по слѣдамъ его, закричалъ однажды войску словами и голосомъ Суворова: „Здравствуйте, ребята, чудобогатыри, друзья мои, и пр. и пр.“ то всѣ солдаты расхохотались, и произнесли въ одинъ голосъ: „Что этотъ старикъ къ намъ привязался?“ Всѣ его восклицанія дѣйствія надъ ними не произвели. Восторгъ, съ какимъ выслушалъ Суворовъ сей анекдотъ, обнаружилъ слишкомъ торжество его въ неподражаемой его оригинальности. Изъ многихъ, здѣсь помѣщенныхъ анекдотовъ увидите вы, что онъ не хотѣлъ походить на тѣхъ военачальниковъ, о

которыхъ говорятъ только въ продолженіи ихъ начальствованія. Нѣтъ, онъ хотѣлъ и внѣ круга сей дѣятельности быть предметомъ безпрестанныхъ разговоровъ своихъ воиновъ, жить въ сердцахъ ихъ, быть, какъ я уже сказалъ, книгою въ ихъ избахъ, забавлять собою и удивлять, и съ особенностію характера своего стоять наравнѣ съ воинскимъ своимъ геніемъ. Играть такую ролю, ни отъ кого незаимствованную, а самимъ собою для себя сотворенную, выдерживать ее во всѣхъ превратностяхъ долговременной жизни своей, преобразить ее во вторую себѣ натуру — есть, въ нравственномъ мірѣ, явленіе чудесное! И сему то жертвовалъ онъ своимъ умомъ, своими нравственными и физическими силами, своимъ покоемъ, такъ сказать: всѣмъ бытіемъ своимъ! — и для чего?... чтобы быть человѣкомъ необыкновеннымъ, единственнымъ; чтобы сіять въ Исторіи благотворнымъ для человѣчества феноменомъ. Разкройте сіи анекдоты, обрисовывающіе раскиданные отрывки его умоначертанія, и вы встрѣтите въ нихъ слѣды стремленія его къ сей единой цѣли. — Въ одномъ анекдотѣ говоритъ Суворовъ, что Александръ не сжегъ Аѳинъ для того, чтобы въ тамошнихъ гостинницахъ разсказывали о его геройствахъ. „Пусть,“

присоединяетъ онъ „и о моихъ солдатскихъ проказахъ говорятъ въ артеляхъ.“ Сіе-то лучше всего отпечатываетъ порывы его къ безсмертію. — И этого Россіянина, за то, что онъ былъ знаменитый Россіянинъ, пестрили, марали, чернили пристрастныя, злобою упитанныя перья нѣкоторыхъ Историковъ Германіи и Франціи. Но извѣстный на Германскомъ горизонтѣ писатель, Сеуме, побуждаемый благородствомъ чувствъ и справедливости, отважился быть его защитникомъ; за то иностранные журналы возстали на него, и обвиняли его въ пристрастіи—такъ укоренилося предубѣжденіе противъ Суворова!—Г. Сеуме былъ Россійской службы Офицеромъ, за неявку въ срокъ въ полкъ свой выключенъ, возвратился въ Германію, и сдѣлался извѣстнымъ своими сочиненіями, а болѣе описаніемъ странствованія своего пѣшкомъ въ Сиракузы. Въ ономъ говоритъ онъ о Суворовѣ; и я съ удовольствіемъ выписываю вамъ здѣсь въ переводѣ слова сего чужеземца, для котораго истина священна.

Вотъ какъ онъ говоритъ: (*) „Городъ Айроло, на Альпійскихъ горахъ, былъ мо-

---

(*) См. Spaziergang nach Syrakus, 2 Theil Seite 200.

имъ вторымъ ночлегомъ. Здѣсь помѣстился я въ домѣ, въ которомъ говорили по-Нѣмецки, по-Италіянски и по-Французски. Хозяинъ дома составлялъ съ своимъ семействомъ пріятный кругъ, гдѣ я тотчасъ водворился. Суворовъ стоялъ у него нѣсколько времени на квартирѣ, и оба мы имѣли тотчасъ пунктъ прикосновенности. Онъ былъ преисполненъ энтузіазма къ старику Генералу, и хвалилъ особенно его любезность и снисходительность, что можетъ быть многимъ покажется страннымъ и подозрительнымъ. Но я не вижу, за чѣмъ бы хозяину въ Айролѣ, на высотѣ Сен-Готара, говорить о томъ, чего онъ не видалъ. Суворовъ былъ не одинъ Генералъ, который во время войны сдѣлалъ ему честь жить у него въ домѣ: онъ описывалъ другихъ, какъ онъ ихъ находилъ. Многіе изъ нихъ извѣстны всѣмъ. Я имѣлъ уже двусмысленное счастіе слыть приверженцемъ старому Суворову, а я старался только спасать истинный его характеръ, и истолковывать нѣкоторые феномены, которые ставили ему въ вину. Левъ умеръ; и всѣ на него бросаются. Знаю, что вся жизнь его была цѣпь особенностей. Но если послушаешь его недоброхотовъ, то онъ вздорный, безхарактерный старикъ; а такимъ онъ, право, нико-

гда не былъ. Странность была вообще его отпечатокъ. Политическія тогдашнія отношенія показываютъ, въ какомъ мучительномъ положеніи находился Суворовъ; онъ говорилъ объ ошибкахъ смѣло, безъ пощады и лицепріятія; былъ старъ и боленъ, и предвидѣлъ конецъ своей жизни. Неудовольствіе его въ таковыхъ обстоятельствахъ не могло уменьшиться. Проступки нѣкоторыхъ его подчиненныхъ приписывались ему въ вину. Какъ правдивый мужъ, знающій себѣ цѣну, но съ желѣзною грудію солдата, имѣлъ онъ особенности, которыя казались инымъ проказами. Онъ былъ строгъ къ себѣ и въ требованіяхъ отъ другихъ. Разсказывали объ немъ въ одномъ иностранномъ городѣ, какъ о постыдномъ скрягѣ; но это грубая ложь: ибо въ характерѣ его столь же мало скупости, сколько и хвастливой расточительности. — Я совершенно удостовѣренъ, что Суворовъ былъ честный человѣкъ, а не жестокосердый. Ты знаешь, что я ему ничѣмъ не обязанъ, а потому и не можешь находить въ моихъ отзывахъ объ немъ ничего инаго, кромѣ честнаго моего мнѣнія. Если вѣрить Англичанамъ, которые личнымъ своимъ характеромъ заслуживаютъ довѣріе; то Сѣверный Суворовъ, если и все справедливо, что объ немъ разсказыва-

ютъ, пребудетъ навсегда образцомъ человѣколюбія предъ героемъ нашего времени, Бонапартомъ, который въ восточныхъ своихъ походахъ разстрѣливалъ картечами по тысячамъ плѣнныхъ.

Здѣсь, на высотѣ Сен-Готара, утверждаютъ, что если бы Суворовъ имѣлъ время перебросить хотя 6000 съ горы въ Цюрихъ, то сраженіе было бы столь же ужасно для Французовъ, сколько для Русскихъ. Всѣ Французы, съ которыми я объ этомъ говорилъ, подтверждаютъ тоже самое, и говорятъ, что удаленіе Ерц-Герцога, вовлеченнаго въ сѣти фальшиваго маневра на Нижнемъ Рейнѣ, было причиною ихъ удачи." Кончимъ словами Тасса; что тотъ сказалъ о Виргиліѣ, то скажемъ о Суворовѣ: „Пойдемъ ему во слѣдъ, не съ тѣмъ, чтобы съ нимъ равняться, или его превзойти; но чтобы, останавливаясь на каждой тропинкѣ его, любоваться и удивляться." — Прощайте. Вотъ вамъ въ анекдотахъ Суворовъ, какимъ я его зналъ.

АНЕКДОТЫ О СУВОРОВѢ.

Не извѣстно, по какимъ обстоятельствамъ при Екатеринѣ Суворовъ не былъ однажды внесенъ въ списокъ дѣйствующихъ Генераловъ. Это его весьма огорчало. Пріѣхавъ въ Петербургъ, является онъ къ Императрицѣ; бросается къ Ея ногамъ, и лежитъ неподвижно простертымъ. Императрица подаетъ ему руку, чтобы его поднять. Онъ тотчасъ вспрыгнулъ, поцѣловалъ Ея десницу, и воскрикнулъ: „Кто теперь противъ меня? Сама Монархиня меня возстановляетъ!“ — Въ тотъ же день было катанье по Царскосельскому пруду на яликахъ. Суворовъ имѣлъ счастіе быть гребцомъ Екатерины. Когда подъѣхалъ къ берегу, то сдѣлалъ изъ судна такой отважный скачекъ, что Государыня испугалась. Онъ просилъ у Нея извиненія, что, считаясь Инвалидомъ, возилъ Ея Величество неисправно. „Нѣтъ!“ отвѣчала Она „кто дѣлаетъ такіе прыжки, Salto mortale, тотъ не Ин-

валидъ."—и въ тотъ же день внесенъ онъ въ военный списокъ Генераловъ, и получилъ начальство.

Въ Туринѣ явились три Депутата изъ Лукки, съ прошеніемъ о принятіи несчастнаго сего Герцогства подъ покровительство Россійскаго оружія. Они были приглашены къ столу Фельдмаршала. Въ продолженіи обѣда, онъ подробно распрашивалъ о мѣстоположеніи, торговлѣ и о многихъ Статистическихъ подробностяхъ ихъ отечества. Замѣчалъ онъ между прочимъ, что въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій сія знаменитая нѣкогда Римская провинція переходила изъ рукъ въ руки отъ одного владѣльца къ другому съ молотка, и показалъ необыкновенныя Историческія свои о томъ краѣ знанія. Въ заключеніе спросилъ: „Что есть въ Луккѣ самое достопамятнѣйшее?" Одинъ изъ Депутатовъ отвѣчалъ: „Тереза Бандентини, знаменитѣйшая во всей Италіи Improvisatrice, Членъ разныхъ Академій, краса и гордость нашей родины. Она поручила намъ просить у Героя Суворова его біографіи; ибо намѣревается воспѣть

его побѣды."—Александръ Васильевичъ нѣсколько задумался, и произнесъ: „За чѣмъ избрала она себѣ предметомъ такой оригиналъ?" Депутатъ подхватилъ: „Лишь оригинальности пііитическаго Генія нашей Валдентини приличествуетъ воспѣть такого великаго оригинала." — Мнѣ велѣно было сообщить все, что я имѣлъ и зналъ. Она написала превосходнѣйшую на побѣды Суворова въ Италіи Оду, напечатанную въ Луккѣ. Въ семъ твореніи вдохновенія ея блистаютъ сила воображенія, истина и гармонія выраженія.

Графъ Сентъ-Андре, почтенный Сардинскій Генералъ, преданный Суворову, сказалъ ему однажды въ разговорѣ: „Ваше Сіятельство имѣете враговъ; но не соперниковъ."

Однажды Князь наединѣ со мною въ кабинетѣ, по окончаніи дѣлъ, спросилъ меня: „Будешь ли писать въ Исторіи моей и анекдоты обо мнѣ?" Я отвѣчалъ: Непремѣнно, если буду живъ. — „Напрасно, напрасно!" возразилъ онъ „я небогатъ

анекдотами, а странностями, проказами; я чудакъ, мальчишка, и пр. и пр." Опять просилъ я Его Сіятельство, предоставить судить о себѣ другимъ. „Да какая польза отъ анекдотовъ?" былъ его вопросъ. Отвѣтъ мой: „величайшая. По мнѣнію моему, чтеніе анекдотовъ изъ Плутарха образовало наиболѣе военныхъ людей. Это черты, изъ которыхъ составляется портретъ, образецъ соревнованію. И не рѣдко одинъ анекдотъ, лучше всякаго пера Исторіи, изображаетъ намъ характеръ и геній Героя. Прочитавъ въ Светоніѣ анекдоты изъ частной жизни Цезарей, мы лучше обнимаемъ Тацита, Тита Ливія, Салюстія и всю Римскую Исторію. Самъ Цезарь собиралъ острыя слова, апофтегмы Цицерона, а Цензоръ Катонъ, достопамятныя сказанія знаменитыхъ своихъ соотечественниковъ. И если позволите мнѣ. . . ." —„Продолжай, продолжай: " вскрикнулъ онъ „ты говоришь какъ книга." —„Позвольте мнѣ сказать: Архенгольцъ, въ Исторіи семилѣтней войны выставилъ Фридриха Марсомъ, а Бишингъ въ анекдотахъ— человѣкомъ въ кабинетѣ и частной его жизни; и изъ сей совокупности выхо-

дитъ Фридрихъ великимъ. Безъ Голикова и Штелина, не знали бы мы нашего Петра Великаго, какъ мы теперь Его знаемъ. Такъ изъ анекдотовъ моихъ узнаютъ и того, предъ которымъ я имѣю счастіе теперь стоять.“ Онъ тотчасъ вскочилъ, благословилъ меня, и сказалъ: „Ступай; пора тебѣ отдыхать, ты усталъ.“ — Но на лицѣ его читалъ я удовольствіе.

Когда Австрійскій Генералъ, Графъ Беллегардъ, и Великобританскій Посланникъ при Вѣнскомъ Дворѣ, Лордъ Минто, пріѣхали въ Прагу, въ Богеміи, уговаривать возвращавшагося уже съ арміею въ Россію Суворова о начатіи новыхъ военныхъ дѣйствій: то онъ, согласно съ полученными отъ Двора своего предписаніями, отъ того уклонился; но продиктовалъ слѣдующую на Французскомъ языкѣ замѣтку: „Si l'on fait encore la guerre à la France, qu' on la fasse bien; si on la fait mal, ce sera un poison mortel. Il vaut mille fois mieux ne pas l'entreprendre, telle qu' elle a déjà eu lieu. Tout homme qui a étudié le génie de la révolution, seroit criminel de le taire. La première grande

guerre qu'on fera à la France, sera aussi la dernière: т. е. Если начать еще разъ войну съ Франціею, то надобно ее вести хорошо; если поведутъ ее худо, то это будетъ смертельный ядъ. Тысяча разъ лучше ее не предпринимать по прежнему. Всякій, вникнувшій въ духъ революціи, былъ бы преступникомъ, если бы о семъ умолчалъ. Первая большая война съ Франціею будетъ и последнею."

Князь Александръ Васильевичь любилъ скорые ответы безъ остановки. Онъ хотѣлъ въ семъ родѣ испытанія быть Лафатеромъ: узнавать, какъ тотъ, характеръ человѣка по физіономіи, такъ онъ, по отвѣту. Многіе очень ошибались, думая, что отвѣчая ему скоро и нелѣпо, ему угождали. Правда, онъ замолчитъ, но оцѣнитъ пустослова. Приведу здѣсь одинъ примѣръ: Однажды еще наканунѣ поднесенъ ему былъ рапортъ о присоединеніи къ нашей арміи 3500 Сардинскихъ войскъ. Не смотря на то, что онъ сіе зналъ, подходилъ къ каждому съ вопросомъ о числѣ ихъ. Всякій отвѣчалъ наобумъ. Иной 5000, другой 200, а нѣ-

кто 20000. „Ахъ, помилуй Богъ, какъ ты щедръ!“ вокрикнулъ и отскочилъ отъ него. Но одинъ Генералъ объявилъ истинное число. Тотчасъ шепнулъ онъ мнѣ, чтобы пригласить его къ столу. За завтракомъ потчивалъ его изъ своихъ рукъ рѣдькою, что у него почиталось особеннымъ отличіемъ. За обѣдомъ бесѣдовалъ съ нимъ, и обратилъ разговоръ на необходимую обязанность военнаго начальника знать число подчиненнаго ему войска. „Румянцовъ“ заключилъ онъ, зналъ не только число своего войска, но и имена солдатъ. Чрезъ десять лѣтъ послѣ Кагульскаго сраженія узналъ онъ въ городѣ Орлѣ сторожа, служившаго на той славной битвѣ рядовымъ; остановилъ его, назвалъ по имени, и поцѣловалъ.“

Когда, предъ вступленіемъ нашимъ въ Швейцарію, прибылъ въ армію Генералъ-Маіоръ, Графъ Николай Михайловичъ Каменскій; то онъ пожаловалъ ко мнѣ, и просилъ меня представить его Фельдмаршалу. Мы пошли къ нему. Дорогою замѣтилъ я въ Графѣ смущеніе; онъ не скрылъ отъ меня своего опасе-

нія, что можетъ быть, по извѣстнымъ всѣмъ бывшимъ между Александромъ Васильевичемъ и отцемъ его непріятностямъ, не удостоится онъ благосклоннаго приема. Я засмѣялся, сказавъ ему: „Худо, Графъ, знаете вы Суворова: но вы тотчасъ разувѣритесь." Едва лишь произнесъ я имя Графа Каменскаго, какъ онъ уже обнялъ и разцѣловалъ его, съ сими словами: „Какъ! сынъ друга моего будетъ со мною пожинать лавры, какъ я нѣкогда съ отцемъ его!" — Прочитавъ письмо отъ его родителя, прослезился и произнесъ: „Когда ты къ батюшкѣ будешь писать, то принеси ко мнѣ письмо, я припишу." Мы пошли къ обѣднѣ. Вдругъ съ крылоса подбѣжалъ Графъ къ Николаю Михайловичу, съ вопросомъ: „поетъ ли его батюшка? на отвѣтъ, что поетъ, отвѣчалъ онъ: „Знаю, но безъ нотъ, а я по нотамъ." — и побѣжалъ къ пѣвчимъ. — По переходѣ чрезъ Альпійскія горы, когда Графъ Каменскій отличился уже своимъ безстрашіемъ, находясь денно и ночно посреди ужасовъ и отъ непріятелей и отъ стихій, безотлучно впереди своего полка; и пуля продетѣла сквозь его шляпу: поднесъ онъ

Генералиссимусу открытое письмо свое къ отцу. Тутъ приписалъ Суворовъ между прочимъ: „Юный сынъ вашъ, старый Генералъ.“ Воспоминаніе о семъ драгоцѣнно моему сердцу: ибо на Альпійскихъ горахъ связанъ былъ между знаменитымъ, навѣки незабвеннымъ симъ защитникомъ Отечества, и мною тотъ крѣпкій узелъ дружества, который не ослабнулъ и поконецъ его жизни.

Въ тотъ день, когда въ городѣ Нейтитченѣ завѣщалъ мнѣ Князь у гробницы Лаудона, сдѣлать на своей надпись: *здѣсь лежитъ Суворовъ*, бесѣдовалъ онъ много о смерти и эпитафіяхъ; также, что онъ желалъ бы положить кости свои въ Отечествѣ. „Не помнишь ли,“ обратясь ко мнѣ, спросилъ „какой памятникъ былъ воздвигнутъ Еврипиду?“ Къ счастію, читалъ я о томъ недавно, и началъ: „Царь Македонскій, Архелай, воздвигнулъ Еврипиду памятникъ, съ надписью: *никогда память твоя, Еврипидъ, не угаснетъ.* Но блистательнѣйшій кенотавъ въ Аѳинахъ былъ сей: *Вся Греція памятникъ Еврипиду. Земля Македонская покрываетъ токмо*

его кости." — Онъ произнесъ: „Спасибо тебѣ, что ты помнишь. Еврипидъ былъ въ мірѣ одинъ, и памятникъ ему — единственный!"

Болѣнъ и бо*лѣ*нъ то есть, съ удареніемъ надъ послѣднимъ слогомъ *лѣнъ*, различалъ Князь. Просто болѣнъ, значило у него истинно изнемогшаго, который слегъ въ постелю; но бо*лѣ*нъ съ удареніемъ надъ *лѣнъ*, былъ по его мнѣнію тотъ, которому нездоровится, которому не такъ-то по себѣ, который прихворнулъ; проклятая мигрень! — И этого онъ не терпѣлъ. Всегда спрашивалъ о какомъ-нибудь больномъ: „Что онъ: болѣнъ, или бо*лѣ*нъ?" Разумѣется, чтобъ не разсердить его, отвѣтъ былъ всегда чистымъ языкомъ: болѣнъ, безъ непріятнаго ударенія. И тутъ повторялъ онъ свой рецептъ изъ словеснаго поученія солдатамъ: „Бойся Богадѣльни; — Нѣмецкія лекарственницы издалека тухлыя, безсильныя и вредныя. Русскій солдатъ къ нимъ не привыкъ. У васъ есть въ артеляхъ корешки, травушки, муравушки. Солдатъ дорогъ. Помните, господа! полевой Лечебникъ Штабъ-Лекаря Бѣлопольскаго. Богадѣльни первый

день мягкая постель, второй день Французская похлебка, третій день, ел братецъ, домовище къ себѣ и тащитъ! Одинъ умираетъ, а десять товарищей хлебаютъ его смертный дыхъ.“

Если Князь познакомится покороче съ иностранцемъ, то любилъ называть его по имени и отчеству. Въ бытность въ Финляндіи, имѣлъ онъ подъ начальствомъ своимъ Инженернаго Генералъ-Маіора, Прево-де-Люмьяна, которому велѣлъ называться Иваномъ Ивановичемъ; и тотъ поконецъ жизни своей слылъ сими именами, хотя ни онъ, ни отецъ его Иванами не бывали.

Слова: *не могу знать, не умѣю доложить*, или *сказать*, *полагаю*, *можетъ быть*, *мнѣ кажется*, *я думаю*, и все подобное, неопредѣлительное, могли его разсердить до чрезвычайности. Одинъ, принадлежавшій къ Дипломатическому Корпусу, имѣлъ несчастіе употреблять сіи слова, и никакъ не могъ отвыкнуть. Онъ однажды довелъ Князя до того, что

тотъ велѣлъ растворить окошки и двери и принести ладону, чтобы выкурить и очистить воздухъ отъ заразительнаго немогузнайства, и тутъ кричалъ онъ: „Проклятая немогузнайка, намѣка, догадка, лживка, лукавка, краснословка, двуличка, вѣжливка, безтолковка, недомолвка, ускромейка. Стыдно сказать, отъ немогузнайки много, много бѣды!“ Подобная схватка была у него въ Молдавіи и съ Генераломъ Деволантомъ, который никакъ не хотѣлъ говорить *знаю* о такихъ вещахъ, которыя ему были не извѣстны. Споръ у него съ Суворовымъ дошелъ до того, что онъ оставилъ обѣдъ, и, выскочивъ изъ окошка, убѣжалъ къ себѣ на квартиру. Въ слѣдъ за нимъ гнался Александръ Васильевичъ, догналъ его, примирился, и сдѣлался его другомъ. Деволантъ былъ Голландецъ. Суворовъ послѣ того говаривалъ: „Теперь вижу я, почему Испанскій, Непобѣдимымъ названный, флотъ Филиппа, не могъ устоять предъ такимъ упорно грубымъ народомъ, каковъ Голландскій. И Петръ Великій ощутилъ то.“

Лордъ Клинтонъ, отличнаго ума Великобританецъ, обѣдалъ у Суворова. Въ тотъ день обѣдъ начался въ 9 часовъ пополуночи. Повару приказано изготовить блюда къ этому времени, съ тѣмъ замѣчаніемъ, что Англичане обѣдаютъ поздно. Графъ, какъ говорится, былъ совершенно въ своей тарелкѣ. Бесѣдовалъ весьма пріятно и поучительно о важныхъ военныхъ Историческихъ предметахъ, и восхитилъ Клинтона. На другой день посѣтилъ сей меня, и принесъ показать письмо къ другу своему въ Лондонѣ. Такъ какъ я по - Англійски не знаю, то просилъ его перевесть. Онъ кое-какъ передалъ мнѣ на Французскій языкъ, и я съ дозволенія его положилъ на бумагу. Вотъ содержаніе онаго: „Сей часъ выхожу я изъ ученѣйшей Военной Академіи, гдѣ были разсужденія о Военномъ Искусствѣ, о Аннибалѣ, Цезарѣ, замѣчанія на ошибки Тюреня, Принца Евгенія, о нашемъ Малборукѣ, о штыкѣ, и пр. и пр. — Вы вѣрно хотите знать, гдѣ эта Академія и кто Профессоры? угадайте!.... я обѣдалъ у Суворова: — не помню, ѣлъ ли что; но помню съ восторгомъ каждое его слово. Эщо нашъ Гарикъ, но на

театрѣ великихъ происшествій; это тактическій Рембрантъ: какъ тотъ въ живописи, такъ сей на войнѣ — волшебники! Боюсь только, чтобы онъ не занемогъ нашимъ сплиномъ: но отъ богатства побѣдъ. И этотъ умнѣйшій мужъ вздумалъ меня увѣрять, что онъ ничего не знаетъ, ничему не учился, безъ воспитанія, и что его по справедливости называютъ Вандаломъ. Наконецъ остановилъ я его сими словами: „Если „вамъ удается обманывать насъ, вашихъ „современниковъ: то не удастся обмануть „потомковъ; впрочемъ, и въ самомъ по„томствѣ останетесь вы іероглифомъ.“ Онъ замолчалъ, началъ корчить лице, кривляться, дѣлать невѣроятныя гримасы, и проч.“ — Я отважился прочитать Графу сію выписку, и онъ отвѣчалъ: „Ахъ! помилуй Богъ, кто бы подумалъ, что и добрый Клинтонъ былъ у меня шпіономъ? Самъ виноватъ, слишкомъ раскрылся: не было пуговицъ.“

Портретъ Суворова написанъ былъ Миллеромъ. Онъ готовился уже отвести его въ Дрезденъ; но былъ въ недоумѣніи, по-

казать ли его тому оригиналу, который никогда не хотѣлъ видѣть себя и въ зеркалѣ, или, какъ Г. Миллеръ изъяснялся, не хотѣлъ видѣть и въ копіи другаго Суворова. Я присовѣтовалъ ему пойти со мною, и показать ему. Мы пришли. Князь, едва взглянувъ, спросилъ: „Полезны ли вамъ были Психологическія мои разсужденія о самомъ себѣ?“—„Очень!“ отвѣчалъ тотъ. „для начертанія характеровъ пригодно все, и даже мелочи. Толпою незамѣчаемыя черты дѣлаются для артиста, изобразителя души въ тѣлѣ, весьма важными. Счастливо перенесенныя на холстъ, онѣ даютъ портрету всю физіономію. До сего невдохновенный художникъ никогда не достигаетъ. Рубенсъ, по справедливости провозглашенный Княземъ Нидерландской Школы, изобразилъ смѣющееся дитя. Одинъ мигъ волшебной его кисти — и дитя, къ изумленію всѣхъ предстоящихъ, плачетъ. Я не Рубенсъ! но онъ бы въ первый разъ позавидовалъ теперь моему счастію!“ — Графъ поцѣловалъ его отъ души, и велѣлъ мнѣ записать: Рубенсъ, Миллеръ! — слава творческому Генію Живописи.“ — „Эти слова“ сказалъ Миллеръ

въ изступленіи „изъ усшъ Суворова, даюшъ безсмершіе!“

Разговорились за обѣдомъ о шрудносшяхъ узнавашь людей. „Да, правда,“ сказалъ Князь Александръ Васильевичъ, „шолько Петру Великому предосшавлена была великая шайна выбирашь людей: взглянулъ на солдаша Румянцова, и онъ офицеръ, посолъ, вельможа; а шошъ за сіе ошблагодарилъ Россіи сыномъ своимъ, Задунайскимъ. Мои мысли: вывѣска дураковъ — гордосшь; людей посредсшвеннаго ума — подлосшь; а человѣка исшинныхъ досшоинсшвъ — возвышенносшь чувсшвъ, прикрышая скромносшію.“

По возвращеніи моемъ изъ Венеціи, ошдалъ я Фельдмаршалу въ его кабинешѣ ошчешъ въ моихъ порученіяхъ. За обѣдомъ разспрашивалъ онъ меня о многихъ подробносшяхъ сего чудеснаго, единсшвеннаго въ свѣшѣ, какъ будшо изъ волнъ морскихъ возникающаго града. Я разсказывалъ ему все, что въ шеченіи шрехъ дней могъ замѣшишь любопышнаго. Онъ

вздохнулъ, вспомнивъ о прежнемъ величіи сей Царицы морей, о блескѣ ея торговли; но благодарилъ Бога, что адская политическая инквизиція поглощена ея же волнами. Между многими разсказами, упомянулъ я, какъ тамъ въ тракширѣ (Caza di Pedrillo), за общимъ обѣденнымъ столомъ, поразилъ меня сосѣдъ сими словами: „Chez nous à Pétersbourg, т. е. у насъ въ Петербургѣ.“ Не полагая никакъ увидѣть здѣсь Русскаго, я вскрикнулъ съ изступленіемъ по-Русски: „Какъ! вы были въ Петербургѣ?“ Отвѣтъ его: „Я тамъ родился.“ — „Этого довольно;“ продолжалъ я „теперь знаю, хотя вы мнѣ и не были знакомы, что вы гуляли тамъ со мною по гранитной набережной, въ лѣтнемъ саду, по островамъ, пили со мною Невскую воду, слышали со мною тотъ же колокольный звонъ, тотъ же барабанъ, и объѣхавъ, какъ и я, множество городовъ, скажите также со мною вмѣстѣ: „Нѣтъ краше матушки Москвы и „Петербурга!“ „Недождавшись отвѣта, бросился я его обнимать; искренность взаимныхъ чувствъ нашихъ насъ тотчасъ сблизила, и теперь оба мы перестали жить въ Венеціи.“ — Графъ тутъ съ

удовольствіемъ вспомнилъ, какъ въ молодыхъ лѣтахъ, бывъ отправленъ въ Берлинъ курьеромъ, встрѣтилъ онъ также въ Пруссіи Русскаго солдата. „Братски, съ искреннимъ патріотизмомъ," говорилъ онъ „разцѣловалъ я его; разстояніе состоянія между нами исчезло. Я прижалъ къ груди земляка. Если бы Силла и Марій встрѣтились нечаянно на Алеутскихъ островахъ, соперничество между ними пресѣклось бы; Патрицій обнялъ бы Плебеянина, и Римъ не увидѣлъ бы кровавой рѣки."

Когда Фельдмаршалъ, по взятіи Австрійскимъ Генераломъ Креймомъ Турина, возносилъ его хвалами, и пилъ за его здоровье, одинъ его землякъ, изъ знатнѣйшей древнѣйшей фамиліи, сказалъ: „Знаете ли, что Креймъ изъ самаго низкаго состоянія и изъ простыхъ солдатъ дослужился до Генерала?" — „Да," отвѣчалъ Александръ Васильевичъ „его не осѣняетъ огромное родословное древо; но я почелъ бы себѣ особенною великою честію имѣть его послѣ сего подвига своимъ, по крайней мѣрѣ, хотя кузиномъ."

Случился у Суворова споръ о лѣтахъ двухъ Генераловъ. Одному было дѣйствительно пятдесятъ лѣтъ; а другому сорокъ. Но Александръ Васильевичъ началъ увѣрять, что сорокалѣтній старѣе пятидесятилѣтняго. „Послѣдній, говорилъ онъ „большую часть жизни своей проспалъ; а первый работалъ на службѣ денно и ночно. Итогъ выйдетъ, что чуть ли сорока-лѣтній не вдвое старѣе пятидесяти-лѣтняго.“ „По этому расчету,“ сказалъ Маркизъ Шателеръ „Вашему Сіятельству давно, давно уже минуло за сто и болѣе лѣтъ.“ — „Ахъ, нѣтъ!“ отвѣчалъ Суворовъ „разскройте Исторію, и вы увидите меня тамъ мальчишкою.“ — „Истинно великіе хотятъ всегда казаться малыми; но громкая труба молвы заглушаетъ ихъ скромность;“ возразилъ Шателеръ. — Суворовъ зажмурился, закрылъ свои уши и убѣжалъ.

Не понятно, какъ человѣкъ, привыкшій по утрамъ окачиваться холодною водою; выпарившись въ банѣ, бросаться въ рѣку или въ снѣгъ; неносившій никогда шубы, кромѣ мундира, куртки и

изодранной родительской шинели, — могъ въ горницѣ переносить ужасную теплоту. Въ этомъ походилъ Князь Александръ Васильевичъ на нашихъ крестьянъ въ избахъ. Подобно имъ, любилъ и онъ быть въ полномъ *неглиже.* — Я, а со мною и многіе, страдали въ его теплицѣ. Не рѣдко потъ съ меня такъ и катился на бумагу при докладахъ. Однажды закапалъ я донесеніе, хотя по содержанію своему не очень ему пріятное. „Вотъ, Ваше Сіятельство, я не виноватъ," сказалъ я ему, „а ваша Этна," указавъ на печь. — „Ничего, ничего," отвѣчалъ онъ „въ Петербургѣ скажутъ, или что ты до поту лица работаешь, или что я окропилъ сію бумагу слезою. Ты потливъ, а я слезливъ." — Также и Австрійскій Генералъ-Квартирмейстеръ Цахъ распалился до того, что, работая съ нимъ въ кабинетѣ, снялъ съ себя галстухъ и мундиръ. Фельдмаршалъ бросился его цѣловать, съ сими словами: „Люблю, кто со мною обходится безъ фасоновъ." — „Помилуйте," вскрикнулъ тотъ „здѣсь можно сгорѣть." — Отвѣтъ: „Что дѣлать? Ремесло наше такое, чтобъ быть

всегда близь огня; а потому я и здѣсь отъ него не отвыкаю.“

Государыня Императрица Екатерина, узнавъ, что Суворовъ ѣздитъ и ходитъ въ ужасные трескучіе морозы въ одномъ мундирѣ, изволила, для сбереженія его здоровья, подарить ему пребогатую черную соболью шубу. Онъ принялъ сей даръ Монаршаго благопризрѣнія съ должнымъ благоговѣніемъ; возилъ съ собою въ каретѣ, держа со всякою бережливостію на колѣнахъ; но никогда не дерзалъ возлагать на грѣшное свое тѣло, какъ онъ отзывался о себѣ по Христіанскому смиренію.

При вступленіи войскъ нашихъ въ Варшаву, данъ былъ приказъ: „У Генерала Н. Н.... взять позлащенную его карету, въ которой въѣдетъ Суворовъ въ городъ. Хозяину сидѣть насупротивъ, смотрѣть вправо и молчать, ибо Суворовъ будетъ въ размышленіи.“ (Надобно знать, что хозяинъ кареты слылъ говоруномъ).

Нѣкто вздумалъ назвать Суворова Поэтомъ. „Нѣтъ! извини," возразилъ онъ „Поэзія — вдохновеніе; а я складываю только — вирши."

Говорили объ одномъ военачальникѣ, котораго бездѣйствіе походило на трусость. Графъ тутъ сказалъ: „Нѣтъ, онъ храбръ; но бережетъ себя, хочетъ дожить до моихъ лѣтъ."

Генералъ-Квартирмейстеръ Цахъ, говоря о Карлѣ XII, назвалъ его Донкишотомъ. „Правда;" сказалъ Графъ „но мы, любезный Цахъ, донкишотствуемъ всѣ (wir alle dongüischotienen) и надъ нашими глупостями, горебогатырствомъ, платоническою любовью, сраженіями съ вѣтренными мельницами, также бы смѣялись, если бы у насъ были Сервантесы. Я, читая сію книгу, смѣялся отъ души; но пожалѣлъ о бѣдняжкѣ, когда фантазмагорія кукольной его комедіи начала потухать предъ распаленнымъ его воображеніемъ, и онъ наконецъ покаялся, хотя и съ горестію, что былъ дуракъ. Это

болѣзнь старости, и я чувствую ея приближеніе." — Цахъ при семъ случаѣ разсказалъ анекдотъ, что когда у знаменитѣйшаго ученостію Медика, Сиденгама, при кончинѣ его, просилъ другой Докторъ совѣта, какою книгою ему при леченіи руководствоваться, отвѣтствовалъ онъ: „Читайте Донкишота."

Изъ всѣхъ отраслей военнаго искусства, преимущественно любилъ Князь Александръ Васильевичъ Инженерную науку. Посему, Великая Екатерина и поручила ему построеніе и поправленіе крѣпостей въ Финляндіи. Вобана зналъ онъ почти наизъусть, и вотъ причина, какъ онъ говорилъ: „Покойный батюшка перевелъ его, по Высочайшему повелѣнію Государя Императора Петра Великаго, съ Французскаго на Россійскій языкъ, и при ежедневномъ чтеніи и сравненіи съ оригиналомъ сего перевода, изволилъ самъ меня руководствовать къ познанію сей, для военнаго человѣка столь нужной и полезной науки." Книга сія сдѣлалась те-

перь очень рѣдкою; я видѣлъ ее въ рукописи; заглавіе ея:

Прямый

способъ укрѣпленія городовъ,

Изданный

Отъ славнаго Инженера

Вобана,

На Французскомъ языкѣ.

Переведенъ на Россійскій языкъ.

1724 года.

Переводчикъ, говоря въ предисловіи о важности и пользѣ сей книги, заключаетъ слѣдующими словами: „Сихъ убо „ради винъ Петръ Великій, Императоръ и „Отецъ Отечества, егда воспрія сію книгу, на Французскомъ языкѣ изданную, „многополезную и другимъ несравненную, „возъимѣлъ намѣреніе, да сея пользы Россійскій свѣтъ не лишенъ будетъ, повелѣ „изъ Французскаго языка на Россійскій „преложити, яже и преложена есть Василіемъ Суворовымъ.“

Нѣжность въ обращеніи Генералиссимуса съ плѣнными Генералами была примѣрная. Возвращая Генерала Серрюрье, нынѣшняго Маршала Франціи, изъ плѣна въ Парижъ, наговорилъ онъ ему множество вѣжливостей. Тотъ, описывая въ журналахъ свое съ Генералиссимусомъ въ Миланѣ свиданіе, отзывался объ немъ съ восторгомъ. Узнавъ также, что Генералъ Лекурбъ былъ женатъ, вручилъ онъ ему при отпускѣ его изъ плѣна на Альпійскихъ горахъ цвѣтокъ, прося его поднесть оный, отъ имени его, супругѣ своей. Цвѣтокъ давно увялъ; но чувство благодарности за таковое вниманіе въ благородномъ сердцѣ не старѣетъ и не изсякаетъ. Лекурбъ показывалъ въ 1813 году оный, какъ нѣчто священное, Генералъ-Маіору Ѳ. Ѳ. Шуберту, бывшему при арміи нашей во Франціи Полковникомъ по Квартирмейстерской части.

Странности, особенности, или такъ называемыя причуды, дѣлали Князя загадкою, которая не разрѣшена еще и понынѣ. Безпрестанно спрашивали и спрашиваютъ меня: за чѣмъ наложилъ онъ

на себя такую личину? И отвѣтъ мой былъ тотъ, какой и теперь: не знаю. Всегда поражало, изумляло меня, какъ человѣкъ, на единѣ умнѣйшій, ученѣйшій, лишь только за порогъ изъ своего кабинета, показывается шутомъ, проказникомъ, или, если смѣю сказать, какимъ-то прокаженнымъ. Онъ игралъ съ людьми комедію, и на сценѣ рѣзвился, а зрители рукоплескали. Однажды, вышедъ изъ терпѣнія, отважился я спросить его, что все это значитъ? „Ничего,“ отвѣчалъ онъ „это моя манера. Слышалъ ли ты о славномъ комикѣ Карленѣ: онъ на Парижскомъ Театрѣ игралъ арлекина, какъ будто рожденъ арлекиномъ; а за кулисами и въ частной жизни былъ пресеріозный и строгихъ правилъ человѣкъ: ну, словомъ, Катонъ!“ — И чтобы пресѣчь разговоръ, приказалъ мнѣ итти съ порученіями къ Генералу отъ Кавалеріи Вилиму Христофоровичу Дерфельдену.

Въ Варшавѣ поутру явилось къ побѣдителю многочисленное собраніе. Одна знатная, Польская, рѣдкой красоты дама, отлично уважаемая, стояла въ толпѣ.

Онъ тотчасъ бросился къ ней, съ симъ восклицаніемъ: „Что вижу я? о чудо изъ чудесъ! на прекраснѣйшемъ небѣ два солнца!“ Протянулъ два пальца къ ея глазамъ, и ну ее цѣловать. Послѣ сего, на парадахъ, на балахъ, вездѣ казалась она ему, и возносила его. — Александръ Васильевичъ доказалъ симъ, что онъ зналъ дамское сердце, и зналъ, кому сдѣлать такое привѣтствіе.

Дюкъ де-Полиніякъ приходитъ въ Варшавѣ къ Суворову, и велитъ тотчасъ о себѣ доложить. Занятый дѣлами, Фельдмаршалъ, желая дать ему почувствовать такую нетерпѣливость, не выходитъ болѣе часа изъ своего кабинета. Вдругъ выбѣгаетъ съ крикомъ, нагнувшись, придерживая свой животъ: „О проклятая колика! она съ часъ задержала васъ. Какъ мнѣ это больно.“ И началъ съ нимъ разговаривать при многочисленномъ собраніи. Въ продолженіи разговоровъ, Полиніякъ плюнулъ въ платокъ. Тутъ отскочилъ отъ него Графъ; началъ кричать, харкать, плевать на полъ. Прошка тотчасъ подалъ чистый платокъ Дюку, а заплеванный взялъ въ

мытье. Подполковникъ Тищенко окуривалъ его кадильницею съ ладономъ со всѣхъ сторонъ. Равнодушная при сей церемоніи неподвижность Полиніяка, столько понравилась Графу, что они послѣ сблизились.

Подымаясь на Сен-Готаръ съ послѣднимъ напряженіемъ силъ, увидѣли мы вдругъ возвышающееся на ледовитой, снѣжной вершинѣ ужасной горы сей зданіе. Сердце у каждаго изъ насъ встрепенулось отъ радости. Мы какъ будто увидѣли предѣлъ нашему, уже истощевающемуся утомленію. Здѣсь тотъ Капуцинскій Монастырь, гдѣ иноки, посвятившіе себя Богу, даютъ убѣжище странникамъ; отыскиваютъ въ пропастяхъ, съ помощію чутья приученныхъ своихъ собакъ, замерзшихъ, отогрѣваютъ и оттаиваютъ тѣла ихъ, и не рѣдко возвращаютъ имъ жизнь. Мы были встрѣчены Настоятелемъ и братіею сей, толикими Богоугодными дѣлами освященной обители, въ церковномъ ихъ облаченіи. Настоятель, семидесятилѣтній маститый старецъ, украшенный сѣдинами и длинною

бородою, съ огненными блестящими очами и благоговѣніе вдыхающимъ челомъ, приглашалъ престарѣлаго, изнемогшаго нашего вождя въ келью для отдохновенія. „Нѣтъ! Святый отецъ,“ воскликнулъ онъ „я и всѣ сіи мои дѣти, подвизающіеся за алтарь Господень, томимся голодомъ; но веди насъ во Храмъ, да воспоемъ хвалу Спасшему насъ! а потомъ уже въ трапезу.“ —Молебствіе началось; и кто изъ насъ не пролилъ съ отцемъ нашимъ, преклонившимъ колѣна, чистыхъ слезъ благоговѣйнаго глубочайшаго благодаренія тому Неисповѣдимому, Котораго десница вознесла насъ изъ пропастей на сей верхъ столба — небеснаго, лучезарнаго балдахина Своего. —Въ трапезѣ, блюда съ картофелемъ и горохомъ, и какая-то рыба, пресытили насъ лучше всѣхъ пряностей обѣихъ Индій. И какое зрѣлище! . . . два старца, Суворовъ и Пріоръ, сблизились сердцами, какъ будто бы они вмѣстѣ состарѣлись и посѣдѣли, безпрестанно другъ друга обнимали. Кроткій Священнослужитель разговаривалъ съ нимъ то по-Нѣмецки, то по-Французски и по-Италіянски. Вдругъ пришла Александру Васильевичу мысль, заставить меня гово-

ришь по-Лашыни. Кое-какъ жалкимъ слогомъ на семъ мершвомъ языкѣ проговорилъ я нѣсколько словъ; а чтобы скрышь свои недосшашки, вздумалъ ошыграшься сшихомъ изъ Энеиды, казавшимся мнѣ приличнымъ нашему положенію. Памяшь мнѣ не измѣнила — вошъ онъ:

Per varios casus, per tot discrimina rerum
Tendimus in Latium, sedes ubi fata quietas ostendunt.

т. е.

Мы сквозь грозу шоликихъ напасшей шропу пробиваемъ
Въ Лаціумъ, гдѣ намъ судьбы покойную жизнь указуюшъ.

Гдѣ я осшановился, шамъ ученый мужъ началъ продолжашь нѣсколько сшиховъ, и показалъ, что онъ юносшь свою, болѣе нежели я мою, согрѣвалъ подъ Піишическимъ, яркимъ солнцемъ Виргилія. — Въ продолженіи разныхъ разговоровъ, разсказывалъ Пріоръ, что по лѣшописямъ монасшырскимъ, Русскіе, почши полшора сшолѣшія назадъ, посѣшили Сен-Гошаръ (*). „И шакъ,“ ошвѣчалъ

(*) См. IV-ю часшь Древней Россійской Вивліоѳики, главу VI: Сшашейный списокъ посольсшва Дворянина и Боровскаго Намѣсшника, Василія Лихачева, во Флоренціи, въ 7167 (1659) году. Въ любопышномъ журналѣ сего, ошправленнаго Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ,

Графъ „мы ступали по слѣдамъ давно въ Бозѣ усопшихъ прадѣдовъ нашихъ. Не осталось ли здѣсь изъ нихъ умершаго; мы бы воспѣли ему вѣчную память.“ — „Нѣтъ,“ отвѣчалъ Пріоръ. — Къ концу обѣда началъ Александръ Васильевичъ возносить похвалами человѣколюбивые подвиги сихъ монашествующихъ, и сожалѣть, что они безпрестанно подвергаются несчетнымъ трудностямъ и опасностямъ. „Не жалѣйте о насъ, благодѣтельный Герой;“ прервалъ рѣчь его Пріоръ. „Не рѣдко стаканъ воды жаждущему, кусокъ хлѣба голодному, утѣшительное слово горюющему, нѣсколько капель лекарства больному, приобрѣтали намъ довѣренность и любовь спасеннаго, и дѣлали насъ его благодѣтелями. А съ чѣмъ сравнится душевная радость, какую мы ощущаемъ, когда видимъ мало по малу оттаивающаго, оживающаго замерзшаго. То-

---

посольства, сказано между прочимъ слѣдующее: „Марта во 2-й день сталь былъ въ гостинницѣ въ селѣ Ролѣ (Роллѣ), въ Швейцарской землѣ; а ѣхали между превеликихъ высокихъ горъ, и доѣхали до высокія снѣжныя горы Сангутары. (Сен-Готаръ). Тутъ жили три дни по великое заговѣнье; а жили для того, что дѣлали чрезъ тѣ горы дорогу; а по нашъ пріѣздъ чрезъ ту гору Сангутаръ, никто не бывалъ.“

гда всѣ трудности, всѣ опасности забыты. Мы повергаемся предъ Престоломъ Творца, сподобившаго насъ быть орудіемъ Своея благости — воскрешать. Тогда и самыя этѣ обнаженныя скалы и бурныя стихіи, и вся мертвѣющая здѣсь природа являются намъ безстрашными, прелестными." — Тутъ, съ изліяніемъ сердечныхъ чувствъ, воскрикнулъ Суворовъ: „Нѣтъ, вы истинно великіе Христіанскіе Герои, нещадящіе живота для спасенія страждущаго человѣчества. Вашему сердобольному благопризрѣнію ввѣряю я своихъ братьевъ, погибшихъ въ вашихъ пропастяхъ. Вы, вознесясь надъ земнымъ, близки и душею вашею и обителію къ небесамъ. Богъ да хранитъ васъ!" — Войско отдохнувъ, укрѣпивъ себя пищею, низверглось съ молитвою въ новыя зіяющія пучины.

Князь Александръ Васильевичъ не могъ увидѣть бѣднаго или нищаго, чтобы не сдѣлать ему подаянія. А такъ какъ у него никогда не было при себѣ денегъ, и счетовъ своимъ приходамъ и расходамъ онъ во всю жизнь не читалъ:

что весьма часто занималъ у предстоявшихъ. Однажды, въ продолженіи обѣда, вошелъ нечаянно въ горницу девяностолѣтній нищій, приходившій ежедневно къ хозяйкѣ дома за подаяніемъ. Увидя многочисленное собраніе, онъ испугался, и хотѣлъ-было уйти. Но Князь вскочилъ самъ, усадилъ его и угащивалъ. Тотчасъ занялъ нѣсколько червонцевъ, велѣлъ сдѣлать складчину. Русскіе щедры: — старецъ со слезами признательности удалился. Тутъ съ чувствительностію произнесъ онъ: „Добрые друзья мои! кто теперь благополучнѣе, сей ли старецъ, получившій отъ насъ дары, или мы, подкрѣпившіе болѣзненную его дряхлость? Тогда только, когда человѣкъ простираетъ на помощь ближнему руку, уподобляется онъ Творцу. Дивлюсь;“ продолжалъ онъ „вездѣ благотворныя заведенія; а нищета не уменьшается.“ Но когда у него въ другой разъ просилъ милостыни здоровой, то онъ велѣлъ купить ему топоръ, сказавъ: „Руби дрова: не умрешь съ голоду.“

При вступленіи войскъ нашихъ въ Италію, Италіянцы не выходили никогда изъ домовъ своихъ безъ кинжаловъ, спрятанныхъ подъ плащами, и тотчасъ, при малѣйшемъ оскорбленіи, закалывали на улицахъ. Фельдмаршалъ прекратилъ зло сіе немедленно, опредѣливъ строжайшее наказаніе тому, у кого найдено будетъ какое-либо смертоносное орудіе. „Мечь" сказалъ онъ „обнажается со славою только на защиту отечества; въ рукѣ убійцы или дуэлиста, онъ — позорное орудіе трусости."

Суворовъ ничѣмъ такъ не гордился, какъ тѣмъ, что во всю жизнь свою разбивалъ вездѣ непріятеля многочисленнѣйшаго, меньшими силами, и всегда говаривалъ: „Въ Александрѣ великое было то, что онъ малою силою истребилъ милліоны Персовъ." За то никогда не сердился такъ много, какъ когда въ періодическихъ сочиненіяхъ ложно увеличивали его войско, а непріятельское уменьшали. И въ семъ не прощалъ онъ и Дюмасу, Издателю Précis des évenemens militaires. Тотчасъ продиктовывалъ съ жаромъ въ за-

мѣткѣ возраженіе для помѣщенія въ газетахъ. „У этого наемника Историка два зеркала: одно увеличительное для своихъ, а уменьшительное для насъ. Но потомство разобьетъ въ дребезги оба, и выставитъ свое, въ которомъ мы не будемъ казаться Пигмеями.“

Въ Прагѣ, въ Богеміи, прихожу я послѣ обѣда къ Генералиссимусу съ бумагами, и слышу, что онъ очень громко съ кѣмъ-то разговариваетъ по-Нѣмецки. Чтобы не нарушить бесѣды, подождалъ я съ часъ; наконецъ вхожу, и вижу его бесѣдующаго съ раненымъ, сидящимъ, Австрійскимъ солдатомъ. Онъ разцѣловалъ его, и отпустилъ. „Это“ обратясь ко мнѣ: „Гусситъ, или теперь называющійся Богемскій Братъ (Böhmischer Brüder). Давно желалъ я подробнѣе узнать о сей сектѣ.—Онъ пересказывалъ мнѣ словесныя преданія о сожженномъ въ Костницѣ, по приговору тамошняго Собора, основателѣ ихъ ученія, Іоаннѣ Гуссѣ, и о многихъ любопытныхъ обстоятельствахъ и гоненіяхъ, которыя они потерпѣли за свою вѣру.— Я благодарю теперь Бога, что ни-

когда такая реформаціонная горячка не посѣщала нашего Отечества: всегда Религія была у насъ во всей чистотѣ, и кто не знаетъ, что Сынъ Божій никогда не повелѣвалъ мечемъ, или огнемъ, насильственно крестить жидовъ, или язычниковъ? — И въ Турціи, въ праздномъ моемъ уединеніи, заставлялъ я толковать себѣ Алкоранъ, и увидѣлъ, что Магометъ пекся не о Царствіи небесномъ, а о земномъ. Намъ предоставлено увидѣть новый, также ужасный, феноменъ: политическій фанатизмъ!!! но на чужбинѣ, прибавь. Мы теперь отзываемся въ отчизну. Спокойствіе — удушье. Такъ тишина на морѣ бываетъ предвѣстницею бурнаго урагана. Такъ, тлѣющій подъ пепломъ уголь угрожаетъ сокрушить все пламенемъ. Запиши послѣднее для Графа Ѳедора Васильевича Ростопчина." Такъ предугадывалъ онъ бѣдствія, постигшія Германію отъ войнъ съ Франціею!

Когда его въ Линдавѣ поздравляли съ переходомъ чрезъ Алпійскія горы, отвѣтствовалъ онъ: „Богъ помогъ намъ

одолѣть ихъ, и пройти сквозь громовыя тучи. Но поможетъ ли намъ отвести громовые удары, устремленные на Престолы?.... Его Святая воля!"

Сказали Графу, въ Италіи, объ одномъ достойномъ Офицерѣ, помѣшавшемся въ умѣ. Онъ сему не повѣрилъ, и началъ спорить. Послѣ открылось, что онъ разумѣлъ другаго, и тогда сказалъ: „Ну, теперь вижу, что ошибся; а готовъ бы былъ спорить до завтра, — и вотъ причина: тотъ, котораго я разумѣлъ, не имѣетъ у себя того, что сей потерялъ. — Жаль! но время ли теперь сходить съ ума, когда и вся война — хаосъ?"

Одинъ Докторъ совѣтовалъ Князю съѣздить на теплыя воды. „Помилуй Богъ! Что тебѣ вздумалось? Туда посылай здоровыхъ богачей, прихрамывающихъ игроковъ, интригантовъ, и всякую сволочь. Тамъ пусть они купаются въ грязи, — а я истинно болѣнъ. Мнѣ нужна молитва, въ деревнѣ: изба, баня, кашица и квасъ."

Разсматривая причуды простолюдимовъ, которыя Князь себѣ присвоивалъ, нельзя не согласиться, что онъ сіе дѣлалъ, чтобы, уподобляясь простымъ солдатамъ, выигрывать ихъ любовь; въ чемъ онъ и успѣвалъ. Какъ можно повѣрить, чтобы человѣкъ, съ его просвѣщеніемъ, образованностію, начитанностію, съ необыкновеннымъ его умомъ, могъ искренно требовать такихъ странностей, какъ напримѣръ: чтобы никто изъ солонки у него за столомъ не бралъ соли ножемъ; а, Боже избави! если бы кто подвинулъ солонку къ своему сосѣду, или ему ее подалъ; каждый долженъ былъ отсыпывать себѣ на скатерть соли, сколько ему угодно, — и многихъ тому подобныхъ. Развязку сему вижу *я*, кажется, въ одномъ его разговорѣ: „Александръ Македонскій не сжегъ" говорилъ онъ: „Аѳинъ для того, чтобы въ тамошнихъ гостинницахъ говорили о его ѓаерствахъ; пусть же и въ солдатскихъ артеляхъ смѣются надъ моими солдатскими проказами!" — И подлинно, какихъ небылицъ объ немъ тамъ не услышишь!

Доложили Князю, что пришелъ портной для снятія съ него мѣрки мундиру Сардинскаго Генералиссимуса. Онъ тотчасъ спросилъ: „Какой онъ націи? Если онъ Французъ, то я буду говорить, какъ съ игольнымъ артистомъ; если Нѣмецъ, то какъ съ Кандидатомъ, Магистромъ, или Докторомъ Мундирологическаго Факультета; если Италіянецъ, то какъ съ маестро или виртуозо на ножницахъ." Когда узналъ, что Италіянецъ, то сказалъ: „Тѣмъ лучше; я не видалъ Италіянца, хорошо одѣтаго: онъ сошьетъ мнѣ просторный мундиръ, и мнѣ будетъ въ немъ раздолье." — Мундиръ сей былъ великолѣпнѣйшій, синій, по всѣмъ швамъ золотое шитье.

Князь отмѣнно чтилъ память Великаго Преобразователя Россіи, Петра Перваго. Говоря однажды съ восторгомъ о неутомимо-дѣятельной Его жизни, о многихъ Его твореніяхъ по военной, сухопутной, морской и гражданской частямъ, спросилъ, кто изъ насъ былъ на Ладожскомъ каналѣ? На отвѣтъ, что никто не былъ, сказалъ онъ: „О! такъ вы не

видали Его монумента. Я счастливѣе васъ: я на мѣстѣ удивлялся сему рѣдкому, чудесному смертному; какъ такія сверхъчеловѣческія силы вмѣщались въ головѣ необразованной, по словамъ Беллетристовъ, ученымъ воспитаніемъ. Здѣсь Полтавскій Герой благотворною десницею мирно соединяетъ двѣ отдаленныя, бурныя рѣки. Природа пугается Его; гласу Его повинуется вода; течетъ, куда Онъ указуетъ, и несетъ на себѣ въ Столицу сокровища благодатной Россіи. Вотъ куда надобно съѣздить Державину: Водопадъ — чудо природы, — здѣсь чудо искусства!"

Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ былъ обожателемъ Суворова, что доказываетъ его съ нимъ переписка, въ изданной мною Исторіи помѣщенная; и въ письмахъ своихъ ко мнѣ отзывался онъ всегда объ немъ съ величайшимъ восторгомъ. Въ одномъ пишетъ онъ ко мнѣ: „Участь ваша завидна; вы служите при великомъ человѣкѣ. Румянцовъ былъ Герой своего вѣка, Суворовъ Герой всѣхъ вѣковъ." Я прочиталъ сіе Князю. —„Нѣтъ!

отвѣчай ему," сказалъ онъ: „Суворовъ, ученикъ Румянцова." —

Графъ любилъ, чтобы каждаго начальника подчиненные называли по-Русски, по имени и отчеству. Присланнаго отъ Адмирала Ушакова иностраннаго Офицера, съ извѣстіемъ о взятіи Корфу, спросилъ онъ: „Здоровъ ли, другъ мой Ѳедоръ Ѳедоровичъ?" Нѣмецъ сталъ въ тупикъ, не зналъ: о комъ спрашиваютъ. Ему шепнули, что объ Ушаковѣ. —„Ахъ! да," опомнился онъ, „господинъ Адмиралъ Фонъ Ушаковъ здоровъ."—Фельдмаршалъ сказалъ ему съ гнѣвомъ: „Возьми къ себѣ свое Фонъ; раздавай, кому хочешь; а побѣдителя Турецкаго флота на Черномъ морѣ, потрясшаго Дарданеллы и покорившаго Корфу, называй Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ушаковъ."

Говорили объ одномъ хитромъ, проныдливомъ Министрѣ. „Ну, такъ что же?" сказалъ Князь: „я его не боюсь. О хамелеонѣ знаютъ, что онъ хамелеонъ: принимаетъ на себя всѣ цвѣты, кромѣ бѣлаго."

Князь никогда не отказывался отъ рекомендательныхъ писемъ для достойныхъ людей. Одно поднесъ я къ подписанію. Онъ подписалъ охотно и съ удовольствіемъ, и, возвращая, сказалъ: „Я написалъ бы иначе, а вотъ какъ: лице его, вывѣска доброй души его, есть лучшая рекомендація.“—Онъ душевно любилъ тогдашняго Полковника, С. С. Кушникова, и имѣлъ къ способностямъ его особенную довѣренность. Также не отпустилъ онъ изъ арміи въ Петербургъ безъ рекомендательнаго письма къ Государю Императору, достойнаго Полковника М. С. Вистицкаго.

Въ Піачснцѣ, одинъ Маркизъ, хозяинъ дома, въ которомъ помѣстился Графъ, былъ истинный чудакъ. Въ шитомъ розоваго цвѣта кафтанѣ, съ громкимъ хохотомъ не говорилъ, а кричалъ онъ безпрестанно о погодѣ, и повертывался, чтобы показать свой Камергерскій ключь. Графъ, желая отъ него отдѣлаться, началъ передъ обѣдомъ читать: *Отче нашъ*. . . а чудакъ, не понимая, сталъ апплодировать и кричать: „браво! браво!“—Суворовъ оста-

новился въ молитвѣ, обратился къ нему, и сказалъ: „Молчаніе, я молюсь Богу."— Кое-какъ мы его выжили. За столомъ просилъ Фельдмаршалъ: „Ради Бога, спасите меня отъ этаго гостя, который хуже Татарина. Онъ измучилъ меня метеорологическими своими разговорами, показывалъ мнѣ ключь, который не отпираетъ и не запираетъ, и вѣрно изъ неблагороднаго металла, прикрытый золотомъ, какъ и онъ—шитымъ своимъ кафтаномъ."

При подписаніи письма къ Адмиралу Θедору Θедоровичу Ушакову въ Корфу, приписалъ Графъ что-то премелко, чего я не могъ разобрать. „Не надсѣдайся," сказалъ онъ мнѣ: „это на Турецкомъ языкѣ поклонъ Турецкому Адмиралу." Послѣ, при свиданіи, увѣрялъ меня Θедоръ Θедоровичъ, что Турокъ, прочитавъ сіи строки, восхищался, и не хотѣлъ вѣрить, что ихъ написалъ такъ правильно Русскій.

Князь Александръ Васильевичъ любилъ иногда нюхать табакъ изъ малой

своей золотой табакерки, увѣряя, что сіе облегчаетъ головную его боль. Иногда, посыпавъ табакомъ какой-нибудь душистый цвѣтокъ, снюхивалъ съ него, и съ восторгомъ говорилъ: „Вотъ роскошь!“ Но куренія табака не жаловалъ. „Можетъ ли быть,“ говорилъ онъ: „что неблагопристойнѣе, какъ когда подъ носъ тебѣ подставятъ трубку, и окуриваютъ тебя зловонными ѳиміамомъ?“ —Однажды увидѣлъ онъ курящаго гусара. Ему хотѣли было запретить; но онъ крикнулъ: „Не трогайте его; онъ человѣкъ съ талантомъ; выкуриваетъ трубку мастерски. Онъ на войнѣ видитъ дымъ баталіоннаго огня.“—И поскакалъ отъ него прочь.

Разговаривая о музыкѣ, одинъ Генералъ дѣлалъ свои замѣчанія, что надлежало бы уменьшить число музыкантовъ и умножить ими ряды. „Нѣтъ,“ отвѣчалъ Князь; „музыка нужна и полезна, и надобно, чтобы она была самая громкая. Она веселитъ сердце воина; равняетъ его шагъ; по ней мы танцуемъ и на самомъ сраженіи. Старикъ съ большею бодростію бросается на смерть; молокососъ,

отирая со рта молоко маменьки, бѣжитъ за нимъ. Музыка удвоиваетъ, утроиваетъ армію. Съ Крестомъ въ рукѣ Священника, съ распущенными знаменами и съ громогласною музыкою взялъ я Измаилъ!“

По прибытіи въ армію Фельдмаршала, узналъ онъ, что Французскій Главнокомандующій, Шереръ, сдалъ свое начальство Генералу Моро, и удалился въ Парижъ. „И здѣсь вижу я“ сказалъ онъ; „перстъ Провидѣнія. Мало славы было бы разбить шарлатана. Лавры, которые похитимъ у Моро, будутъ лучше цвѣсти и зеленѣть.“

Отличительное въ Князѣ было то, что, проказничая, если смѣю сказать, былъ онъ всегда серіозенъ, и никогда не улыбнется, какъ будто бы все это въ порядкѣ вещей. Въ Прагѣ, напримѣръ, пустился онъ въ танцы; люди въ право, а онъ въ лѣво: такую затѣялъ куторьму, сумашоху, штурмъ, что всѣ скакали, прыгали и сами не знали куда. По окончаніи танцовъ, подбѣжалъ онъ ко мнѣ, и съ важностію сказалъ: „Видѣлъ ли ты, какъ

я возстановилъ порядокъ; забыли курсъ, шенъ, шасое." — „Какъ же! видѣлъ," отвѣчалъ я: „какъ вы возстановили шасое."— И онъ побѣжалъ отъ меня.

На возвратномъ пути изъ Швейцаріи въ Россію, на святкахъ, въ Прагѣ, провелъ Князь время очень весело. Онъ завелъ у себя на банкетахъ святочныя игры: фанты, жмурки, жгуты, пляски и проч. Мило было смотрѣть, какъ престарѣлый, сѣдой Военачальникъ бѣгалъ, плясалъ, мѣшался въ толпѣ своихъ подчиненныхъ, и съ какою точностію исполнялъ то, что ему назначалось дѣлать, когда его фантъ былъ вынутъ. Всѣ знатнѣйшія Богемскія дамы, Австрійскій Генералъ Графъ Беллегардъ, Англійскій Посланникъ при Вѣнскомъ Дворѣ Лордъ Минто, и множество иностранныхъ, путались въ нашихъ простонародныхъ играхъ. Мы всѣ восхищались, были въ то время, какъ будто на родинѣ. Но это была послѣдняя пѣснь лебедя на водахъ Меандра: въ Краковѣ ожидали его немощи, и тѣлесныя и душевныя, ускорившія кончину знаменитой его жизни.

Знаменитость подвиговъ Героевъ вѣковъ Греческихъ и Римскихъ одушевляла Военачальника нашего къ тѣмъ высокимъ идеямъ, которыя украшали его жизнь. Бесѣдовать о ихъ славѣ, была его страсть. Вычерпну только каплю изъ Океана. Одаренный счастливою, необыкновенною памятью, онъ часто пробѣгалъ мысленно галлерею сихъ великихъ безсмертныхъ, и предъ каждымъ изливалъ свои мысли. Такъ, остановясь на Эпаминондѣ, произнесъ: „Чту его, за его смѣлость и твердость: „Хорошо," сказалъ онъ, когда его осудили на казнь: „я заслужилъ смерть; но изсѣките на камнѣ моемъ: *Ѳивяне казнили Эпаминонда за то, что онъ научилъ ихъ побѣждать при Левктрѣ Спартанцевъ, и, даровавъ Греціи свободу, симъ низложилъ гидру злобы, на него устремленную.*" „Онъ, достойно подражанія, не лгалъ ни въ бездѣлицѣ, ни въ дѣлѣ, ни въ шуткахъ, и заслужилъ отъ Историковъ (*) своихъ хвалу, что никакой порокъ не запятналъ его."

(*) См. Корнелія Непота.

По прибытіи въ армію Генералъ-Лейтенанта Ребиндера, назначеннаго Комендантомъ въ Мальту, Фельдмаршалъ встрѣтилъ его сими словами: „Здравствуй, другъ Ребиндеръ; ты поплывешь на тотъ островъ, гдѣ нѣкогда Калипса хотѣла хитраго Улисса уловить въ свои сѣти. За тебя я также не боюсь: у тебя не устоитъ и желѣзная клѣтка. (Ребиндеръ былъ необыкновенный силачъ). Ты, нашъ Голіаѳъ, будешь стоять съ храбрыми своими рыцарями на той неприступной Средиземнаго моря скалѣ, которая нѣсколько вѣковъ издѣвалась надъ Турецкимъ колоссомъ, и была щитомъ Христіянству. Но прежде оставайся съ нами; сперва побьемъ здѣсь безбожныхъ.“ — Генералъ Ребиндеръ отличился въ Италіи и Швейцаріи, какъ-то извѣстно изъ реляцій и изъ моей Исторіи.

Съ дамами былъ Князь забавно учтивъ. Онъ слѣдовалъ наставленію Лорда Честерфильда сыну своему: хвалить прелести каждой дамы безъизъятія. И онъ, бесѣдуя съ ними, уменьшалъ всегда ихъ годы. Такъ, когда въ Миланѣ одна трид-

цатилѣтняя Дюшесса представила ему двѣнадцатилѣтнюю свою дочь, притворился онъ, будто не вѣритъ. „Помилуйте, Сударыня,“ сказалъ онъ: „вы еще сами молоденькая, прелестная дѣвушка.“ Когда онъ узналъ отъ нее, что она съ мужемъ въ разводѣ, то вскрикнулъ: „Я еще не видалъ въ свѣтѣ чудовища; пожалуйте покажите мнѣ его.“

Генералъ отъ Кавалеріи В. Х. Дерфельденъ, тридцати пяти лѣтній, знаменитый Суворова сопутникъ, бесѣдуя съ нимъ, описывалъ ему прелести и роскоши Италіянской природы живыми красками: „Правда, другъ мой,“ отвѣчалъ Графъ: „климатъ прелестенъ, но разврать страшенъ!“ и тотчасъ продиктовалъ слѣдующую замѣтку: „Подъ всякимъ другимъ, умѣреннымъ небосклономъ, воздержаніе есть добродѣтель; но оно чудо изъ чудесъ здѣсь, гдѣ дышатъ воздухомъ между огнеизрыгающею Этною и знойными, горючими ея окрестностями, которыя Сиѳаксъ, въ Адиссоновомъ Брутѣ, изображаетъ съ такою силою; здѣсь, подъ такимъ огненнымъ небеснымъ поя-

сокъ, гдѣ солнце раскаливаетъ скалы въ известь, и гдѣ не кровь, а купоросъ и кипучая сѣра стремительно разливается по жиламъ; здѣсь, гдѣ природа заманиваетъ къ нѣгѣ въ очаровательномъ саду своемъ; здѣсь, сыны Сѣвера, крѣпитесь, мужайтесь, одолѣвайте климатъ, и помните Аннибалово войско въ Капуѣ!"

Я поднесъ Графу отъ одного Генерала просительное письмо, объ опредѣленіи его въ армію, написанное прекраснымъ, отличнымъ слогомъ, такъ что не могъ ему сего не замѣтить. „Да, хорошо написано," сказалъ онъ: „но мнѣ нужны воины, а не Министръ. Мой Багратіонъ такъ не напишетъ; за то имѣетъ присутствіе духа, расторопность, отважность и счастіе. Умъ его образованъ болѣе опытами, нежели теоріею. Въ бесѣдѣ съ нимъ, его не увидишь. Но онъ исполняетъ всѣ мои приказы съ точностію и успѣхомъ. Вотъ для меня и довольно."

Одинъ Принцъ обѣдалъ у Генералиссимуса, и удивилъ его, и насъ всѣхъ, своимъ

аппетитомъ. Всякое блюдо, такъ сказать, имъ пожиралось и исчезало. Князь смотрѣлъ съ изумленіемъ. На другой день не могъ онъ позабыть сего посѣщенія и сказалъ: „Ну, спасибо Его Свѣтлости; онъ первый изволилъ отдать справедливость искуству повара моего, Мишки: ѣлъ, какъ будто у него нѣтъ желудка. Онъ не подходитъ подъ Указъ Петра Перваго, объ отпускѣ прожорамъ двухъ пайковъ, для него мало и четырехъ.“ Чрезъ нѣсколько дней вздумали подшутить и сказать Князю, что Принцъ опять угрожаетъ столъ его своимъ посѣщеніемъ. „Напрасно Свѣтлѣйшій изволитъ безпокоиться, — я его видѣлъ. Съ нимъ надобно выкинуть пословицу нашу: не будь гостю запасенъ, а будь ему радъ.“

Князь всегда говаривалъ, что у него семь ранъ: двѣ, полученныя на войнѣ, а пять — при Дворѣ, или политическія. И сіи пять, по его словамъ, были гораздо мучительнѣе первыхъ.

Всѣ начальствовавшіе арміями, получали при Императрицѣ Екатеринѣ въ мирное время Генералъ-Губернаторскія мѣ-

ста, какъ-то: Графъ Румянцевъ-Задунайскій, Князь Потемкинъ - Таврическій, Графъ Салтыковъ, и другіе. Въ разсужденіи Суворова, велѣно было его спросить, какія Губерніи онъ пожелаетъ. Отвѣтъ его былъ слѣдующій: „Я знаю, что Матушка - Царица слишкомъ любитъ Своихъ добрыхъ подданныхъ, чтобы мною наказать какую - либо Свою Провинцію. Я размѣряю силы свои съ бременемъ, какое могу поднять. Для другаго не въ моготу Фельдмаршальскій мундиръ.“ — Послѣ сего отзыва былъ онъ пожалованъ Подполковникомъ Лейбъ - Гвардіи Преображенскаго полка, и сіе отличіе принялъ съ благоговѣйною признательностію.

Графъ приказывалъ мнѣ читать Сюллія записки. Я увѣрялъ его, что читалъ ихъ, и дѣлалъ даже выписки по повелѣнію Государыни Императрицы Екатерины, по бытности моей при особенной Дипломатической Ея перепискѣ, подъ начальствомъ Князя Безбородко. „Этаго мало,“ говорилъ онъ: „мы будемъ читать опять, твердить наизустъ вѣкъ Генриха. Сцена перемѣнилась. Новые акте-

ры, новые ужасы. Но Францiя существуетъ." — Я досталъ книгу сiю въ Туринѣ; онъ ее взялъ, читалъ, и вдругъ ночью присылаетъ за мною, съ повелѣнiемъ, сказать мнѣ, что имѣетъ сообщить нѣчто мудрое. Я являюсь: онъ меня сажаетъ; перо, чернила и лоскутокъ бумаги на столѣ. „Переведи поскорѣе сiю безцѣнную статью великаго друга и наставника Царей, Сюллiя," — указавъ мнѣ мѣсто. Я принялся за переводъ. Такъ какъ у меня лоскутокъ тотъ сохранился, то для любопытства помѣщаю его здѣсь. „Причины паденiя и ослабленiя Монархiй," говоритъ Сюлли въ запискахъ своихъ: „суть: непомѣрные налоги, особливо единоторжiе хлѣбомъ; незаботливость о торговлѣ, хлѣбопашествѣ, художествахъ и ремеслахъ; слишкомъ великое число чиновниковъ и издержки на содержанiе ихъ; неограниченная власть тѣхъ, которые занимаютъ мѣста въ Государствѣ; значительные расходы; медленность и неправосудiе въ судопроизводствахъ; праздность и расточительность, со всѣми принадлежащими къ нимъ развратомъ и порчею нравовъ; запутанности въ соотношенiяхъ присутствен-

ныхъ мѣстъ между собою; передѣлка монеты; неблагоразумныя и незаконныя войны; слѣпая довѣренность къ недостойнымъ лицамъ; предъубѣжденія въ пользу нѣкоторыхъ только сословій и ремеслъ; корыстолюбіе Министровъ и ихъ любимцевъ; презрѣніе къ ученымъ; терпимость худыхъ обычаевъ; нарушеніе хорошихъ законовъ; упорная привязанность къ маловажнымъ или вреднымъ обыкновеніямъ; множество другъ другу противорѣчащихъ постановленій и безполезныхъ узаконеній.“ Кончивъ, отпустилъ онъ меня, съ извиненіемъ, что исторгъ меня изъ объятій Морфея. Я поклонился, ибо это не въ первый разъ.

На походѣ нашемъ къ Турину, выѣхалъ оттуда на встрѣчу Суворову бывшій той Столицы Королевскій Генералъ-Губернаторъ, Графъ Сент-Андре, мужъ, почтенный сѣдинами и опытами долговременнаго служенія Сардинскому Престолу. Александръ Васильевичъ обрадовался такому полезному приобрѣтенію; тотчасъ выбѣжалъ къ нему, съ сими словами: „Я отдаюсь вамъ; будьте мо-

имъ Менторомъ. Покажите мнѣ Италію, сіе наслѣдіе славы двухъ столѣтій, которой потомки должны идти по неизгладимымъ никогда слѣдамъ ихъ Героевъ предковъ. Я вижу шестнадцать милліоновъ жителей, раздѣленныхъ между собою различными законами, обычаями, закоренѣлою народною ненавистію. Да будетъ между ими политическое единство! да будутъ они планетами одного Россійскаго и Австрійскаго солнца, одинъ духъ, одинъ штыкъ! Вотъ нашъ Геркулесовъ подвигъ: non plus ultra." — Графъ Сентъ-Андре долго не могъ опомниться. Наконецъ произнесъ; „Послѣ всего того, что я слышу, я вашъ плѣнникъ, вашъ рабъ. Приказывайте мнѣ, великій человѣкъ!" — Достойный старецъ признавался, что онъ воображалъ увидѣть совсѣмъ другаго Суворова. Тотчасъ оба они подружились, и составили дальновидные планы. Но политическіе виды оные испровергли, и дали тогдашнимъ дѣламъ совсѣмъ другое направленіе.

Старожилы въ Новой Ладогѣ помнятъ и расказываютъ, что Князь Алек-

сандръ Васильевичъ, находясь тамъ Полковникомъ Астраханскаго полка, учредилъ училище для солдатскихъ дѣтей, на своемъ иждивеніи выстроилъ для онаго домъ, былъ самъ учителемъ Ариѳметики, и сочинялъ учебныя книги, какъто: молитвенникъ, краткій Катехизисъ и начальныя правила Ариѳметики. Рукописный молитвенникъ мнѣ показывали. Можно себѣ представить, какою любовію платили ему отцы, за воспитаніе дѣтей своихъ.

Изъ Петербурга получилъ я въ Богеміи, на возвратномъ пути изъ Швейцаріи въ Россію, сочиненіе: *Изображеніе Князя Италійскаго*. Сочинитель, подписавшійся: *Истинно Русскій*, просилъ меня убѣдительнѣйше, поднесть оное нашему Герою. Долго выжидалъ я удобнаго для сего времени, и наконецъ успѣлъ въ Прагѣ. Надобно было видѣть, какія движенія дѣлалъ Князь, когда я читалъ: то вскочитъ со стула, то повернется назадъ, то вскрикнетъ: ахъ! охъ! ай! ай! разбой! караулъ! и т. п. По окончаніи, просилъ онъ всѣхъ не вѣрить этой ле-

сти; но мы всѣ увѣряли его, что сіе изображеніе есть чистое изліяніе Русскаго сердца. Вотъ оно:

Изображеніе Князя Италійскаго.

Духъ истиннаго любомудрія, наставилъ его съ юныхъ самыхъ лѣтъ пренебрегать мнѣніемъ людей, и довольствоваться заключеніемъ потомства. Предавшись военной славѣ, онъ посвятилъ ей все: богатство, покой, забавы, любовь и даже родственническое чувствіе.

Душа, обуреваемая славолюбіемъ, могла ли вмѣстить какой-нибудь родъ нѣжности? Однако же извѣстно, что онъ былъ вѣрный другъ.

Суворовъ похожъ единственно самъ на себя: непоколебимъ съ сердитымъ нравомъ; веселъ, даже въ глубокихъ размышленіяхъ; непреклоненъ въ исполненіи слова, даннаго даже врагу; безъ малѣйшаго чувства къ пустымъ насмѣшкамъ, которыхъ онъ видно съ умысломъ не чуждается, дабы занять вздоромъ вниманіе зависти, и тѣмъ отдалить ея пронырства.

Отъ взятія Глогау въ семилѣтнюю войну и разбитія Ламота Курбьера, зари

его подвиговъ, онъ безпрестанно гремѣлъ, до разсыпанія имъ Царства Польскаго.

За тѣмъ Суворовъ-Рымникскій замолкъ; но сей безвременный покой не долженъ продолжиться. Покой всеобщій разрушается. Самъ адъ дохнулъ на Сѣверъ.

Уже пожаръ мятежей все обращаетъ въ пепелъ, и грозитъ Столицѣ слабосильныхъ Кесарей.

Напрасно всѣ почти Скипетры стали на уперти врагу: все вездѣ унываетъ!

Единъ Царь бодрствуетъ на пятой долѣ міра; единъ, спокойно обозря всѣ концы Своего достоянія, со властію сказалъ: „Да узрятъ Мой флагъ вокругъ Европы; а ты, Суворовъ, вонми прошенію Князя Князей Германскихъ, и ступай за Вѣру и человѣчество, за Мою и твою славу!“

И Суворовъ двигнулся какъ другой Цинцинатъ, и явился въ Италію, какъ нѣкое Божество, съ горстію соотчичей; но съ колоссомъ своихъ мыслей и дарованій.

Минчіо, Адижъ, Требія, Нови, Сен-Готаръ, Тейфельсбрикъ, Гларисъ; ты, храбрый и злосчастный Макдоналъ; вы, столь прежде славные, Моро, Жуберъ,

Массена. Довольно васъ именовать. Блаженъ, кто на Суворова не идетъ!

Суворовъ достигъ предмета, и теперь сталъ превыше всѣхъ жребій и времени.

Желалъ ли онъ почестей? — онъ почти обремененъ ими. Хотѣлъ ли одной славы? — онъ въ ней погруженъ. И проч.

Замѣтя отличную расторопность и храбрость въ одномъ унтеръ-офицерѣ Союзныхъ войскъ, велѣлъ Фельдмаршалъ тотчасъ представить его въ Офицеры. Но что же? — получается въ отвѣтъ на нѣсколькихъ больщихъ листахъ нота, въ которой излагаются причины невозможности удовлетворить сему желанію, въ разсужденіи того, что означенный унтеръ-офицеръ не изъ дворянъ, и не выслужилъ срочныхъ лѣтъ. Въ подкрѣпленіе сего приведены были законы, воспрещающіе таковое производство. Оскорбленный Графъ, вырываетъ у меня бумагу, и бросаетъ ее на полъ, съ симъ восклицаніемъ: „Боже мой! я начальникъ арміи, и не могу быть ея отцемъ и благодѣтелемъ. Дарованіе въ человѣкѣ есть бриліантъ въ корѣ. Отыскавъ его, надоб-

но тотчасъ очистить и показать его блескъ. Талантъ, изъ толпы выхваченный, преимуществуетъ предъ многими другими. Онъ всѣмъ обязанъ не породѣ, не искуству, не случаю и не старшинству, но самому себѣ. Старшинство есть большею частію удѣлъ посредственныхъ людей, которые не дослуживаются, а доживаютъ до чиновъ. О, немогузнайка — нихтбештимзагенъ! Нѣтъ, родимая Россія! сколько изъ унтеровъ возлелѣела ты Героевъ!“ — Весь этотъ день былъ Графъ скученъ и сердитъ.

Отъ Фельдмаршала было приказаніе, представлять ему лично каждаго солдата, который отличится или храбростію, или какимъ - нибудь рѣдкимъ поступкомъ, и часто такихъ обнималъ, цѣловалъ и потчивалъ изъ своихъ рукъ водкою. Въ сраженіи при Требіи, полку Ферстера солдатъ Митрофановъ взялъ съ своимъ товарищемъ трехъ Французовъ въ плѣнъ. Они отдали свои кошельки, часы и все, что имѣли. Митрофановъ принялъ, и возвратилъ имъ нѣсколько денегъ на кормъ. Подбѣжавшіе наши

солдаты хотѣли-было ихъ въ ярости изрубить; но Митрофановъ не допустилъ, сказавъ: „нѣтъ, ребята; я далъ имъ пардонъ. Пусть и Французъ знаетъ, что Русское слово твердо.“ Послѣ съ товарищами раздѣлилъ добычу. — Митрофановъ былъ тотчасъ представленъ, и на вопросъ Суворова: „кто тебя научилъ быть такъ добрымъ?“ отвѣчалъ: „Русская азбука: С. Т. (*слово, твердо*), и словесное Вашего Сіятельства намъ поученіе. Солдатъ—Христіянинъ, а не разбойникъ.“ Съ восторгомъ обнялъ его Фельдмаршалъ, и тутъ же на мѣстѣ произвелъ въ унтеры.

Когда Фельдмаршалу доложили, что Союзное войско ропщетъ на вводимый въ ихъ службу новый порядокъ, отвѣчалъ онъ: „На это смотрѣть не должно. Филиппъ, Король Испанскій, велѣлъ выносить изъ Мадрита всякую нечистоту, отъ которой едва не сдѣлалась зараза. Вся Столица противу сего возопила; но Король сказалъ: „Это младенцы, которые плачутъ, когда ихъ обмываютъ; за „то послѣ спятъ они крѣпкимъ сномъ.“ — И Меласъ умолкъ.

Фельдмаршалъ ѣдитъ верхомъ въ Италію мимо Церкви. Архіепископъ, въ облаченіи со крестомъ, возгласилъ: „Sta Sol! остановись солнце! И солнце ста и не иде на западъ.“ Онъ тотчасъ соскочилъ съ лошади, и бросился цѣловать крестъ; престарѣлый, лѣтами согбенный Архіепископъ продолжалъ: „Я остановилъ тебя, спаситель алтарей нашихъ, на пути Христіянской славы твоей словомъ Іисуса Навина; а теперь прорeку тебѣ: и ты предъидеши предъ лицемъ Господнимъ уготовати пути Его, и дать разумъ спасенія Его людямъ.“ — Внезапность сего явленія, столь потрясла все бытіе Суворова, что, проливая слезы, обнялъ, разцѣловалъ онъ Архипастыря; но не могъ произнести ни слова.—И о семъ благочестивомъ мужѣ не постыдилися ненавистники славы Россіи разглашать, яко бы онъ показывалъ свою жестокость и надъ Священнослужителями! (*)

(*) Въ разныхъ иностранныхъ газетахъ распространяли, будто Суворовъ приказывалъ при себѣ наказывать жестоко Римско-Католическихъ духовныхъ. — Но когда? гдѣ? и при комъ?

Князь не хотѣлъ никогда имѣть подъ ружьемъ болѣе ста тысячь войска. Онъ почиталъ сіе достаточнымъ для вторженія въ Парижъ; но жаловался, что теперь у него только горсть людей. „Нѣтъ!" возразилъ нѣкто: „ваша армія величайшая. Вы забыли громаду мыслей и силъ Суворова! забыли, какъ его превыспренность преобразуетъ годы въ мѣсяцы, а мѣсяцы во дни." — „Уймешься ли ты," сказалъ онъ: „а то я убѣгу." — „Бѣгите," отвѣчалъ тотъ: „мы видѣли вашъ побѣгъ на Минчіо, Адижъ, Требію, Нови, Сен-Готаръ, Тейфельсбрикъ, Гларисъ." — „Чудесная память!" вскрикнулъ Генералиссимусъ, и завелъ другой разговоръ.

По распечатаніи одного пакета на имя Генералиссимуса, нашелъ я на него пасквиль, въ которомъ онъ разруганъ. Называютъ его варваромъ, Вандаломъ, одѣтымъ въ окровавленную львиную кожу, и пр. и пр. Долго колебался я, донести ли о семъ Князю? Наконецъ рѣшился, и прочиталъ ему. Онъ разхохотался, и сказалъ: „Охъ! какое слабое орудіе Яко-

биниэма. Не можно ли напечатать эту бранную бумагу?—она посмѣшила бы публику.“ И при семъ случаѣ показалъ, что онъ превыше всѣхъ насмѣшекъ и ругательствъ; ибо велѣлъ ее читать всѣмъ.

Не могу не повторить здѣсь анекдота, который такъ живо изображаетъ доброту души Суворова. Во время двухъ лѣтняго его въ Херсонѣ пребыванія, познакомился онъ на вечеринкѣ съ сестрою знаменитаго нашего Адмирала Круза. Онъ узнаетъ, что мужъ ея, Капитанъ перваго ранга Вальрандъ, разжалованный вѣчно въ матрозы, проживалъ съ нею здѣсь. Тронутый несчастнымъ положеніемъ сей благовоспитанной дамы, приглашалъ онъ ее всегда къ себѣ на банкеты, и танцовывалъ съ нею. Въ день отъѣзда своего въ армію, садясь въ кибитку, сказалъ онъ ей: „Молись Богу; Онъ услышитъ молитву твою!“ — И, по взятіи Варшавы, пишетъ въ Петербургъ: „Знаю, что Матушка - Царица меня наградитъ. Но величайшая для меня награда—помилованіе Вальранда.“ — И Вальрандъ опять Капитанъ перваго ранга, и умеръ Генералъ-

Маіоромъ. Я молчу. Какими словами возносить такую добродѣтель!!...

У Графа было обыкновеніе, что когда начнутъ его хвалить, то онъ, почитая хвалу за лесть, закроетъ глаза, запрыгаетъ и убѣжитъ. Но ученый и достойный Австрійскій Генералъ-Квартирмейстеръ Цахъ, съ которымъ любилъ онъ бесѣдовать о военномъ искуствѣ и котораго называлъ онъ Генераломъ sans façons, схватя его однажды, не выпустилъ изъ горницы. Разговорились, что каждый народъ храбръ и имѣлъ свои эпохи славы. „Правда,“ сказалъ Александръ Васильевичъ: „такими были Греки подъ предводительствомъ Ѳемистокловъ и Аристидовъ, Римляне при Сципіонахъ и Цезаряхъ, Гунны при Аттилѣ, Турки при Магометѣ и Баязетѣ, Французы при Конде и Тюренѣ, Австрійцы съ Валенштейномъ и Евгеніемъ, Пруссаки при Фридрихѣ, Англичане подъ начальствомъ Малборука....“ — „А Русскіе и мы“ прервалъ Цахъ его рѣчь: „подъ начальствомъ Суворова?“ Графъ замѣшался, вскрикнулъ: „Какъ! и Катонъ, мой Цахъ, начинаетъ мнѣ

льстить?" и хотѣлъ было бѣжать. — „Никакъ!" отвѣчалъ тотъ съ Германскою важностію, не выпуская его изъ рукъ: „За чѣмъ ретируетесь вы отъ истины, доказанной современною нашею Исторіею? Скажу болѣе, и льстить не буду: всякій, вами наименованный народъ, подъ жезломъ вашимъ, былъ бы побѣдоносенъ, потому что вы—Герой всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ!" Графъ долженъ былъ усѣсться.

У Фельдмаршала случилось много знатныхъ эмигрантовъ, которые въ запуски говорили о своихъ пожертвованіяхъ въ пользу несчастнаго Короля. Онъ прослезился при воспоминаніи о добродѣтельномъ Государѣ, падшемъ отъ злодѣйской руки своихъ подданныхъ, и сказалъ: „Жаль, что во Франціи не было Дворянства. Этотъ щитъ Престола защитилъ въ Стрѣлецкій бунтъ нашего Помазанника Божія." И всѣ вдругъ умолкли.

Когда отъ Кардинала Руффо, Главнокомандующаго Христіянскою въ Нижней

Италіи получено было извѣстіе, что при содѣйствіи Россійскихъ военныхъ силъ, подъ начальствомъ Капитана втораго ранга Сорокина, взятъ Неаполь: то Фельдмаршалъ воскликнулъ: „Итакъ, вотъ и другая Пароенопейская Республика исчезла съ лица земли, и она лежитъ теперь во гробѣ съ сиреною Пароенопеею, въ честь которой получила сіе названіе. Гдѣ же то древо вольности, которое Французы обѣщали водрузить на пламенномъ Везувіи? О, хвастунишки!“ — Кардиналъ, въ письмѣ своемъ, приписывалъ сей успѣхъ единственно побѣдамъ Суворова: ибо онѣ отвлекли всѣ силы Макдональда къ Требіи, и сей долженъ былъ оставить въ Неаполитанскихъ областяхъ только малочисленные гарнизоны. Выписку изъ описанія о бывшемъ въ Неаполѣ ужасномъ кровопролитіи, отъ самовидца присланную, читалъ я въ слухъ. Фельдмаршалъ содрогался. Вотъ она: „По вступленіи войскъ въ Неаполь, Калабрійцы буйствовали съ безпримѣрною кровожадностію: убивали безъ пощады всѣхъ, кто только носилъ имя Якобинца, и невинно и произвольно; грабили домы; неистовствовали съ невѣ-

стными женами и безвинными дѣтьми. Болѣе двухъ тысячь домовъ были раззорены. Христіянская армія въ ужасахъ превзошла революціонную. Во многихъ улицахъ жарили плѣнныхъ, подымали ихъ на штыки. Были чудовища, которыя сосали кровь изъ убіенныхъ. Съ великимъ трудомъ удержалъ Руффо отъ пожара хлѣбные магазейны, въ которыхъ спряталась до 600 патріотовъ. Русскіе смотрѣли съ омерзѣніемъ на таковыя безчеловѣчія. Они не оставались хладнокровными зрителями: бросились, исторгали невинныя жертвы изъ рукъ убійцъ, и симъ героизмомъ въ человѣколюбіи покрыли себя славою, которая въ лѣтописяхъ здѣшнихъ пребудетъ вѣчною." — Тутъ Фельдмаршалъ всталъ, перекрестился и сказалъ: „Трусы всегда жестокосерды."— По полученіи извѣстія объ удаленіи изъ Неаполитанскаго Королевства Французовъ, Кардиналъ Руффо простеръ свои завоеванія, дабы приблизиться къ центру революціи. Онъ сосредоточилъ войско, изъ 30 т. состоящее; выступилъ съ онымъ изъ Калабріи, и занялъ важный приморской городъ Салерно, который отстоитъ только въ семи

милях от Неаполя. В то самое время отрядил Адмирал Ѳ. Ѳ. Ушаков из Корфу Капитана Сорокина, с 5 фрегатами, 1 корветтою и 4-мя канонерскими лодками, в Адріатическое море. Сія флотилія в короткое время овладѣла приморскими городами: Бриндизи, Бари и Манфредоніею; высадила на берег 500 человѣк войска, которые, под предводительством Капитана Белли - Фоджа, повсюду разрушали республиканскіе знаки; истребляли Якобинцев, и, по приведеніи чрез нѣсколько дней всей Андалузіи в повиновеніе Королю, соединились с Руффо и вступили в Неаполь.

Когда Князю предлагали взять к себѣ в главную квартиру другаго Священника, проповѣдника, гораздо ученѣйшаго, то он не согласился на сіе, сказав: „Нѣт! пусть остается при мнѣ старый. Иной проповѣдует с горячим языком, но с холодным сердцем.“

Получено извѣстіе о паденіи при Дворѣ одного Министра. „Я этого ждал,

сказалъ Князь Александръ Васильевичъ, и, взявъ перо, написалъ слѣдующее: „Фортуна воздвигаетъ колоссъ, подножіе котораго изъ глины. Она отвела ему у себя уголокъ только для постоя, а не въ вѣчное потомственное владѣніе. Я зналъ, что своенравная сія хозяйка, сперьва его приголубитъ, а послѣ прогонитъ. Бѣда безъ Фортуны, но горе безъ таланта! Изгнаніе Аристида, присужденное Остракизмомъ, дало добродѣтели его тѣмъ бо́льшую знаменитость. Вотъ разница между Аристидомъ и нашимъ Антишамбристомъ."

Одинъ Полковникъ, разсуждая о предстоявшихъ военныхъ предпріятіяхъ, осмѣлился предложить Фельдмаршалу планъ отдѣльнымъ операціямъ своего полка. „Воюй, Полковникъ; твой успѣхъ будетъ эпизодою въ Исторіи. Но планъ Главнокомандующаго есть Исторія его жизни, и — славы всего его войска."

Въ пылу Новійскаго сраженія доносятъ Фельдмаршалу, что въ сію мину-

ту убитъ Маіоръ Корфъ, котораго онъ зналъ и любилъ еще въ Польскую войну. Онъ перекрестился, прослезился и воскликнулъ: „Вѣчная память достойному, храброму Корфу! Завидна смерть на полѣ брани за Отечество. Будемъ молиться за упокой души его; но да не прогнѣвимъ ропотомъ Бога, сотворшаго насъ смертными. Его Святая воля!“— Далъ шпоры лошади, и полетѣлъ за побѣдою.

Какъ врагъ дессантовъ, Князь Александръ Васильевичъ расказывалъ, что еще въ деревнѣ своей, Кончанскѣ, смѣялся онъ надъ предполагаемою Бонапартомъ высадкою въ Англію: „Я“ говорилъ онъ: „называлъ ее тогда же второю послѣ Гибралтара репетиціею трагико-комической военной драмы, которая никогда не будетъ разъиграна. Въ Гибралтарѣ, Криллонъ далъ безсмертную знаменитость Элліоту; а съ собою увезъ срамъ и позоръ. Отсюда же уплылъ Бонапарте въ Египетъ. Такъ оканчиваются дессанты!“

Князь Багратіонъ расказывалъ за столомъ у Генералиссимуса объ одномъ

старомъ, заслуженномъ, рѣдкаго поведенія полку его солдатѣ, который принесъ ему пять червонныхъ, съ сими словами: „Эти деньги достались мнѣ, при раздѣлѣ добычи, отъ моихъ товарищей; но Богъ послалъ ихъ девяностолѣтнимъ родителямъ моимъ въ Нижегородской Губерніи. Сдѣлайте милость, Ваше Сіятельство, прикажите ихъ къ нимъ туда отправить по сей надписи.“ Что Князь тотчасъ и исполнилъ. Александръ Васильевичъ, восхитясь симъ поступкомъ, велѣлъ привесть солдата, и, разцѣловавъ его, произнесъ: „Спасибо тебѣ, Христіянинъ, что ты помнишь заповѣдь Божію: чти отца и матерь твою.“ Узнавъ, что онъ былъ съ нимъ въ Турецкихъ и Польскихъ походахъ, вскрикнулъ Князь: „Давай мнѣ за него дюжину рекрутъ; — нѣтъ, мало, и сотни не возьму. Поздравляю тебя унтеромъ.“ — „Благодарю, Ваше Сіятельство,“ отвѣчалъ солдатъ: „я не грамотный, служилъ рядовымъ, прикажите мнѣ умереть въ рядахъ.“ — Суворовъ, обратясь ко всѣмъ, сказалъ: „Гдѣ это услышимъ?“

Князь любилъ ходить часто между солдатъ, въ солдатской курткѣ, или въ изодранной своей родительской шинели, и былъ всегда доволенъ, когда его не узнавали. Тутъ бывали съ нимъ нерѣдко весьма забавныя встрѣчи, которыя если описывать, то надобно писать новую книгу его анекдотовъ. Часто находили его въ арміи спавшаго на поваль съ солдатами. Такъ однажды закричалъ въ слѣдъ Фельдмаршалу, бѣжавшему въ солдатской простой курткѣ, присланный отъ Генерала В. Х. Дерфельдена съ бумагами сержантъ: „Эй, старикъ, постой! Скажи, гдѣ присталъ Суворовъ?“ — „Чортъ его знаетъ,“ — отвѣчалъ онъ. „Какъ!“ вскрикнулъ сержантъ: „у меня отъ Генерала къ нему бумаги.“ — „Не отдавай,“ былъ второй отвѣтъ: „онъ теперь или размертвецки пьянъ, или горланитъ пѣтухомъ.“ Тутъ посланный поднялъ на него палку, и вскрикнулъ: „Моли ты Бога, старичишка, за свою старость; не хочу и рукъ марать; ты видно не Русскій, что такъ ругаешь нашего отца и благодѣтеля.“ Суворовъ — давай Богъ ноги. Черезъ часъ возвращается онъ домой. Сержантъ, узнавъ его, хочетъ

броситься къ его ногамъ; но Графъ, обнявъ его, сказалъ: „Ты доказалъ любовь ко мнѣ на дѣлѣ: хотѣлъ поколотить меня за меня.“ — и изъ рукъ своихъ потчивалъ его водкою.

Также и въ Финляндіи, ѣдучи на Чухонской тедѣгѣ, не успѣлъ Суворовъ по тамошнимъ узкимъ дорогамъ своротить, какъ вдругъ столкнувшійся съ нимъ курьеръ ударилъ его пребольно плетью. Лежавшій съ нимъ Адъютантъ его, Курисъ, поднялся и хотѣлъ-было закричать, что это Главнокомандующій, какъ Суворовъ, зажавъ ему ротъ, сказалъ: „Тише! тише! курьеръ, помилуй Богъ, дѣло великое!“ — По прибытіи въ Выборгъ, узнаетъ Курисъ, что курьеръ тотъ былъ поваръ Генералъ-Поручика Германа, отправлявшійся съ курьерскою подорожнею за провизіею въ Петербургъ, и донесъ о семъ Графу, который произнесъ: „Ну что же? Мы оба потеряли право на сатисфакцію, потому что оба ѣхали *инкогнито*.“

Въ прошлую войну съ Турками, Графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ, объѣзжая части ввѣренныхъ ему войскъ, заѣхалъ къ Полковнику Соболевскому, командовавшему тогда частію Арнаутъ, расположенныхъ въ лагерѣ при рѣкѣ, и, спрося прежде объ имени Полковника, взошелъ къ нему въ палатку и сказалъ: „Здравствуй Иванъ Володиміровичъ! Много ли Турокъ за рѣкою?“ Полковникъ (родомъ изъ Сербовъ), бывъ приведенъ въ замѣшательство такимъ нечаяннымъ вопросомъ, тѣмъ болѣе, что никогда еще не видывалъ Суворова, отвѣчалъ: „Не могу доложить.“ При семъ отзывѣ Суворовъ закричавъ: „проклятая немогузнайка!“ — приказалъ тотчасъ курить, какъ можно болѣе, въ палаткѣ, и вскорѣ, сѣвъ на казацкую лошадь, поскакалъ изъ лагеря, приказавъ притомъ Полковнику Соболевскому слѣдовать за собою, а находившемуся при немъ, Полковнику Курису, велѣлъ между тѣмъ наставлять Соболевскаго. Отъѣхавъ потомъ нѣкоторое разстояніе, подозвалъ къ себѣ Соболевскаго, и опять спросилъ его: „Много ли Турокъ?“ Сей отвѣчалъ: „Много, Ваше Сіятельство.“ Тогда Суворовъ выговаривалъ Курису, что онъ худо наставилъ Ивана

Володиміровича; велѣлъ продолжать наставленія, и поѣхалъ далѣе. Дорогою безпрестанно и громко бранилъ Соболевскаго, и иногда Куриса, за худое наставленіе. Неоднократно спрашивалъ, наставилъ ли Ивана Володиміровича? При отзывѣ сего о исполненіи, повторялъ: „еще наставляй.“ Послѣ чего, отъѣхавъ нѣсколько верстъ, остановился возлѣ дерева, и, подозвавъ къ себѣ Соболевскаго, сказалъ: „Знаешь ли, что ты надѣлалъ? Ты сказалъ, что Турокъ много; я напишу къ Князю П..., чтобы присылалъ болѣе войска, потому что Иванъ Володиміровичъ говоритъ: много Турокъ; Князь напишетъ къ Матушкѣ-Царицѣ; Императрица принуждена будетъ дать Указъ о рекрутскомъ наборѣ, все потому, что Иванъ Володиміровичъ говоритъ: много Турокъ. Вотъ что ты надѣлалъ!“ — Послѣ сего разговора, приказалъ Соболевскому взлѣсть на близь стоящее дерево, обозрѣть непріятельскій лагерь, и счесть по возможности число палатокъ Турецкихъ; что тотъ и исполнилъ. Тогда Графъ Александръ Васильевичъ сказалъ: „По числу палатокъ положимъ число людей, ошибемся немногимъ; для тебя много и пяти ты-

сячь, а мнѣ мало и ста тысячь,"—и съ симъ уѣхалъ.

Генералъ К... представилъ Князю семилѣтняго сына своего, крестника Суворова, мальчика избалованнаго, прерѣзваго, который началъ прыгать и скакать по стульямъ; отецъ его унимать, а Александръ Васильевичъ уговаривать отца: „Оставь его, пусть шалитъ и рѣзвится. Это меня тѣшитъ. Скоро, ахъ! скоро поблекнетъ сей золотой безъ золота возрастъ, при первомъ звукѣ слова: *этикетъ*. Тогда прощай невинная простота и веселость младенчества!"

Однажды Князь, разговорясь о самомъ себѣ, спросилъ всѣхъ, у него бывшихъ: „Хотите ли меня знать? Я вамъ себя раскрою: меня хвалили Цари, любили воины, друзья мнѣ удивлялись, ненавистники меня поносили, при Дворѣ надо мною смѣялись. Я бывалъ при Дворѣ, но не Придворнымъ, а Эзопомъ, Лафонтеномъ: шутками и звѣринымъ языкомъ

говорилъ правду. Подобно шуту Балакиреву, который былъ при Петрѣ Первомъ и благодѣтельствовалъ Россіи, кривлялся я и корчился. Я пѣлъ пѣтухомъ, пробужалъ сонливыхъ, угомонялъ буйныхъ враговъ отечества. Если бы я былъ Цезарь, то старался бы имѣть всю благородную гордость души его; но всегда чуждался бы его пороковъ." — И обратясь ко мнѣ, прибавилъ: „Запиши это для Исторіи."

Князь Г. А. Потемкинъ безпрестанно назывался къ Александру Васильевичу на обѣдъ. Графъ всячески отъигрывался; но наконецъ вынужденъ былъ пригласить его съ многочисленною свитою. Тотчасъ призываетъ къ себѣ искуснѣйшаго при Князѣ метрдотеля, Матоне; поручаетъ ему изготовить великолѣпнѣйшій столъ, и не щадить денегъ; а для себя велѣлъ своему повару, Мишкѣ, приготовить два постныя блюда. Столъ былъ самый роскошный, и удивилъ даже самого Потемкина. Рѣка виноградныхъ слезъ, какъ Суворовъ въ одномъ письмѣ своемъ піитически отзывался, несла на себѣ пряности обѣихъ Индій. Но онъ, кромѣ

своихъ двухъ блюдъ, подъ предлогомъ нездоровья и поста, ни до чего не касался. На другой день, когда метрдотель принесъ ему счетъ, простиравшійся за тысячу рублей, то онъ, надписавъ на ономъ: *я ничего не ѣлъ*, отправилъ къ Князю, который тотчасъ заплатилъ и сказалъ: „Дорого стоитъ мнѣ Суворовъ!"

Князь, увидя нечаянно табакерку съ изображеніемъ одного лица, ему и многимъ ненавистнаго, отбросилъ ее, и сказалъ: „Ахъ, какъ я испугался! За чѣмъ не изобразилъ живописецъ его спящимъ? Въ минуты сна, и тигръ бываетъ добръ и не вредитъ."

Однажды Князь за обѣдомъ вдругъ дѣлаетъ себѣ вопросъ: „Что есть глазомѣръ?—быстрый обзоръ всѣхъ предстоящихъ предметовъ, *для* примѣрнаго опредѣленія числа и величины ихъ. На войнѣ взлѣзай на дерево, какъ я при Рымникѣ. Я увидѣлъ непріятельскій лагерь, мѣстоположеніе, и поздравилъ себя на деревѣ съ побѣдою. *Для* этого, (взглянувъ на

меня) вооруженные очками глаза не годятся." Я всталъ и поклонился ему за правду. „Сиди, не безпокойся!"—сказалъ онъ.

Когда отъ Вице-Адмирала Ѳ. Ѳ. Ушакова получено было извѣстіе о взятіи Флотомъ Корфу, вскрикнулъ Князь: „Великій Петръ нашъ живъ! Что Онъ, по разбитіи въ 1714 году Шведскаго Флота при Аландскихъ островахъ, произнесъ, а именно: *Природа произвела Россію только одну: она соперницы не имѣетъ!* — то и теперь мы видимъ. Ура! Русскому Флоту.— Генрихъ IV-й написалъ знаменитому Криллону: *Повѣсься, храбрый Криллонъ; мы побѣдили при Аркѣ (Arques)! а тебя тамъ не было!* Я теперь говорю самому себѣ: „Зачѣмъ не былъ я при Корфу, хотя Мичманомъ?"

Бывъ, въ городѣ Вишау, свидѣтелемъ трогательной сцены, я описалъ ее, и Г. Анцингъ, выпросивъ у меня, помѣстилъ анекдотъ сей въ своей Исторіи. Вотъ онъ:

Добрая, благородная душа Князя имѣла особенную привязанность къ малымъ

дѣтямъ; и тотъ же самый человѣкъ, который въ день сраженія подобился леруну раздраженнаго божества, при слабомъ и несчастномъ имѣлъ всю чувствительность нѣжнѣйшаго сердца. При возвращеніи его изъ Италіи чрезъ Моравію, былъ онъ встрѣченъ въ городѣ Вишау тамошнимъ Оберъ-Амтманомъ Комиссаромъ Целинкою, Бургомистромъ Зауликомъ и городскимъ Синдикомъ Баеромъ, при играніи на трубахъ и литаврахъ. Его Сіятельство, будучи весьма доволенъ таковою нечаянною встрѣчею, обнялъ ихъ и пригласилъ къ столу, во время коего Герой нашъ пилъ за здравіе Ихъ Императорскихъ Величествъ, Павла I и Франца II. — Въ продолженіе стола дѣти Оберъ-Амтмановы пришли съ другими дѣтьми, и, пропѣвъ въ похвалу ему кантатъ вмѣстѣ съ инструментальною музыкою, поднесли ему разные плоды, какъ малый даръ, не имѣя лучшаго. При сей сценѣ покатились отъ радости слезы по ланитамъ достопочтеннаго и сѣдинами украшеннаго мужа, лобызавшаго съ усердіемъ многократно всѣхъ бывшихъ тутъ дѣтей. Потомъ, посадивъ за столъ вокругъ себя небольшой хоръ сихъ пѣв-

цовъ, самъ ихъ потчивалъ, и давалъ каждому мальчику пить изъ своей рюмки. Почти полтора часа разговаривалъ онъ съ одними своими маленькими гостями, увѣщавая ихъ, быть добродѣтельными и благочестивыми; онъ расказывалъ имъ также и о собственныхъ своихъ дѣтяхъ, и, въ продолженіе разговора, очень часто показывались на глазахъ его радостныя слезы. „Сегодня" повторялъ онъ неоднократно: „самые пріятнѣйшіе у меня за столомъ гости. О, невинность! и я, любезныя мои дѣти, буду скоро на васъ походить. Вы для меня столь прелестны, что не могу съ вами разстаться." И въ самомъ дѣлѣ, Его Сіятельство просидѣлъ за столомъ цѣлый часъ болѣе обыкновеннаго.

Въ Павіи приглашали Графа посѣтить Университетскую Библіотеку, но онъ отговорился недосугами; а обратясь ко мнѣ, сказалъ: „Сходи посмотрѣть сей макулатурный магазейнъ. Сколько миліоновъ гусей должны были поставлять свои перья! Какой чернильный океанъ долженъ былъ разлиться, чтобы бѣлое

сдѣлать чернымъ! Но скажи имъ, что Суворовъ въ Варшавѣ не былъ Омаромъ въ Александріи: онъ не сжегъ Библіотеки, но поднесъ сей плодъ оружія отечеству."

Разговорясь съ Графомъ Сентъ-Андре о славномъ Тюренѣ, спросилъ его Князь: „На кого похожъ Тюренъ?" — Тотъ отвѣчалъ: „На Суворова: и онъ и Суворовъ могутъ сказать: non omnis morior, т. е. не весь умираю." — Это такъ понравилось Александру Васильевичу, что за обѣдомъ нѣсколько разъ повторялъ онъ тихонько про себя: non omnis morior. Велѣлъ было мнѣ записать; но я отвѣчалъ: „Такая истина не изглаживается изъ памяти."

Одинъ Генералъ любилъ ходить въ пучкѣ, что было противно тогдашней формѣ. Князь боялся за него, чтобы онъ за то не подвергнулся непріятностямъ; но уважая его лѣта и службу, не имѣлъ духу, ему запретить. Однажды сказалъ онъ мнѣ при немъ: „Узнай подъ рукою, не кроется ли въ пучкѣ или подъ

нучкомъ что - нибудь важное?“ И подобными разными шутками довелъ онъ его до того, что онъ началъ носить форменную косу.

Въ упорныхъ и рѣшительныхъ сраженіяхъ бываютъ такія минуты, когда обѣ стороны, по невольному дѣйствію сердца человѣческаго, ощущаютъ слабость средствъ своихъ, безполезность напряженій и силъ истощенія. Наблюденіе сей единственной минуты доставляетъ успѣхъ и славу. Суворовъ однимъ взоромъ усматривалъ движеніе рядовъ и душъ Русскихъ воиновъ. Къ сей минутѣ нравственнаго ослабленія у него былъ всегда запасъ. Въ самомъ жару сраженія подъ неприступными высотами Нови, Суворовъ увидѣлъ сіе расположеніе душъ; немедленно отдалъ приказъ къ нанесенію непріятелю послѣдняго удара, и, когда всѣ войска двинулись, Герой сказалъ: „Великъ Богъ Русскій!—я побѣдилъ Моро!“

Нѣкоторые Полководцы умѣли побѣждать, а не умѣли пользоваться побѣ-

дою. Суворовъ и удачу враговъ употребляль въ пользу себѣ. Когда подань быль знакъ къ переправѣ чрезъ рѣку Адду, въ то самое время нѣсколько отважныхъ Русскихъ Гренадеровъ бросились на суда, неустрашимо принялись за весла, и по темнотѣ ночи, въ нѣсколько минутъ пропали изъ виду. Вскорѣ съ противнаго берега услышали безпорядочную пальбу: разные огни засверкали сквозь кустарники. Прозорливый Суворовъ тотчасъ догадался, что непріятель зажегъ передовыя суда. Опасность Русскихъ воиновъ, переплывшихъ за Адду, обратилъ онъ въ предвѣстіе побѣды. — „Съ нами Богъ!" вскричалъ Герой: „богатыри овладѣли берегомъ; они зовутъ насъ. Не выдадимъ своихъ! впередъ! съ нами Богъ!"

Суворовъ, встрѣтясь съ однимъ Генераломъ, по стремленію невольной запальчивости, сдѣлалъ ему жестокій выговоръ, и вдругъ, смягча голосъ, продолжалъ: „Я говорилъ вамъ какъ раздраженный Начальникъ, теперь буду говорить, какъ другъ и отецъ. Я знаю все: вѣроломство и измѣна предали насъ въ руки

непріятелей. Богъ взыщетъ съ нихъ! ... Если можно не вспоминайте никогда о прошедшемъ."

По окончаніи Италійской кампаніи, приказалъ мнѣ Генералиссимусъ узнать, былъ ли въ продолженіе оной кто-либо наказанъ за нарушеніе подчиненности? Когда, по полученіи справокъ, донесъ я Его Сіятельству, что ни одного не было, то онъ съ восторгомъ вскочилъ и возблагодарилъ Бога. „Теперь," сказалъ: „узнаю я наше Русское войско. Сей подчиненности обязанъ я своими побѣдами, ибо что есть войско безъ повиновенія и какимъ образомъ могутъ толпы вооруженныхъ людей направляемы быть безошибочно къ назначаемой цѣли безъ власти, раздѣленной между постепенными Начальствами? Запиши: „Ноша службы легка, когда дружно подымаютъ ее многіе. Нѣтъ! Греки и Римляне съ нами не равняются."

Положивъ 16-го Апрѣля 1799 года переправиться чрезъ быструю рѣку Адду, которой крутые берега вездѣ бы-

ли укрѣплены баттареями, — Суворовъ сказалъ: „Побѣда, слава и безопасность воиновъ нашихъ зависятъ отъ сего подвига. Медленность наша умножитъ силы непріятеля; быстрота и внезапность разстроятъ его и поразятъ. Широта рѣки не съузится, высота береговъ не понизится; Русскій Богъ силенъ! Съ Нимъ перелетимъ полетомъ богатырскимъ; съ Нимъ побѣдимъ!!!... Ура!" — и Русскіе за Аддою.

По взятіи Милана, нѣкоторые Австрійскіе Генералы представили Суворову, что послѣ трехдневнаго съ непріятелями дѣла войска заслуживаютъ, чтобы имъ дано было хотя малое отдохновеніе. Въ отвѣтъ на то, Суворовъ отдалъ въ приказѣ: *впередъ!*

Расказывали про кого-то, который любилъ копировать Суворова, подражая ему въ образѣ жизни, окачиваться водою, бѣгать, прыгать, и т. п. — Александръ Васильевичъ началъ: „Зачѣмъ старичёкъ меня корчитъ? Мнѣ кажется, обезьяны

для того и сотворены, чтобы насъ, одаренныхъ разумомъ, отчуждать отъ смѣшнаго обезьянства. Такъ Спартанцы непугались, увидя пьянаго Илота. Жалко подражаніе, похвально соревнованіе. Подражаніе есть признаніе въ недостаткѣ собственныхъ своихъ способностей; соревнованіе — порывъ благородной души, которая хочетъ выказать оспориваемое у нее преимущество. Подражатель ползаетъ за своимъ оригиналомъ; соревнователь стоитъ возлѣ него и отбиваетъ у него вѣнецъ. Тотъ рабъ, сей господинъ. Пусть старинушка, передразнивая меня, смѣшитъ всѣхъ собою...“

Читали книгу, въ которой сказано, что одинъ Персидскій Шахъ, человѣкъ впрочемъ кроткаго нрава, велѣлъ повѣсить двухъ газетчиковъ за то, что они помѣстили въ своихъ листкахъ двѣ лжи: „Какъ!“ вскрикнулъ Суворовъ: „только за двѣ лжи? Что если бы такой Шахъ явился у насъ; изчезли бы всѣ господа Европейскіе Журналисты! Не сносить бы головы своей и Дюмасу.“

Извѣстный въ Европѣ Пасторъ Лафатеръ прислалъ къ Суворову изъ Швейцаріи въ Италію сочиненіе свое, подъ заглавіемъ: *Одно слово свободнаго Швейцарца къ Французской націи.* Въ ономъ описаны всѣ неистовые и злодѣйскіе поступки *тогдашнихъ* Французовъ. Онъ велѣлъ тотчасъ напечатать нѣсколько сотъ экземпляровъ для раздачи по Швейцаріи, когда мы туда вступимъ; а слѣдующую статью выписать для себя: „Французская нація! перестань называться великою націею. Колоссальная величина — не истинное величіе; и триста милліоновъ Китайцевъ показались бы тебѣ смѣшными, если бы нарекли себя великими. Называй себя малѣйшею изъ всѣхъ націй, или ты должна терпѣть, что всѣ великіе и малые народы тебя признаютъ такою. Французская нація! устами частнаго человѣка вопіютъ языки нѣсколькихъ сотъ тысячъ вольныхъ Швейцарцевъ ко всѣмъ народамъ: „Мы еще рабы, рабы, какими никогда не бывали.“ — О Лафатерѣ долженъ я замѣтить, что покойный Государь Императоръ Павелъ I-й зналъ его лично, и Высочайше предписалъ, взять его въ

Цюрихѣ подъ особое Россiйское покровительство.

Князь любилъ въ праздные часы расказывать о прежнихъ своихъ походахъ; но всегда кратко и отрывисто. Такъ, говоря о взятiи Измаила, началъ слѣдующимъ образомъ: „Гордымъ Богъ противится. Три раза посылалъ я требовать сдачи. Что же? Получаю отъ Паши отвѣтъ: „Прежде перемѣнитъ Дунай свое „теченiе, прежде низпадетъ небо на зем„лю, нежели Измаилъ сдастся.“ „Вдругъ гордыня у нашихъ ногъ. Богъ нашъ спаситель; великая Царица на Престолѣ; войско побѣдоносное. Едва успѣлъ сказать: храбрые воины! два раза подступали наши къ крѣпости, въ третiй побѣдимъ со славою: — и ужь чудобогатыри въ крѣпости!“

По выходѣ изъ Алпiйскихъ ущелiй, приближаяся къ городу Куру, увидѣли мы двухъ быковъ. Вдругъ всѣ бросились, вмигъ распластали и раскрошили ихъ, развели огонь; и каждый, начиная съ Фельд-

маршала, жарилъ самъ кусокъ свой говядины на палочкѣ, или на шпагѣ. Еще и теперь не могу забыть, какъ вкусенъ былъ тотъ кусокъ. Въ то самое время бросается къ ногамъ Суворова старикъ съ старухою въ слезахъ, и жалуется на солдатъ, похитившихъ у нихъ скотъ. „Нѣтъ!" сказалъ онъ, обнявъ его: „мы не разбойники, а голодные; возьми сто червонныхъ, возьми болѣе, сколько хочешь; но не порицай въ грабительствѣ добрыхъ защитниковъ твоей родины. Ты вѣрно эти двѣ недѣли былъ сытъ съ твоимъ семействомъ, а мы не знали хлѣба и умираемъ съ голоду. Богъ будетъ насъ судить всѣхъ: Его безпредѣльное милосердіе помилуетъ насъ; но твоего жестокосердія къ ближнимъ не оставитъ безъ наказанія. Помни, старикъ, мы всѣ братья. Швейцары — добрые Христіане." Слова сіи, произнесенныя съ жаромъ чувствъ, поколебали крестьянина: онъ отказался отъ денегъ, а началъ только просить о караулѣ къ своему дому, который тотчасъ ему и данъ.

Одинъ иностранный Генералъ, за столомъ у Суворова, возносилъ его хва-

лами безъ умолку, такъ что наскучилъ ему и намъ всѣмъ. Подали прежалкій круглый пирогъ, который кушалъ лишь одинъ Александръ Васильевичъ. „Знаете ли, господа,“ сказалъ онъ: „что ремесло льстеца не такъ-то легко. Лесть походитъ на этотъ пирогъ: надобно умѣючи испечь, всѣмъ нужнымъ начинить въ мѣру, не пересолить и не перепечь. Люблю своего Мишку повара; онъ худой льстецъ.“

Строжайше запрещено было офицерскимъ женамъ слѣдовать за арміею. Не смотря на то, многія переодѣвались въ мужское платье, были съ мужьями своими неразлучно и прятались отъ Генералиссимуса. Однажды встрѣтился онъ съ такою переодѣтою, и спросилъ: „Кто это такой?“ Отвѣчаютъ: Капитанъ. „Храбръ ли онъ?“ Отвѣтъ: храбръ. „Да,“ продолжалъ Князь: „знаю его. Онъ, помилуй Богъ, храбръ — въ Амазонскомъ полку.“

Въ одномъ Нѣмецкомъ городѣ, когда Князь занимался со мною въ кабинетѣ

своемъ, вбѣгаетъ къ нему престарѣлая хозяйка дома, и, бросясь къ ногамъ его, кричитъ: „Спасите, Генералъ; ваши солдаты грабятъ мой садъ, ломаютъ яблони и ѣдятъ несозрѣвшія еще яблоки. Они всѣ умрутъ,“ — Фельдмаршалъ приказалъ тотчасъ ихъ выгнать; а потомъ, указавъ ей на меня, сказалъ: „Вотъ этотъ Генералъ, которому приказано смотрѣть за порядкомъ, будетъ за сіе тотчасъ разжалованъ вѣчно въ солдаты.“ — Тутъ полились новыя слезы; добрая старушка умоляла его о помилованіи меня. Забыты яблоки. Но онъ оставался непреклоннымъ; сѣлъ и принялся опять со мною за работу. По возвращеніи моемъ въ Канцелярію, она проситъ у меня прощенія, что невинно въ первый разъ въ жизнь свою сдѣлалась виновницею несчастія ближняго. Съ великимъ только трудомъ могъ я ее успокоить.

Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна изволила изъявить желаніе, чтобы Суворовъ вступилъ въ переписку съ Шаретомъ, Генералиссимусомъ тогдашнихъ Королевскихъ Францу-

скихъ войскъ въ Вандеѣ. На сей конецъ поднесенъ ей былъ на усмотрѣніе проэктъ письма на Французскомъ языкѣ къ Шарету, для подписанія Суворову. Государыня, по прочтеніи, уничтожила оный, сказавъ: „Не Намъ учить Суворова писать. У Генія свой полетъ и свое перо." И тогда удивилъ Графъ высокимъ Французскимъ своимъ краснорѣчіемъ всѣхъ иностранцевъ. Во всѣхъ газетахъ было то посланіе напечатано, какъ образцовое. На третій день моего вступленія къ нему въ должность, спросилъ онъ меня, читалъ ли я то произведеніе его. Я признался, что нѣтъ. Тутъ онъ тотчасъ вынулъ оное и велѣлъ мнѣ сѣсть и перевести по-Русски. Вотъ Французскій подлинникъ Суворова:

Souvorow à M. de Charette, Généralissime des troupes du Roi de France; à son quartier Général.

Héros de la Vendée! illusre défenseur de la foi de tes pères et du trône de tes Rois! Salut.

Que le Dieu des armées veille à jamais sur toi; qu'il guide ton bras à travers les bataillons de tes nombreux ennemis, qui, marqués du doigt de ce Dieu vengeur, tomberont dispersés, comme la feuille qu'un vent du nord a frappé. Et vous, immortels Vendéens, fideles conservateurs de l'honneur des Français, dignes compagnons d'armes d'un héros, guidés par lui, rélevez le temple du seigneur et le trône de vos Rois....

—Que le méchant périsse....—Que sa trace s'efface..— Alors que la paix bienfaisante renaisse, et que la tige antique des lys, que la tempête avoit courbée, se releve du milieu de vous, plus brillante et plus majestueuse.

Brave Charette, honneur des chevaliers Français.— L'univers est plein de ton nom.—L'Europe étonnée te contemple, et moi, je t'admire et te felicite...Dieu te chérit, comme autrefois David, pour punir le Philistin! Adore ses décrets.—Vole, attaque, frappe, et la victoire suivra tes pas. Tels sont les voeux d'un soldat, qui blanchi aux champs d'honneur, vit constamment la victoire couronner la confiance qu' il avoit placée dans le Dieu des combats. Gloire à Lui; car Il est la source de toute gloire. Gloire à toi; car Il te chérit. Souvorow.

Le premier Octobre 1795. A Varsovie.

Вотъ мой переводъ сего достопамятнаго письма:

Суворовъ къ Г-ну Генералиссимусу войскъ Французскаго Короля де Шарешту; изъ главной своей квартиры.

Герой Вандеи! знаменитый защитникъ вѣры отцевъ твоихъ и престола твоихъ Государей! Привѣтствую тебя.— Господь силъ, да блюдетъ тебя во всякое время! да направитъ десницу твою на пораженіе полчищъ многочисленныхъ враговъ твоихъ, кои отъ единаго мановенія перста сего Бога отмстителя падутъ разсѣянные, яко листъ, вѣтромъ сѣвера отторженный! А вы, безсмертные Вандейцы! вѣрные хранители чести Французовъ!

достойные сподвижники Героя, вами предводительствующаго! возстановите Храмъ Господень и престолъ Государей вашихъ. Нечестивый да погибнетъ и путь его да потребится! Тогда миръ благодѣющій да возродится паки, и древній стебль лиліи, преклоненный долу, да возстанетъ посреди васъ блистательнѣе и величественнѣе. Храбрый Шареттъ, честь Французскихъ рыцарей! вселенная исполнена имени твоего; изумленная Европа созерцаетъ тебя; тебѣ удивляюсь я, тебя привѣтствую. Богъ избралъ тебя, какъ нѣкогда Давида для наказанія Филистимлянъ. Благоговѣй предъ судьбами Его. Лети на брань, устремись на врага, рази, и побѣда послѣдуетъ стопамъ твоимъ! Таковы суть желанія воина, который, посѣдѣвъ на поляхъ чести, всегда зрѣлъ побѣду, увѣнчевающую упованіе его на Господа силъ! Слава Ему! ибо Онъ есть источникъ всякія славы. Слава тебѣ! ибо ты Ему любезенъ. Суворовъ. Октября 1 дня 1795 года. Въ Варшавѣ.

Садясь обѣдать, замѣтилъ Князь, что одинъ молодой Офицеръ тѣснился

сѣсть выше стариковъ, чего онъ весьма не жаловалъ; тотчасъ началъ кричать своимъ языкомъ: „Дисциплина! субординація! высока лѣстница военнаго чиноначалія! Ступени широки!—кто ступилъ выше, тотъ выше и садится! и проч.“ Чтобы остановить гнѣвъ его, одинъ изъ сидящихъ увѣрилъ Графа, что этотъ молодой человѣкъ близорукъ и стихотворецъ, и хотѣлъ поближе разсмотрѣть Героя своей поэмы. „Зачѣмъ,“ сказалъ Александръ Васильевичъ: „не предъувѣдомилъ ты меня? Я думалъ, что онъ маменькинъ баловень; а теперь вижу, что это licence poëtique. Какъ намъ не служить, когда у насъ въ арміи Барды и Трубадуры сулятъ намъ безсмертіе!“ Просилъ стихотворца-самозванца принесть прочитать свою поэму, развеселился и принялся съ аппетитомъ за Мишкины блюда.

Предварительно долженъ я просить у Читателей моихъ снисхожденія, если займу ихъ расказомъ о весьма забавномъ, но маловажномъ происшествіи: о возложеніи двухъ медалей на камердинера Ге-

нералиссимуса, Прошку, который во всей арміи извѣстенъ былъ подъ симъ именемъ. Напередъ скажу также, что сей Прошка былъ человѣкъ невоздержный, ограниченнаго ума и дерзкій. Онъ отнималъ иногда у него тарелку съ кушаньемъ, грубилъ ему. Не смотря на то, Баринъ его, помня, что онъ какъ-то спасъ нѣкогда жизнь его, снисходилъ къ его невѣжеству и шутилъ надъ нимъ. Вдругъ сей Прошка удостоивается получить отъ Сардинскаго Короля, Карла Эммануила, двѣ медали, одну съ изображеніемъ Государя Императора Павла Перваго, а другую съ изображеніемъ Короля и съ надписью на Латинскомъ языкѣ: *за сбереженіе здоровья Суворова*. Обѣ на зеленыхъ лентахъ. На пакетѣ рескрипта, запечатанномъ большою Королевскою печатью, адресъ слѣдующій: „Господину Прошкѣ, камердинеру Его Сіятельства Князя Суворова.“ — Сей пакетъ внесъ Прошка своему Господину съ воемъ, и прослезилъ его также. Тотчасъ за мною посылка. Я являюсь. Съ восторгомъ кричитъ Графъ: „Какъ! Его Сардинское Величество изволилъ обратить милостивѣйшее свое вниманіе и на моего Прошку! Садись и

пиши церемоніалъ завтрешнему возложенію двухъ медалей на грудь Прошки.“ Я сѣлъ и написалъ; „Первый пунктъ: Прошкѣ быть завтра въ трезвомъ видѣ.“— Что значитъ это,“ сказалъ Александръ Васильевичъ: „я отъ роду не видывалъ его пьянымъ?“ — „Я не виноватъ,“ отвѣчалъ я: „если я не видалъ его трезвымъ.“ Въ одномъ пунктѣ сказано между прочимъ, что, по возложеніи медалей, долженъ Прошка поцѣловать руку своего барина; но Графъ требовалъ настоятельно, чтобы онъ поцѣловалъ руку Габета, уполномоченнаго Королемъ при Главной Квартирѣ Суворова. На другой день церемоніалъ совершился по пяти пунктамъ въ точности, кромѣ перваго, который исполненъ съ нѣкоторыми ограниченіями. Также въ концѣ, Габетъ никакъ не давалъ своей руки; Графъ и Прошка за нимъ гонялись, и едва всѣ трое не упали. Забылъ я сказать, что Прошка, въ сей жаркій Итальянскій день, былъ въ бархатномъ кафтанѣ, съ большимъ привѣтаннымъ кошелькомъ, и уже не служилъ, а стоялъ въ отдаленности отъ графскаго стула, неподвижно за столомъ, гдѣ пили какое-то Кипрское,

8

прокисшее вино, за его здоровье. Нельзя не подивиться, какъ Графъ при семъ забавномъ случаѣ сохранялъ пресерьёзное торжественное лице. Такъ мѣшалъ онъ дѣло съ бездѣльемъ, и — это называлъ своею *рекреацiею*.

Отдавая Англiйскому курьеру письмо къ Адмиралу Нельсону, Суворовъ сказалъ: „Кланяйтесь другу моему, Нильскому Герою, сказавшему наканунѣ Абукирскаго сраженiя: *Завтра я — или Лордъ, или Ангелъ.*" (*)

Фельдмаршалъ говаривалъ, что недурно иногда спросить и служивыхъ, съ кѣмъ они хотятъ воевать. Они знаютъ и не ошибаются въ своихъ Начальникахъ. Надобно было однажды отрядить для нападенiя на непрiятеля два баталiона. Онъ подослалъ спросить, за каши цею, солдатъ одного полка, съ кѣмъ бы они хотѣли поработать. Всѣ въ одинъ

(*) Адмиралы въ Англiи за побѣды производятся въ Лорды. Слѣдовательно побѣдитель—Лордъ, или смерть.

голосъ назвали одного Полковника, не смотря, что тамъ были, казалось, гораздо достойнѣйшіе. Онъ тотчасъ исполнилъ ихъ желаніе, и дѣло увѣнчалось успѣхомъ.

Одинъ эмигрантъ насчиталъ Князю цѣлый каталогъ недавно изданнымъ книгамъ о военномъ искуствѣ, и казался удивленнымъ, что онъ ихъ не читалъ. „Удивительно," сказалъ наконецъ Александръ Васильевичъ: „никогда такъ много не писали о тактикѣ, какъ въ царствованіе Людовика XV: а какую жалкую ролю играла въ военной Исторіи Французская армія. Начальники, увы! Субизъ и Клермонъ; — военный духъ: Росбахъ! Минденъ! Забыты вѣки Карла Великаго, Генриха IV, Людовика XIV. Военная ихъ библіотека была очень невелика. Ее украшали тогда имена: Тюреневъ, Конде, Люксанбургъ, Катина, и проч."

Разговорясь о Государѣ Петрѣ Первомъ, Суворовъ сказалъ: „Я благоговѣлъ къ Нему на Ладожскомъ каналѣ и на Пол-

тавском полѣ, гдѣ, по повелѣнію блаженной памяти Матушки Екатерины, былъ сдѣланъ точно тотъ самый Его маневръ. По Его слѣдамъ дознался я, что Онъ былъ первый Полководецъ Своего вѣка; мнѣніе мое и Румянцовъ удостоилъ одобрить.“

Князь показалъ мнѣ однажды приказъ, въ которомъ прописанъ весь его титулъ, какъ-то: Его Сіятельство, Господинъ Генералиссимусъ такой-то арміи и разныхъ Орденовъ Кавалеръ, Князь, Графъ, и проч. и проч. Онъ все это вымаралъ, написавъ своею рукою: *Суворовъ приказалъ*. — „Не правдали,“ спросилъ онъ меня: „что такъ лучше?“ „Да,“ отвѣчалъ я: „довольно сказать: *Цезарь приказалъ*, а еще лучше: *онъ приказалъ*. Ибо кто не знаетъ этого *онъ*, которому все повинуется.“ — Князь взглянулъ на меня, и сказалъ съ улыбкою: „Вижу, что ты двѣнадцать лѣтъ служилъ при Безбородкѣ.“

Надобно чтить превратность счастія въ плѣнномъ, была всегдашняя его аксіома, и по поводу сего никогда не любилъ онъ принимать шпагу отъ попавшагося въ полонъ, а любилъ возвращать. Тотчасъ отдалъ ее Генералу Серюрье, въ Миланѣ, съ сими словами: „Кто ею такъ владѣетъ какъ вы, у того она не отъемлема.“

Увидя жида, остановился Князь, сказавъ: „Вотъ и съ Еврейскимъ пятисотнымъ полкомъ сражался я подъ Прагою, и положилъ всѣхъ на мѣстѣ, кромѣ осторожнаго ихъ Полковника Гиршко, который весьма благоразумно оставался въ Варшавѣ, и оттуда командовалъ. Живъ ли онъ, — спросилъ онъ — но недождавшись поскакалъ. „Напрасный вопросъ — онъ животолюбивъ.“

Храбраго Маіора, Барона Корфа, спросилъ Фельдмаршалъ за столомъ: „Ты съ нами былъ въ Варшавѣ? Что ты тамъ видѣлъ?“ — „Ничего, отвѣчалъ онъ: „кромѣ Вашего Сіятельства, когда Магистратъ

возвратилъ вамъ содержавшихся въ полону 1,376 Русскихъ, 500 Пруссаковъ, 80 Австрійцевъ и въ числѣ ихъ трехъ Генераловъ нашихъ и трехъ Членовъ Дипломатическаго Корпуса. Я видѣлъ, какъ съ нихъ снимали оковы, и какъ они изливали свои чувства въ объятіяхъ своего спасителя.“ — Суворовъ умолкъ и умильно прослезился.

Безкорыстіе Князя Александра Васильевича было во всю жизнь столь велико, что его по всей справедливости можно назвать Русскимъ Фабриціемъ. И объ нашемъ, какъ о томъ, сказалъ бы Царь Эпира, Пирръ: *прежде совратится съ теченія своего солнце, нежели сей Римлянинъ съ пути честности.* Онъ радовался, когда войску доставалась богатая добыча, но никогда въ раздѣлѣ ея не участвовалъ, безпрестанно повторяя: „Къ чему мнѣ? я и такъ награждаюсь не по мѣрѣ заслугъ моихъ, но по величію благости Царской.“ Въ Измаилѣ подвели ему рѣдкую лошадь, которой не было цѣны, и просили принять ее въ память знаменитой эпохи; но онъ

отказался, сказавъ: „Нѣтъ, мнѣ она не нужна. Я прискакалъ сюда на Донскомъ конѣ, съ однимъ казакомъ; на немъ и съ нимъ ускачу.“ Когда ему одинъ Генералъ замѣтилъ, что теперь поскачетъ онъ съ тяжестію новыхъ лавръ, то онъ отвѣчалъ: „Донецъ всегда выносилъ меня и мое счастіе.“ — Здѣсь слышимъ Цезаря!

Пріѣхавшій въ Главную Квартиру бывшій республиканскій Генералъ Пишегрю, испрашивалъ у Фельдмаршала конференціи, но онъ отъ оной уклонился, подъ предлогомъ политическихъ препятствій. При семъ случаѣ говорилъ онъ въ кабинетѣ: „Не должно теперь слишкомъ довѣрять пылкости эмигрантовъ. Кантъ сказалъ, что каждый Француэъ есть природный танцмейстеръ. Вся сила у нихъ въ ногахъ; а мнѣ надобны и головы. Впрочемъ, чту отважнаго покорителя Голландіи, который не флотомъ, а по льду сдѣлалъ высадку на ея берега. — Скорость нужна, а поспѣшность вредна.“

Завели у Графа разговоръ о Генералѣ Маккѣ. Тотчасъ всѣ союзные Генералы взглянули другъ на друга и шепнули: „Ну, теперь намъ достанется.“ Но, какъ они ошиблись. „Судить о талантахъ по однимъ несчастіямъ,“ говорилъ Суворовъ: „было бы несправедливо. Я, напротивъ того, отъискиваю причины неудачь Макка въ ошибкахъ Неаполитанскаго Министерства. Если Мантуа пала, если Папа принужденъ былъ подписать Толентинскій трактатъ, если въ верхней Италіи основалась Цизальпинская республика, если Бонапарте достигъ до Мура: то все это произошло отъ того, что Неапольское правленіе въ сіи рѣшительные періоды оставалось отъ страха въ бездѣйствіи. Такой тогдашній кабинетъ и войско безъ дисциплины! Чего тутъ ожидать? Воинскія лѣтописи не сохранили примѣровъ, чтобы малочисленность торжествовала надъ многочисленностію. Но каждый Французъ сражался съ 6-ю, 8-ю и даже 10-ю Неаполитанцами, и оставался побѣдителемъ.“

Сколько Князь не любилъ ретирадъ и оборонительной войны, столько былъ

онъ также не охотникъ до дессантовъ. Онъ не одобрялъ высадки во Францію Англійскихъ войскъ, подъ начальствомъ Герцога Іоркскаго. Ибо извѣстно, какъ для нихъ несчастливо кончилась кампанія 1794 года, такъ что они должны были сѣсть на суда, бѣжать и спасаться. Въ замѣткѣ, диктованной Генералъ-Маіору Прево-де-Люміану и помѣщенной въ моей Исторіи, говоритъ онъ именно: „Высадки во Францію не надобно. Они, то-есть Англичане, должны продолжать нападеніе на колоніи. Они слишкомъ раздѣляютъ силы свои въ каналѣ и на Средиземномъ морѣ.“ — По поводу таковаго его невыгоднаго о дессантахъ мнѣнія, былъ онъ въ отчаяніи, когда получилъ извѣстіе о назначеніи высадки въ Голландію Россійскихъ войскъ съ Англійскими, подъ главнымъ начальствомъ Герцога Іоркскаго. — „Господи!“ воскликнулъ онъ: „да не буду я Пророкомъ.“ — Послѣдствія оправдали его страхъ.

„Забавны,“ говорилъ Князь: тѣ „живолюбивые Скрибы, которые хотятъ вести войну безъ пролитія крови. И я щадилъ ее, гдѣ можно было. На пути къ

Варшавѣ, съ 10-ю тысячнымъ корпусомъ, обезоружилъ я, въ Бѣлорусскихъ провинціяхъ, 8000 Поляковъ на пространствѣ 150 миль, не проливъ ни капли. Въ Варшавѣ поцѣловалъ ключи города и возблагодарилъ Господа, что они не окровавлены, какъ въ Прагѣ. Ба, — обратясь къ В. Х. Дерфельдену — ты Герой Праги, раскажи:“— и сей знаменитый Генералъ продолжалъ: „Да, въ военной Исторіи нѣтъ примѣра дѣлу, столь отважно предпринятому, столь искусно исполненному и столь достопамятному своими послѣдствіями. Однимъ ударомъ потушенъ огонь раздора; испровергнуто правленіе, котораго конституціонное основаніе воздвигало бури; возстановленъ миръ.“ Князь бросился его обнимать, цѣловать и благодарить. Серьёзный Дерфельденъ спрашиваетъ его: „За что изволите благодарить?“ — Отвѣтъ: „За то, что ты Лаконикъ.“

Князь Александръ Васильевичъ воспоминалъ всегда съ благоговѣйнымъ восторгомъ объ Императорской Фамиліи, о Августѣйшей Супругѣ, Матери пресвѣт-

лѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ Царскихъ дѣтей и Матери сирыхъ, и о надеждѣ Россіи, тогдашнемъ Наслѣдникѣ Престола Александрѣ Павловичѣ. — „Однажды" говорилъ онъ: „удостоясь увидѣть Ангела во плоти, трехлѣтняго Великаго Князя Николая Павловича, (нынѣ счастливо Царствующаго Государя Императора), бросился я къ Его ногамъ. Его Императорское Высочество испугавшись заплакалъ. На случай сей вдругъ является Государь, и, подымая меня, изволилъ сказать: „Помилуйте, Графъ, что вы дѣлаете?" Я отвѣчалъ: „Онъ — сынъ боготворимаго Государя. Его Высочеству скажутъ, что у младенческихъ ногъ его лежалъ старый вѣрноподданный."

Принцъ Конде, разговорясь однажды съ Суворовымъ, о прежнихъ его подвигахъ, признался съ сожалѣніемъ, что не читалъ ничего о зарѣ славы его въ семилѣтнюю войну. Александръ Васильевичъ обратился тотчасъ ко мнѣ, и приказалъ написать на Французскомъ языкѣ обозрѣніе тѣхъ его подвиговъ. Я замѣтилъ Его Сіятельству, что, не имѣя

достовѣрныхъ источниковъ, не могу иначе исполнить его приказаніе, какъ руководствоваться его Исторіею, изданною на Нѣмецкомъ языкѣ Антингомъ, и сдѣлать изъ оной извлеченіе. „Да“ отвѣчалъ онъ: „сдѣлай безъ всякой прикрасы, и покажи мнѣ; а послѣ мы доставимъ къ Принцу.“ Здѣсь представляю я переводъ:

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

подвиговъ Суворова въ семилѣтнюю войну.

Мы начинаемъ повѣствованіе наше о Суворовѣ съ 1759 года, когда онъ, на 29-мъ году своего возраста, вступилъ на военное поприще, подъ начальствомъ Генерала Князя Волконскаго и Генералъ-Аншефа Графа Фермора. Вскорѣ пріобрѣлъ онъ довѣренность ихъ — отважностію своею въ баталіи при Куннерсдорфѣ и при взятіи Тотлебеномъ Берлина.

Въ послѣдующихъ годахъ, подъ начальствомъ Генерала Берга, прикрывалъ онъ легкими войсками отступленіе Россійской арміи къ Бреславлю. Подъ Рейхенбахомъ, окруженный значительнымъ Прусскимъ корпусомъ Генерала Кноблоха, одержалъ онъ первую въ жизни своей

побѣду. Ему было тогда 31 годъ. Безпрестанно имѣлъ стычки съ арміею, предводительствуемою самимъ Королемъ, и одерживалъ не рѣдко частныя выгоды. Таковое начало служенія весьма лестно для молодаго Офицера. (*)

Въ томъ же 1761-мъ году, съ сотнею казаковъ переплываетъ онъ Нейсу при Дризенѣ; въ ночь проходитъ шесть Нѣмецкихъ миль къ Ландсбергу на Вартѣ; разбиваетъ городскія ворота; входитъ въ городъ; беретъ въ полонъ Прусскихъ гусаръ, тамъ находившихся, и сожигаетъ половину моста чрезъ Варту.

Изъ Ландсберга стремится онъ, съ 3-мя гусарскими и 7-ю казацкими полками, чрезъ Регенсвальдъ къ Колбергу. Назначеніе его было тревожить Прусскую армію, подъ начальствомъ Платена. Онъ напалъ на оную, и взялъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ.

Нѣсколько дней спустя, атаковалъ онъ въ окрестностяхъ Старгарда другой корпусъ Прусскій, начальствуемый Шенкендорфомъ. Съ однимъ эскадрономъ

(*) О своемъ воспитаніи и о службѣ своей въ Лейбъ-Гвардіи Семеновскомъ полку, хотѣлъ онъ писать самъ.

драгунъ и нѣсколькими казаками напалъ онъ съ саблею въ рукѣ на одинъ баталіонъ, который храбро отбивался; многіе были побиты, а остальные взяты въ плѣнъ. Хотя у него была только горсть людей, но онъ тотчасъ рѣшился напасть на Прусскихъ драгунъ: разбилъ ихъ, взялъ два орудія и 20 плѣнныхъ. Бывъ окруженъ непріятелемъ, онъ оставилъ пушки — но, не плѣнныхъ своихъ. Прусаки потеряли въ сей день ранеными и плѣнными до тысячи человѣкъ.

Полковникъ де-ла-Мотъ-Курбіеръ, командовавшій авангардомъ Генерала Платена, составленнымъ изъ двухъ баталіоновъ и изъ десяти ескадроновъ, сбилъ Русскихъ гусаръ. Шесть ескадроновъ конныхъ гренадеръ слѣдовали за гусарами; Суворовъ опрометью бросился ихъ догонять, тотчасъ устроилъ линіи, и, не взирая на безпрестанную пушечную пальбу, напалъ на каре, поставленный Курбіеромъ, и заставилъ его положить оружіе.

Суворовъ, не теряя ни минуты, собралъ тотчасъ своихъ гусаръ съ частію казаковъ, напалъ съ ними на Прусскую конницу и взялъ 800 плѣнныхъ. Также захватилъ онъ драгунъ фуражировъ, ко-

торые находились на четверть мили впереди отъ корпуса Платена.

На другой день, съ восходомъ солнца, началъ Суворовъ съ тремя баталіонами пальбу на вороты города Глогау, подъ сильнымъ огнемъ Пруссаковъ. Лошадь подъ нимъ убита; онъ долженъ былъ пѣшкомъ командовать, пока не разбиты были ворота, чрезъ которыя гренадеры его ворвались въ городъ, взяли гарнизонъ и преслѣдовали бѣгущихъ по другую сторону моста въ виду непріятельскаго лагеря. Суворовъ стремился впередъ, но, раненый рикошетнымъ выстрѣломъ, долженъ былъ остановиться.

Послѣ того атаковалъ Суворовъ два баталіона двумя стами человѣкъ: онъ пробрался мимо ихъ, открылъ пальбу на баталіонъ Принца Фердинанда, положилъ многихъ на мѣстѣ и взялъ болѣе ста человѣкъ въ полонъ. Прусаки стрѣляли изъ оконъ. Лошадь подъ Суворовымъ опять убита.

Въ 1762 году заключенъ миръ между Россіею и Пруссіею, и заря подвиговъ Суворова, произведеннаго въ Полковники Астраханскаго полку, прекращается.

За взятіе Суворовымъ, безъ вѣдома и воли — главнаго Начальника, города Туртукая, отданъ онъ былъ Фельдмаршаломъ Румянцовымъ подъ судъ. „Римъ," говорилъ онъ: „меня бы казнилъ. Военная Коллегія поднесла докладъ, въ которомъ Секретарь ея не выпустилъ ни одного закона на мою погибель. Но милосердіе Великой меня спасаетъ. Екатерина пишетъ: Le vainqueur ne doit pas être jugé, то есть: побѣдителя судить не должно. Я опять въ арміи — на служеніи моей Спасительницѣ!"

Въ Италіи приглашали его въ маскерадъ; но онъ отозвался: „Нѣтъ! я, помилуй Богъ, трусъ; а тамъ — маскерованныя баттареи."

Въ Новой Ладогѣ дѣлалъ онъ съ своимъ Астраханскимъ полкомъ разные маневры, повторяя безпрестанно: „Солдатъ и въ мирное время на войнѣ. Предпочитаю Грековъ Римлянамъ. У первыхъ были военныя училища, безпрестанно и въ мирѣ занимались они воинскимъ ученіемъ.

Римляне безпечно отдавали судьбу арміи своимъ Консуламъ, и не умѣли пользоваться славою.“ Весьма желалъ онъ показать полку своему штурмъ. На пути встрѣчаетъ монастырь. Въ пылу воображенія, тотчасъ готовъ у него планъ къ приступу. По повелѣнію его, полкъ бросается по всѣмъ правиламъ штурма и побѣда оканчивается взятіемъ монастыря. Екатерина пожелала увидѣть чудака. И сіе первое свиданіе, какъ онъ самъ говорилъ, проложило ему путь ко славѣ.

Объ одномъ Русскомъ вельможѣ говорили, что онъ не умѣетъ писать по-Русски. „Стыдно,“ — отвѣчалъ Князь: „но пусть онъ пишетъ по-Французски, лишь бы думалъ по-Русски.“

Опять явилась въ одномъ періодическомъ сочиненіи ругательная статья на счетъ Фельдмаршала, по случаю взятія имъ Праги. Я не вытерпѣлъ; написалъ противу оной возраженіе, въ которомъ старался доказать несправедли-

вость пристрастныхъ иностранныхъ писателей, называющихъ его кровожаднымъ. Штурмы Измаила и Праги сего не доказываютъ. Обстоятельства предписывали ему оные; и онъ первый, который проливалъ слезы на сихъ обагренныхъ кровію развалинахъ. Прага была послѣднимъ оплотомъ Польши; тамъ лучшія отборныя ея войска были сосредоточены и противоборствовали съ отчаянною храбростію. И во власти ли военачальника, удержать или остановить на такомъ приступѣ, каковъ Прагскій, войско, разъяренное буйствомъ и мщеніемъ за Варшавскій 1793 года бунтъ? Когда и гдѣ штурмы не представляли позорищъ люtости, гораздо ужаснѣйшихъ?.....
Эту бумагу прочиталъ я Князю; онъ меня поблагодарилъ за мое, какъ онъ називалъ, *стряпчество*, и сказалъ: „Припиши то, что въ Лафонтеновой баснѣ сказано львицѣ, оплакивавшей убитое свое дитя: Ma commère! ceux que vous avez étranglés, n'avaient ils ni père, ni mère? т. е. Кума! развѣ тѣ, которыхъ ты передавила, не имѣли ни отца, ни матери? —

Говорили о неблагодарности одного облагодътельствованнаго Княземъ. Онъ засмъялся и сказалъ: „Я замъчалъ, что люди дълаются наконецъ всегда неблагодарными врагами того, съ которымъ не могутъ равняться, а еще того менъе, его превзойти. Чъмъ отдариваетъ земля небу за благотворные лучи солнца и капли дождя? — пылью своею."

Князь Суворовъ и Принцъ Кобургскій, были истинными, примърными друзьями въ продолженіи всей ихъ жизни. Князь отзывался всегда объ немъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, называлъ его покорителемъ Хотина и Букареста, героемъ при Фокшанахъ, Мартинести. Онъ удивлялся его подвигамъ при Алдергофенъ и Неервинденъ, которыми онъ освободилъ Нидерланды. Любилъ расказывать, какъ онъ взялъ кръпости: Валансіенъ, Конде, Камбре и Ландреси, и простеръ завоеванія свои до Гиза. Но не могъ быть равнодушнымъ, когда вспоминалъ, что Англичане, оставивъ его, остановили его полетъ и удалились осаждать Дюнкирхенъ. „Вотъ" — кричалъ онъ: „какъ губятъ

кабинетные, необдуманные планы!" — Кобургскій платилъ ему полною взаимностію чувствъ. Князь отдалъ мнѣ однажды для перевода давнее письмо своего друга. Оно дѣлаетъ честь Принцу, и тому, къ кому оно писано, и потому здѣсь его помѣщаю:

Генералъ!

Въ будущую пятницу долженъ я съ вами разстаться, для принятія новаго начальства въ Венгріи. Ничто не опечаливаетъ меня столько при моемъ отъѣздѣ, какъ мысль, что долженъ удалиться отъ васъ, достойный и драгоцѣнный другъ мой!

Я позналъ всю возвышенность души вашей; узы дружества нашего образовались обстоятельствами величайшей важности, и при каждомъ случаѣ удивлялся я вамъ, какъ достойнѣйшему человѣку.

Судите сами, несравненный учитель мой! сколько сердцу моему стоитъ разлучиться съ мужемъ, имѣющимъ толикія права на особенное мое уваженіе и привязанность. Вы одни можете усладить горесть судьбы моей, сохранивъ ко мнѣ тоже благорасположеніе, котораго по

сей день меня удостоивали, и я увѣряю васъ со всею искренностію, что частыя увѣренія въ вашей ко мнѣ дружбѣ необходимо нужны для моего благоденствія.

Не могу рѣшиться на то, чтобы проститься съ вами лично. Это было бы для меня слишкомъ болѣзненно. Ссылаюсь въ томъ на собственное ваше чувство. И такъ ограничиваюсь поклясться вамъ въ живѣйшей моей дружбѣ. Даруйте мнѣ продолженіе вашей, которая была понынѣ услажденіемъ военной моей жизни. Вѣрьте, достойнѣйшій другъ, безпредѣльной моей признательности. Вы останетесь навсегда дражайшимъ другомъ, котораго ниспослало мнѣ небо, и никто не будетъ имѣть болѣе васъ правъ на то высокое почитаніе, съ коимъ я есмь, и проч.

Букарестъ. 13 Октября 1790 года.

Суворовъ, говоря о семъ своемъ другѣ, съ восторгомъ вспоминалъ, что оба они удостоились получить отъ Великой Екатерины шпаги, съ надписью: *Побѣдителю Верховнаго Визиря.*

Князь Александръ Васильевичъ всегда твердилъ: „Если желать умереть на вой-

нѣ, что надобно желать умереть въ дѣлѣ со славою, какъ Тюрень." Нѣкто лишился отъ непріятельскаго ядра ноги въ то самое время, когда онъ ѣздилъ прогуливаться. У него отпилили ногу. Суворовъ тотчасъ его посѣтилъ, велѣлъ къ себѣ принесть отнятую ногу, поцѣловалъ ее, заплакалъ и произнесъ: „О драгоцѣнная нога! за какой безцѣнокъ ты пропала!" — Также былъ одинъ раненъ пулею въ голову, когда выглянулъ изъ окошка. Медики по всѣмъ анатомическимъ соображеніямъ почитали его неизлѣчимымъ; но онъ, къ удивленію ихъ, выздоровѣлъ. „Да" — сказалъ Александръ Васильевичъ: „Медицина ахнула, — а Европа ничего."

Въ Польскую войну, чиновники его проиграли значительную сумму казенныхъ денегъ. Когда Суворовъ о томъ узналъ, то шумѣлъ, бросался изъ угла въ уголъ, кричалъ: караулъ! караулъ! воры! Потомъ одѣлся въ мундиръ, пошелъ въ кордегардію и отдалъ стоявшему на караулѣ офицеру свою шпагу, съ сими словами: „Суворовъ арестованъ

за похищеніе казеннаго интереса!“ Тотчасъ написалъ онъ въ Петербургъ, чтобы все имѣніе его продать и деньги взнесть въ казну, потому что онъ виноватъ и долженъ отвѣчать за мальчиковъ, за которыми худо смотрѣлъ. Но Монархиня велѣла тотчасъ все пополнить, и написала къ нему: „Казна въ сохранности.“ — И онъ возложилъ опять на себя шпагу.

Князь помнилъ всегда хлѣбъ-соль. Если къ нему кто въ первый разъ явится, назоветъ свою фамилію, ему извѣстную, то тотчасъ начнетъ доспрашиваться, не родня ли ему такой-то, нѣкогда ему знакомый однофамилецъ его? И когда откроется, что онъ представившемуся или отецъ, или дядя, или братъ и проч., тотчасъ обниметъ; если этотъ родственникъ живъ, то проситъ писать отъ него поклонъ, благодарить за старую хлѣбъ-соль; если же умеръ, то перекрестясь, пожелаетъ ему вѣчнаго покоя. — Однажды отважились сказать ему, что нѣкто, служившій при немъ, впрочемъ добрый, но весьма ограниченна-

го ума человѣкъ, награждался слишкомъ не по мѣрѣ своихъ заслугъ. „Да, правда," отвѣчалъ Князь: „но онъ мнѣ преданъ; а родители его, добрые мои по деревнямъ сосѣди, удивительные хлѣбосолы! Лишь явишься къ нимъ — щи, яишница и каша на столѣ." И тутъ же, обратясь ко мнѣ, скажетъ: Запиши. Это значило, имѣть его при награжденіяхъ въ виду.

Князь потребовалъ меня къ себѣ въ четыре часа пополуночи. Утро было прекраснѣйшее; воздухъ самый благорастворенный. Я тотчасъ пришелъ; но онъ уже въ полѣ. Тамъ застаю его одного, стоявшаго неподвижно въ глубокомъ размышленіи. Увидя меня, онъ какъ будто пробудился, и началъ со мною разговоръ: „Спасибо тебѣ, что ты по моему встаешь рано. Я уже окатился водою, упитался небесною росою и теперь согрѣваюсь благотворными лучами солнца. Теперь я въ полнотѣ жизни. Первыя поэтическія чувства согрѣты были въ груди человѣческой вѣрно утренними лучами послѣ росы. Теперь идеи и воспоминанія у меня освѣжились. Поле сіе

представляется мнѣ Рымникскимъ. Смотри туда: вотъ дерево, на которое я влѣзъ и осмотрѣлъ все мѣстоположеніе; вотъ сюда, вправо, пошелъ я, а сюда влѣво Кобургскій. Тамъ, вотъ тамъ, — показавъ вдали рѣку — здравствуй Рымникъ! Мы черезъ нее вплавь, — понтоны не нужны. Но что я? въ бреду! а ты молчишь.... пора за бумаги.“ — Мы побѣжали. Тогда не думалъ я воскликнуть со слезами: о Рымникъ! ты далъ имя отцу, а гробъ — сыну!

Были достовѣрныя извѣстія, что Французская Директорія назначила нѣсколько сотъ тысячъ франковъ за голову Суворова. Когда онъ о томъ узналъ, то сказалъ: „Сколько благодаренъ я за такую высокую оцѣнку! Директорія дѣлаетъ симъ большую честь бѣдной моей головѣ.“ — Но этого не довольно. Намѣревались отравить его ядомъ. Такъ, въ городѣ Александріи, въ домѣ одного Маркиза, у котораго Графъ квартировалъ, поднесли ему блюдо. Онъ взглянулъ на оное и на того, кто поднесъ. Сей поблѣднѣлъ, затрессся и тотчасъ съ блю-

домъ изчезъ. Послѣ подали ему особенное какое-то мороженое; но онъ отказался сими словами: „Это насъ не удивитъ: мы изъ земли мороженой, но съ теплыми сердцами." — Сего мороженаго также никому, кромѣ его, не подносили, — и тотчасъ унесли.

Прислана была бумага, въ которой излагались правила въ руководство Суворову, въ военныхъ его операціяхъ. Въ сей бумагѣ встрѣчались безпрестанно ненавистныя ему слова: предполагается, можетъ быть, кажется, и проч. — Недождавшись конца, вырвалъ онъ ее у меня и бросилъ. „Знаешь ли," — спросилъ онъ меня: „что это значитъ? Это школьники съ учителемъ своимъ дѣлаютъ и повторяютъ опыты надъ Гальванизмомъ. Все имъ кажется, все они предполагаютъ, все для нихъ: можетъ быть. А Гальванизма не знаютъ и никогда не узнаютъ. Нѣтъ, не намѣренъ я такимъ иттезамъ жертвовать жизнію храброй арміи!" — Схватя меня, выбѣжалъ въ другую горницу и заставилъ одного офицера прочитать десять заповѣдей. Тотъ

исполнилъ сіе не запинаясь. „Видишь ли,“ — говорилъ онъ: „какъ премудры, кратки, ясны Небесныя Божія велѣнія!“

Одинъ иностранный Генералъ хотѣлъ дать Суворову почувствовать, что вести войну съ Французами не то, что съ Турками и Поляками. „Ваше Сіятельство“ — сказалъ онъ ему: „теперь на поприщѣ, гораздо знаменитѣйшемъ, нежели когда-либо: ибо народъ Французскій не равняется ни съ Турками, ни съ Поляками.“ — „Безъ сомнѣнія“ — отвѣчалъ Князь: „народъ сей превознесся и надъ Англійскимъ. Сей хочетъ владѣть всѣми морями, а Французскій, съ помощію своихъ Монгольфіеровъ и Бланшаровъ, и воздухомъ вселенной.“

Къ странностямъ Суворова принадлежало и то, что онъ терпѣть не могъ зеркаловъ. Вездѣ изъ комнатъ ихъ выносили. На балахъ, въ угодность ему, ихъ закрывали. Если же случалось ему увидѣть незакрытое, то тотчасъ отвернется и во всю прыть проскачитъ мимо, чтобы себя не увидѣть. Однажды

только въ Херсонѣ, по усильной просьбѣ дамъ, позволилъ онъ поставить въ дальней, задней горницѣ маленькое зеркало, для дамъ-кокетокъ (какъ онъ называлъ), куда уже и не входилъ. Да и дамы, послѣ такого его отзыва, туда не вступали.

Весьма поздно ночью позвалъ меня къ себѣ Александръ Васильевичъ, и велѣлъ мнѣ опять сдѣлать извлеченіе изъ Исторіи его, касательно подвиговъ его во время Польской Конфедераціи, съ тѣмъ подтвержденіемъ, чтобы написать какъ можно сокращеннѣе. Я сказалъ, что напишу, какъ умѣю; впрочемъ, не отвѣчаю, если описаніе будетъ пространно. „Ибо,“ заключилъ я: „вольно было Вашему Сіятельству не сокращать вашихъ подвиговъ и умножать листы Исторіи.“ — Здѣсь помѣщаю оное:

ПОДВИГИ

Суворова въ Польскую Конфедерацію.

Чрезъ шесть лѣтъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій въ Пруссіи, произведенъ онъ въ Бригадиры и отправленъ

съ величайшею поспѣшностію въ Польшу, гдѣ возникла война конфедератовъ. Ему должно было переправляться чрезъ едва замерзшія рѣки и болота, и въ теченіи мѣсяца прошелъ онъ тысячу верстъ (238 миль), а въ другомъ походѣ, 600 верстъ въ 12 дней. Первый подвигъ его въ Польшѣ былъ, схватить ночью улановъ Пеліаки и Корсинскаго, расположенныхъ въ окрестностяхъ Бресціи, и, безъ пролитія крови, отдѣлилъ онъ оба полка отъ Конфедераціи.

Близъ Варшавы разбилъ онъ Котелуповскаго, пошелъ на обоихъ Пулавскихъ, разбилъ и разсѣялъ ихъ войска, состоявшія изъ 6,000.

Въ Генварѣ 1770 года, на сороковомъ году, произведенъ въ Генералъ-Маіоры.

Въ Апрѣлѣ, Суворовъ, переправясь съ двумя ротами, тремя эскадронами и двумя пушками, пошелъ ночью къ Клементову. Онъ встрѣчается съ Мосчинскимъ, расположившимъ тысячу человѣкъ конницы близъ лѣсу въ боевой порядокъ, съ шестью пушками. Двѣ роты пѣхоты со штыками нападаютъ на сію кавалерію, которая, не взирая на безпрестанную пальбу изъ шести орудій, была разбита и

преслѣдуема. Поляки потеряли свою артиллерію и 300 человѣкъ, а Русскіе — только 50.

Въ половинѣ того же лѣта, когда Мосчинскій получилъ подкрѣпленіе, Суворовъ разбилъ его вторично при Опатовѣ, побилъ 200 человѣкъ и взялъ столько же плѣнныхъ, большею частію раненыхъ. Спустя нѣсколько мѣсяцовъ, Суворовъ желая переправиться, черезъ Вислу въ такомъ мѣстѣ, гдѣ стремленіе было быстрое, упалъ въ воду и разбилъ себѣ грудь объ понтонъ, такъ сильно, что три мѣсяца лежалъ боленъ. Въ семъ году получилъ онъ Орденъ Св. Анны.

По выздоровленіи, въ Мартѣ 1771-го года, выступилъ онъ изъ Лублина съ четырьмя ротами пѣхоты, нѣсколькими пушками и съ пятью эскадронами, и переправился чрезъ Вислу у Сендомира. По разбитіи разныхъ партій конфедератовъ, атаковалъ онъ Ландскрону, въ четырехъ миляхъ отъ Кракова. При сильномъ сопротивленіи, овладѣлъ городомъ. Но ружейный огонь не умолкалъ и побивалъ многихъ, и онъ отказался отъ взятія замка. У него шляпа и мундиръ были прострѣлены пулями.

Вскорѣ за симъ взялъ онъ въ расплохъ городъ Казимиръ, разстроилъ большую часть конфедератовъ, и взялъ въ полонъ лучшій Польскій эскадронъ Маршала Сабы.

Разсѣявъ конфедератовъ, которые нѣсколько дней осаждали три роты его полка въ Красникѣ, онъ пошелъ на Краковъ, для освобожденія Принца Веймарскаго, тамъ стѣсненнаго. Малочисленная армія его состояла: изъ четырехъ ротъ гренадерскихъ, одного баталіона мушкетеръ, восьми пушекъ и нѣсколькихъ гаубицъ, пяти эскадроновъ карабинеръ и 80 казаковъ.

Онъ имѣлъ разныя сшибки съ конфедератами и взялъ многихъ въ полонъ. Войско его переправилось чрезъ рѣку Дунаецъ вплавь по шею; атаковало конфедератовъ, превосходившихъ ихъ въ числѣ. Они были разбиты и потеряли много людей.

По прибытіи въ Тынецъ, въ разстояніи на одну милю отъ Кракова, велѣлъ Суворовъ напасть на редутъ, въ которомъ находились двѣ пушки и сто человѣкъ, которые всѣ были побиты; потомъ казаки его отважно бросились на

конфедератовъ, которые, числомъ около четырехъ тысячъ, поставлены были въ боевой порядокъ. Во фронтѣ находились 150 егерей, подъ начальствомъ Французскаго Маіора. Они бо́льшею частію истреблены. Поляки, преслѣдуемые Россійскою кавалеріею до предѣловъ Шлезіи, потеряли 500 человѣкъ убитыми и 200 плѣнными. Въ то время, Французской службы Полковникъ Дюмурье, со многими своими офицерами, служилъ у конфедератовъ.

Суворовъ, возвращаясь послѣ сей экспедиціи въ Лублинъ, былъ атакованъ драгунами и гусарами конфедератовъ. Его конница приняла ихъ саблями и сильно отразила. Между тѣмъ Пулавскій, съ двумя тысячами, занялъ Замоцкъ. Весьма нужно было его оттуда выгнать; и когда Суворовъ въ семъ намѣреніи выступилъ къ нему, Пулавскій его встрѣтилъ; но во время, какъ становился дать баталію, Суворовъ совсѣмъ неожиданно кидается съ своею кавалеріею на его инфантерію; непріятель былъ опрокинутъ: потеря его состояла въ 200 плѣнныхъ и столько же убитыхъ. По возвращеніи въ Лублинъ, полу-

чилъ онъ орденъ Св. Георгія третьей степени.

Суворовъ былъ въ необходимости разсѣять свои войска, для предупрежденія въ разныхъ мѣстахъ усиливающихся непріятельскихъ скопищъ. Это послужило Полковнику Новицкому поводомъ, поспѣшить нападеніемъ на него. Суворовъ узнавъ, что онъ съ тысячью человѣками лучшей кавалеріи идетъ на Красноставу, гдѣ у него стояли: эскадронъ кирасиръ, нѣсколько казаковъ и рота пѣхоты, велѣлъ его тревожить на пути; а самъ, съ шестью казаками и нѣсколькими Офицерами, пустился въ Красноставу къ своимъ. Новицкой былъ въ сосѣдственномъ лѣсу, Суворовъ достигъ его. Конфедераты побили много нашихъ; но наконецъ, послѣ упорнаго сопротивленія, непріятель былъ разсѣянъ и преслѣдованъ.

Въ Августѣ 1791 года явился въ Литвѣ извѣстный Козаковскій, одинъ изъ конфедератовъ, бѣжавшихъ въ Венгрію. Съ поспѣшностію объѣхалъ онъ герцогство, набралъ новыхъ партизановъ и возжегъ пламя раздора, а особливо между регулярными войсками, которыя скло-

нилъ къ возмущенію. Онъ разсѣвалъ манифесты, въ которыхъ скромно называлъ себя Литовскимъ гражданиномъ.

Великій Маршалъ Литовскій, Огинскій, командовалъ новыми конфедератами. Онъ внезапно напалъ на Русскій баталіонъ, который, послѣ сраженія, чрезъ четыре часа продолжавшагося, долженъ былъ сдаться.

Какъ скоро Суворовъ о томъ узналъ, спѣшилъ онъ къ нападенію на конфедератовъ, занимавшихъ выгодную позицію при Сталовичахъ. Ихъ было пять тысячъ въ ружьѣ, съ 12 пушками. Русскіе приступали ночью съ величайшею тишиною и перехватали передовые караулы.

Пушечный выстрѣлъ конфедератовъ увѣрилъ нашихъ, что они замѣчены. Тотчасъ рота бросилась на непріятеля; она потеряла много людей, но имѣла также и великіе успѣхи. Три эскадрона шли по слѣдамъ сихъ храбрыхъ, поражая саблями справа и слѣва.

Конфедераты, приведенные въ замѣшательство, при ночной темнотѣ были опрокинуты и прогнаны до города. Триста Янычаръ Великаго Маршала Огинскаго положили тутъ свои головы.

Пятьсотъ человѣкъ Русскихъ плѣнныхъ содержались подъ стражею въ разныхъ домахъ близъ рынка. При шумѣ оружія, а болѣе при гласѣ Суворова, выскочили они изъ окошекъ и соединились съ своимъ отцемъ и героемъ.

На разсвѣтѣ, Суворовъ выступилъ изъ города съ своею пѣхотою. Она напала на инфантерію Огинскаго съ праваго крыла. Его кавалерія одерживала уже значительныя выгоды. Съ обѣихъ сторонъ сраженіе продолжалось съ жестокостію и кровопролитіемъ. Наконецъ инфантерія двинулась со штыками; Поляки были разбиты по всей линіи. Но, по многочисленности своей, отступали они въ порядкѣ.

Кавалерія Россійская не переставала съ своей стороны распространяться, какъ Генералъ Белякъ, стоявшій въ полмили и намѣревавшійся отметить за Польскую пѣхоту, сдѣлалъ съ тысячью улановъ стремительное нападеніе. Многіе Русскіе были опрокинуты, но отважность казаковъ, которые въ сей день показали чудеса храбрости, заставила Беляка оставить поле битвы.

Изъ 800 до 900 человѣкъ, бывшихъ у Суворова подъ ружьемъ, около 80-ти были убиты, а всѣ остальные ранены. Суворовъ, тронутый посреди славы ихъ несчастіемъ, раздавалъ изъ своего кармана по рублю на каждаго, участвовавшаго въ дѣлѣ; далъ имъ съ часъ отдохнуть и началъ дѣлать диспозицію къ походу на Слонимъ, отстоящій въ восьми миляхъ отъ мѣста сраженія.

У Поляковъ было убитыхъ около тысячи человѣкъ. Русскимъ достались 700 плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ, и Маршалъ Огинскій и болѣе 30-ти офицеровъ. Всѣ лошади ихъ драгунъ достались нашимъ, такъ какъ и многія знамена, экипажи и казна съ тридцатью тысячами червонныхъ. Солдаты дѣлили между собою множество золота и серебра.

Къ вечеру всѣ были близъ Слонима. Оставивъ тамъ плѣнныхъ и большую артиллерію, Суворовъ еще въ ту же ночь вступилъ въ походъ къ Пинску, въ намѣреніи разсѣять еще болѣе конфедератовъ. Первая встрѣча была у него съ Польскимъ офицеромъ, которому поручено было вести богатую полковую

казну. Суворовъ, какъ великодушный непріятель, далъ ему пашпортъ для свободнаго препровожденія казны до мѣста его назначенія.

Желая не столько побѣждать, сколько преклонять къ покорности, онъ уговаривалъ Литовскихъ конфедератовъ возвратиться въ свои домы. Онъ принималъ съ особымъ уваженіемъ тѣхъ, которыя ввѣряли себя его великодушію, и вскорѣ повсюду возстановился порядокъ.

Съ самаго вступленія показалъ Суворовъ, что къ военнымъ талантамъ умѣлъ онъ присоединить духъ примиренія; ибо прекращалъ тогда возмущенія и раздоры.

Таковые успѣхи обратили на него Монаршее благоволеніе и Ея Величество препроводила къ нему знаки ордена Св. Александра Невскаго, при лестномъ рескриптѣ.

Въ Генварѣ 1792 года, Польскіе конфедераты, направляемые Барономъ Віюменилемъ, взяли Краковскій зáмокъ, въ которомъ стоялъ пикетъ изъ тридцати Русскихъ. Суворовъ, узнавъ о ихъ намѣреніи, пустился тотчасъ въ походъ для отраженія сего удара. Онъ опоздалъ; едва на разсвѣтѣ вступилъ онъ въ го-

родъ, какъ ему должно было сразиться съ сильною вылазкою конфедератовъ, которыхъ число въ замкѣ простиралось до 900 человѣкъ. Тотчасъ Суворовъ началъ съ 800 пѣхоты и нѣсколькимъ числомъ кавалеріи блокировать замокъ; и едва не попался и самъ, такъ сказать, въ блокаду, бывъ окруженъ конфедератами, которые твердо боролись. Онъ съ ними выдержалъ нѣсколько сраженій и оставался всегда побѣдителемъ. Наконецъ блокада обращена была въ штурмъ. Суворовъ приказалъ объявить Французскимъ офицерамъ, командовавшимъ въ замкѣ, что все готово къ штурму и что, при отказѣ въ сдачѣ, весь гаринзонъ безъ пощады будетъ истребленъ. Въ заключенной тотчасъ капитуляціи сказано было, что весь гаринзонъ отдаетъ оружіе и выступаетъ въ мундирѣ, что Французскія войска подъ начальствомъ Віомениля будутъ отправлены въ Лембергъ, а подъ начальствомъ Дюмурье, въ Біалу; — Польскіе же конфедераты, въ Смоленскъ. Віомениль и Дюмурье не были въ замкѣ. Два Бригадира, Галибергъ и Шоази, такъ какъ и другіе Французскіе офицеры, отдавали свои шпаги Суворову; но онъ не принялъ,

подъ предлогомъ, что они въ службѣ Государя, союзника его Императрицы, и обнялъ ихъ.

Плѣнные отправились подъ сильнымъ прикрытіемъ; и хотя у Суворова оставалось мало войска, но онъ успѣлъ еще напасть и схватить гарнизонъ въ Заторѣ, городѣ, въ 12-ти миляхъ отъ Кракова. Онъ велѣлъ взорвать всѣ укрѣпленія и взялъ 12 пушекъ.

Въ сіе время Австрійцы и Прусаки выступили также противъ конфедератовъ; и кончили войну, продолжавшуюся четыре года. Суворовъ получилъ начальство въ Финляндіи.

— Послѣ сего никакихъ извлеченій я не дѣлалъ; а Князь намѣревался заняться симъ со мною въ деревнѣ Канчанскѣ. Но Провидѣніе распорядило иначе. Онъ скончался въ Петербургѣ.

Пріѣхавшій изъ Неаполя курьеромъ офицеръ, расказывалъ о плѣнительныхъ прелестяхъ природы, о ужасахъ Везувія, о землетрясеніяхъ. „Былъ ли ты,“ — спросилъ Александръ Васильевичъ: „въ Помпеѣ, которая послѣ столь многихъ столѣтій

сбросила съ себя погребальное свое покрывало, и выглядываетъ изъ своего гроба." — „Былъ" — отвѣчалъ тотъ, и началъ расказывать много любопытнаго. Выслушавъ со вниманіемъ, обратился ко мнѣ съ сими словами: „Люблю слушать повѣствованія отъ самовидцевъ. Сыщи описаніе о Помпеѣ старшаго Плинія, и переведи для меня." — Чрезъ нѣсколько дней отъискалъ и прочиталъ я ему слѣдующій переводъ съ Латинскаго: „Плиній пишетъ: Насталъ мракъ, но не такой, какой бываетъ въ безмѣсячной ночи, а темнота въ запертой горницѣ, въ которой свѣтъ свѣчь вдругъ угасаетъ. Жены рыдали, дѣти визжали, мужья вопіяли. Здѣсь призывали съ трепетомъ дѣти родителей своихъ, тамъ отцы и матери искали дѣтей своихъ ощупью, мужья своихъ женъ; всѣ узнавали другъ друга только по крику. Одни жаловались на собственную судьбу свою, другіе оплакивали судьбу ближнихъ своихъ. Многіе желали смерти отъ страха смерти. Тѣ умоляли боговъ о спасеніи, тѣ отчаявались въ существованіи ихъ и почитали сію ночь последнею, вѣчною всего міра. Дѣйствительныя опасности были

увеличены вымышленнымъ страхомъ. Земля тряслась непрерывно и полоумные толпились, умножая ужасъ другихъ своими предвѣщаніями.“ —

Тутъ Суворовъ содрогнулся и съ чувствительностію воскрикнулъ: „О человѣки осьмнадцатаго столѣтія! выползаете по развалинамъ давнопрошедшихъ вѣковъ; говорите о тлѣнности и разрушеніи вещей, а поступаете, какъ будто бы этого и не было.“

Суворовъ жилъ для Россіи. Слава чудобогатырей была близка къ его сердцу. „Люблю ихъ,“ — говорилъ онъ, по переходѣ чрезъ Альпійскія горы: „съ сими чудобогатырями надѣлалъ я вихри, съ ними пришелъ отъ Рымника сюда.“ Потомъ, обратясь къ войску, продолжалъ: „*Штыки, быстрота, внезапность,* вотъ наши вожди. Непріятель думаетъ, что ты за сто, за двѣсти верстъ; а ты, удвоивъ, утроивъ шагъ богатырскій, нагрянь на него быстро, внезапно. Непріятель поетъ, гуляетъ, ждетъ тебя съ чистаго поля; а ты изъ-за горъ крутыхъ, изъ-за лѣсовъ дремучихъ налети на него, какъ снѣгъ

на голову; рази, сшибени, опрокинь, бей, гони, не давай опомнишься: кшо испугашь, шошъ побѣжденъ въ половину; у страха глазъ больше, одинъ за десяшерыхъ покажешся. Будь прозорливъ, осшорожевъ; имѣй цѣль опредѣленную. Возьми себѣ въ образецъ героя древнихъ временъ, наблюдай его, иди за нимъ въ слѣдъ; поровняйся, обгони — слава шебѣ! Я выбралъ Кесаря. Альпійскія горы за нами — Богъ предъ нами: ура! орлы Русскіе облешѣли орловъ Римскихъ!"

„Знаешь ли шы," — спросилъ онъ вдругъ вошедшаго къ нему Генерала Милорадовича: „шрехъ сесшеръ?" Знаю, былъ ошвѣшъ. „Такъ," — подхвашилъ Суворовъ: „шы Русскій; шы знаешь шрехъ сесшеръ: Вѣру, Надежду и Любовь. Съ ними слава и побѣда, съ ними Богъ!"

Суворовъ весьма любилъ въ мирное время занимашься маневрами. Знашоки-очевидцы ошдавали справедливосшь рѣдкимъ его въ военномъ искусшвѣ, знаніямъ и хишрымъ замысламъ. Онъ, по ошзыву

Генерала Дерфельдена, доходилъ до педантства, но до педантства полезнаго и похвальнаго. Такъ усмотрѣвъ на маневрѣ, въ Финляндіи, что поставленная въ резервѣ колонна, теряетъ время и на помощь итти не думаетъ, — прискакалъ къ командовавшему оною Подполковнику и кричалъ: „Чего ты ждешь? колонна пропадетъ, а ты не сикурсируешь.“ — „Ваше Сіятельство!“ — отвѣчалъ Подполковникъ: „я давно бы исполнилъ долгъ мой; но ожидаю повелѣнія отъ Генерала, предводительствующаго сею колонною.“ Сей Генералъ - Маіоръ находился тутъ же въ нѣсколькихъ саженяхъ. „Какого Генерала?“ — сказалъ Суворовъ. „Онъ убитъ, давно убитъ! посмотри, (указывая на него) вонъ,.. и лошадь бѣгаетъ — поспѣшай!“ и ускакалъ прочь.

Когда подъ Нови Суворову сказали, что однимъ отрядомъ Французскихъ войскъ командуетъ Польскій Генералъ Домбровскій, сказалъ онъ: „Ахъ! какъ я радъ. Это знакомый. Въ Польскую войну сей мальчикъ - красавчикъ попался въ полонъ. Я его тотчасъ отпустилъ къ маменькѣ, сказавъ: бѣги скорѣе домой — и

мой поклонъ; а не то, Русскіе тотчасъ убьютъ. Какъ бы я хотѣлъ возобновить съ нимъ знакомство!"

Говорили о Прагѣ. Одинъ союзный Генералъ показалъ видъ, будто взятіе ея не есть дѣло очень важное. Александръ Васильевичъ, замѣтя сіе, тотчасъ велѣлъ мнѣ перевесть изъ Суворонды Завалишина примѣчаніе: о ея укрѣпленіяхъ, прибавя къ тому, что хотя оно и кратко, но справедливо, потому, что Подполковникъ Фанагорійскаго Гренадерскаго полка Завалишинъ былъ дѣйствующимъ лицемъ и очевидцемъ. Здѣсь помѣщаю: „Прага, предмѣстіе Варшавское, лежащее на правомъ берегу рѣки Вислы. Она была укрѣплена всѣмъ тѣмъ, что военное зодчество имѣетъ въ себѣ наинепреоборимѣйшаго. Высокіе валы съ глубокими рвами; бермы, усыпанныя штрумфалами; крутости, повсюду дерномъ одѣтыя, усѣянныя тройными палисадами; баттареи, камнемъ обложенныя; каваліеры, на возвышеніяхъ подѣланные; отступные флеши, ретираду обезпечивающіе; двойной окопъ, въ перекрестныхъ огняхъ разположенный; на-

конецъ шестерной рядъ волчьихъ ямъ съ заостренными спицами, вокругъ всѣхъ укрѣпленій обнесенный; болѣе ста ревущихъ орудій и 30,000 отважнаго и рѣшительнаго войска: — все сіе пало и превратилось въ прахъ разящимъ мечемъ Сарматскаго побѣдителя. Упорная оборона соотвѣтствовала быстротѣ атаки. Каждое укрѣпленіе надлежало брать приступомъ. Каждый шагъ земли надобно было пріобрѣтать кровію. Польскія войска, по сбитіи переднихъ ретраншаментовъ устроились въ боевой порядокъ передъ вторымъ окопомъ. Надобно было ихъ атаковать: тутъ послѣдовала полевая баталія. Начальники ихъ, сохраняя присутствіе духа, не переставали собственнымъ своимъ примѣромъ поощрять своихъ подчиненныхъ къ усугубленію обороны и тѣмъ, противопоставляя безпрестанно новыя преграды, вдыхали отважность въ сердца, съ каковою Сарматы, имѣвшіе въ тылу своемъ трепещущую отъ страха Варшаву, сражаться въ продолженіи всего боя не преставали. Всякое другое ополченіе едва ли бы превозмогло столь сильное и отчаянное защищеніе: но Россіяне, предводимые Ге-

роемъ, пылающіе истинною любовію къ отечеству, подвизаяся по слѣдамъ непобѣдимаго своего Военачальника, славою его озаряемые, мужествомъ его дышущіе, сокруша Сарматскія силы, показали изумленному свѣту, что подъ предводительствомъ Графа Суворова Рымникскаго нѣтъ ничего для нихъ невозможнаго. Четыре Генерала: Ясинскій, Корсакъ, Квашневскій и Грабовскій, съ 13,340 воинами, погреблись подъ развалинами низпровергнутой Праги. Генералы Меинъ, Гизлеръ и Крупинскій, съ 5-ю Полковниками, 7-ю Подполковниками, 17-ю Маіорами, 413-ю офицерами и 14,000 рядовыхъ, взяты были въ плѣнъ. До 2,000 потонуло въ Вислѣ, и не болѣе 1000 человѣкъ изъ всего числа оборонявшихъ спаслось въ Варшаву. 104 пушки, множество знаменъ, костры холоднаго оружія: суть вѣчный памятникъ сего безсмертнаго дѣла, заключающаго въ себѣ штурмъ на крѣпость и полевое сраженіе, оконченнаго въ продолженіи 3-хъ часовъ времени, въ 1794 году Октября 24 дня воспослѣдовавшаго." — Прочитавъ, казался онъ недовольнымъ хвалою, до него относящеюся, и

сказалъ: „Ну, отправь къ Ѳомѣ.“ — И я отослалъ къ помянутому Генералу.

Князь Александръ Васильевичъ любилъ все Русское, внушалъ любовь къ родинѣ и повторялъ не рѣдко: „Горжусь, что я Россіянинъ!“ Не нравилось ему, если кто тщательно старался подражать Французамъ въ выговорѣ ихъ языка и въ манерахъ. Такого Французоватаго франта спрашивалъ онъ: „Давно ли изволили получить письма изъ Парижа отъ родныхъ?“ — Еще въ бытность его въ Финляндіи, одинъ возвратившійся изъ путешествій Штабъ-Офицеръ, вывезъ изъ Парижа башмаки съ красными каблуками, и явился въ нихъ на балъ. Александръ Васильевичъ не отходилъ отъ него и любовался башмаками, сказавъ ему: „Пожалуй пришли мнѣ башмаки для образца вмѣстѣ съ изданнымъ въ Парижѣ вновь военнымъ сочиненіемъ Гюберта (Guibert). Послѣднимъ не успѣлъ нашъ молодецъ тамъ запастись, и убрался съ бала. Также сказалъ онъ чтецу на Французскомъ языкѣ: „Читай и говори по-Французски такъ, чтобы всѣ знали, что ты Рус-

скій.“ — А когда, въ театрѣ, Италіянскій актеръ говорилъ ему прологъ, то онъ кричалъ по-Русски изъ ложи: „Напрасно, сударь, не безпокойтесь, стою ли я того?“ — Не буду говорить, какую тревогу, кутерьму произвели Русскія слова сіи на всю Италіянскую публику — буффу. И воздухъ наполнился восклицаніями: E viva nostro Liberatore, т. е. да здравствуетъ нашъ избавитель! — „Пусть они знаютъ, что здѣсь были Русскіе.“ — сказалъ онъ.

Въ одномъ анекдотѣ говорилъ я, что Графъ часто приказывалъ мнѣ имѣть надзоръ за карточными играми. Таковая, истинно отеческая, заботливость его нигдѣ такъ не оправдывается, какъ здѣсь въ Италіи, гдѣ зло сіе сдѣлалось стихіею всей первостатейной, праздной, необразованной знати. Въ Туринѣ былъ я приглашенъ на вечеръ, что здѣсь называется conversazioni. Полагая насладиться пріятною бесѣдою, отпросился я у моего начальника. Онъ позволилъ мнѣ, съ тѣмъ, чтобы я пересказалъ ему о всѣхъ по-

дробностяхъ сей вечеринки. Я отправился съ важатымъ моимъ, почтеннымъ, бывшимъ при Дворѣ Екатерины Чрезвычайнымъ Посланникомъ и воспоминавшимъ всегда съ восторгомъ о пребываніи своемъ въ Россіи. Дорогою сказалъ онъ мнѣ: „Я везу васъ въ домъ одной знатнѣйшей нашей Дворянской фамиліи; но, долженъ признаться и предварить васъ о томъ, чего вы и не думаете, и въ Петербургѣ, — благодареніе утонченной образованности вашей,—не видали, и конечно не пожелаете никогда болѣе увидѣть. Но вы путешественникъ; вамъ надобно быть очевидцемъ.“ — Мы вступили въ залу. Я представился хозяину и хозяйкѣ. Принцъ и Принцесса пробормотали что-то, и я — уже домашній человѣкъ. Музыка гремѣла; не танцовали, а прыгали, и то нехотя. Чего-то ожидали важнѣйшаго. Чрезъ часъ музыка прекращается; у всѣхъ на лицахъ радость; свѣчи въ залѣ погасаютъ, всѣ бѣгутъ въ другія горницы, гдѣ нѣсколько столовъ съ картами и съ плетеными склянками ликеръ розоліо. Начали играть въ банкъ, фарао и другія азардныя игры; коммерческихъ они не

дъйствія. Но какъ я удивился, когда за одними столами увидълъ старушекъ, покрытыхъ морщинами, изнемогающихъ, держащихъ карты дрожащими костлявыми своими ручками, но съ прездоровыми язычками, прелестныхъ въ цвътъ лътъ дамъ, у которыхъ при проигрышъ выступалъ на розовыхъ щекахъ румянецъ гнъва, бъшенства и ярости, а иногда блъдность отчаянія. И зеркала ихъ не укрощали. Въ началъ была безмолвная тишина, такъ что когда какой-нибудь кавалеръ хотълъ мнъ разсказать нъчто о Туринъ: всъ зашикали — и онъ, не кончивъ, тотчасъ умолкъ. Но послъ, въ продолженіи игры, когда слъпая фортуна разкидала дары свои по столамъ — одному грудами, а другому ничего, кромъ нищеты, — возникли ропотъ, крикъ, остервененіе. Если два спорящіе Италіянца крикомъ своимъ угрожаютъ разорвать вашъ тимпанъ, то вы можете себъ представить громъ нъсколькихъ сотенъ, прерывающійся несноснымъ визгомъ дамъ. На сіе немалое вліяніе имълъ и розоліо, который особы обоего пола вкушали безпрестанно въ горницахъ, гдъ оно стер-

тягостя воздуха едва можно было дышать, а свѣчи тускло горѣли и угасали. Тутъ раздавались слова, какія едва ли услышишь въ другомъ мѣстѣ. И это называютъ конверсаціони, бесѣды дворянъ? Бѣгу изъ неприятнаго дома. — Я здѣсь не увеличиваю: въ семъ оправдаютъ меня путешественники.

На возвратномъ пути домой, разсказывалъ мнѣ сопутникъ мой, что этотъ хозяинъ дома, Принчипе, былъ на замѣчаніи у Короля, который предостерегалъ иностранцевъ, въ бытность въ Туринѣ, отъ опаснаго съ нимъ знакомства; что онъ въ паю со всѣми игроками, и отъ того имѣетъ весьма значительный доходъ. На вопросъ мой: часто ли бываютъ такія конверсаціони? отвѣчалъ онъ: 365 разъ въ году. „Ибо“ — продолжалъ онъ: „многіе земляки мои ничего не читаютъ, ничему не учатся, ничего не знаютъ, кромѣ прогулки, театра и игры. Чернь же здѣшняя гибнетъ отъ несчастнаго лотто. Нищій несетъ въ лотерею послѣдній грошъ, полученный въ милостыну, и умираетъ съ голоду. Я кончилъ тѣмъ: и это называютъ здѣсь: dolce far niente?“ —

Все сіе пересказалъ я Александру Васильевичу. И послѣ всего, спросилъ онъ меня: „У Европейцовъ ли ты былъ?“

Александръ Васильевичъ любилъ отмѣнно Италіянскія простонародныя пѣсни, и находилъ въ нихъ какое-то сходство съ Русскими; а особливо, если Италіянецъ поетъ вдали въ чистомъ полѣ. Тогда внезапно переселяешься въ Россію. Надобно только зажмуриться, иначе оливныя и лимонныя деревья разрушатъ такое очарованіе. Обѣихъ націй народныя мелодіи происходятъ отъ древнихъ Греческихъ: что тотчасъ услышишь, когда сравнишь съ Греческими отрывками, которые сохранилъ Винкельманъ, какъ замѣчаетъ и Коцебу. — Графъ предпочиталъ пѣніе всѣмъ инструментамъ, называя инструментальную музыку подражаніемъ вокальной, и имѣлъ всегда при себѣ ноты духовнымъ концертамъ, которыя пѣлъ съ пѣвчими на крылосѣ.

Въ Италіи, на театрѣ дана была піэса, на которой представлены буффо-

нады, и войско должно было дѣлать разныя военныя еволюціи. Оно превзошло всякое ожиданіе. Стройность, размѣренные шаги, точность въ движеніяхъ, — все восхитило зрителей. Александръ Васильевичъ, говоря о семъ представленіи, сдѣлалъ свои замѣчанія: „Нѣтъ, комедь мнѣ не нравится; старикъ - шутъ гаэрилъ скоромно; нравственной цѣли не вижу: вся піэса изъ лоскутковъ, какъ и арлекинское платье. Солдаты дрались храбро; зачѣмъ не показали они такого проворства противъ Французовъ?" —

Однажды приказалъ мнѣ Александръ Васильевичъ отыскать въ бумагахъ его дипломъ на чинъ Фельдмаршала. Я отвѣчалъ, что отыскивать нѣчего, потому что его нѣтъ. „Какъ!" — вскрикнулъ онъ, при многочисленномъ собраніи: „почему же будутъ меня почитать и признавать Фельдмаршаломъ?" Вотъ мой отвѣтъ: „Ваше Сіятельство донесли Императрицѣ: ура! Варшава наша! Отвѣтъ: ура! Фельдмаршалъ! Екатерина. Въ слѣдъ за симъ удостоились вы получить отъ Монархини слѣдующій Высо-

чайшій Рескриптъ: *Вы знаете, что какъ Я не произвожу никого чрезъ очередь, и никогда не дѣлаю обиды старшимъ; но вы, завоевавъ Польшу, сами себя сдѣлали Фельдмаршаломъ.* — Раскажи,“ продолжалъ онъ: „все это на всѣхъ языкахъ; а я покамѣстъ умоюсь, пополощусь и поговорю по-Турецки.“ И ушелъ.

О безкорыстіи Князя говорить излишне; но я почелъ за нужное истребовать отъ Цалмейстера Россійской арміи, Маіора Раевскаго, справку, въ которой за подписаніемъ своимъ свидѣтельствуетъ онъ слѣдующее: „Генваря 16-го дня 1800 года, Генералиссимусъ въ Прагѣ получилъ жалованье по чину Генералъ-Фельдмаршала, и во все время послѣдней кампаніи никогда не бралъ ни столовыхъ денегъ, ни прогоновъ. Да и сіе жалованье принять его принудили, потому что не было ни копѣйки на домашніе его расходы.“

Въ одномъ городѣ, помнится, въ Піаченцѣ, вбѣгаетъ къ Графу Генералъ-Лейтенантъ — Повало-Швѣйковскій, спра-

стный любитель живописи, упрашиваетъ его взглянуть на оригинальную картину Рафаэля въ картинной галлереѣ, за двѣ комнаты отъ него. Александръ Васильевичъ отвѣчалъ: „Хорошо, пойду; но всегда смѣюсь я надъ легковѣріемъ вашимъ, господа дилеттанты; въ Россіи, во Франціи, Англіи, Германіи, Италіи, во всякомъ, нѣсколько значительномъ, городѣ Европы показываютъ оригиналы Рафаэля. Если бы онъ и въ каждую недѣлю изготовлялъ по картинѣ, то и тогда не могъ бы выставить такого запаса; а онъ, къ сожалѣнію художествъ, умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ. Это, Шампанское вино, которое во всѣхъ пяти частяхъ свѣта пьютъ за Шампанское; а малая Шампанія едва ли можетъ онымъ продовольствовать и одну Францію. — Не приносили ли въ жертву славѣ великаго учителя сего и ученики его таланты свои? Мы видимъ въ картинахъ его не одну и ту же кисть." — Послѣ того не пошелъ, а побѣжалъ онъ въ галлерею. Тамъ остановился предъ однoю огромнѣйшею копіей. Долго на нее смотрѣлъ и произнесъ: „Это величина, но не великое, — не величественное: я вижу не Александра,

а юношу красавца, и не героя, принимающаго падающую предъ нимъ плѣнную Царицу: подвигъ великодушія, торжественнѣйшая минута во всей его Исторіи! Въ чертахъ лица его, сей души его не вижу." — Хозяинъ дома, удивленный многими разсужденіями его о живописи, вскрикнулъ съ Италіянскимъ жаромъ: „Если Ваше Сіятельство разсматриваете и разбираете такъ и планы вашихъ баталій, то неудивительно, что побѣда съ вами не разлучна."

Должно признаться, что кампанія наша въ Италіи и Швейцаріи отличалась отъ всѣхъ предшедшихъ своими двумя театрами. Италія усѣяна остатками древняго ея величія, которые противоборствовали вѣкамъ и устояли отъ всеразрушавшаго нашествія варваровъ. Готѳы сокрушили памятники ея. Хищная Беллона новыхъ Вандаловъ непощадила и послѣднихъ ея сокровищъ; но не стерла она ее съ лица земли: вездѣ является картинная ея природа; и на очаровательныхъ поляхъ ея срывали на-

нии воины прозеленѣющіе лавры. Какія видѣли мы разительныя явленія! и каждый изъ насъ сожалѣлъ отъ восторга, зачѣмъ не живописецъ! — На Альпахъ, какая противоположность! — и тамъ прелестны прелести ужасовъ — подъ ногами могилы. — У подошвы одной превысокой, крутой горы стоялъ Суворовъ, безмолвно и неподвижно смотрѣлъ: какъ армія подымалась, карабкалась *гусемъ*; какъ по мѣрѣ возвышенія воины уменьшались, а достигшіе вершины казались точками, въ туманѣ изчезающими; какъ съ высоты сего колосса ревѣлъ водопадъ и низвергался съ своими паровыми тучами и густымъ водянымъ дымомъ, въ которыхъ солнце златыми лучами рисовало многоцвѣтную радугу. Такое волшебство оптики исторгло изъ сердца старца отголосокъ всего войска: „Зачѣмъ я не живописецъ? — Подайте сюда сухопутнаго Вернета, который бы увѣковѣчилъ сіе единственное, быстро прелетающее мгновеніе теперешняго бытія нашего?" —

Но, гдѣ его взять? Надобно, чтобы онъ былъ и живописецъ и поэтъ, чтобы родилъ въ душѣ, и цепенѣющее удив-

денія и чувство? Какая кисть перенесетъ на холодный холстъ сіе порывающееся на смерть воинство, забывающее теперь, что оно смертно? Какъ изобразить очамъ сіи, съ каждымъ шагомъ измѣняющіяся, декораціи здѣшняго чудеснаго міра; и какая кисть, въ рукѣ и вдохновеннаго смертнаго, удобна обнять таковую огромность природы, со всѣми бушующими ея стихіями? — Довольно — мы перешагнули Альпы!

Говорили о бывшемъ вступленіи въ Римъ Французскаго Генерала Бертье, и о грабительствахъ и злодѣяніяхъ тамъ республиканцевъ-Французовъ. Александръ Васильевичъ, вздохнувъ изъ глубины сердца, произнесъ: „Если бы я вступилъ въ сію столицу міра, то строго запретилъ бы касаться памятниковъ, святотатствовать. Къ нимъ должно благоговѣть. Они торжество древности, а нашего вѣка — отчаяніе. Но велѣлъ бы срыть до основанія ту башню, которая, какъ мнѣ сказывали, стоитъ близъ садовъ Мецената, гдѣ Виргилій и Горацій пѣснями своими обезсмертили сего покровителя

своего. Съ сей-то башни чудовище Неронъ любовался возжженнымъ имъ пламенемъ Рима и воспѣвалъ на арфѣ пожаръ Трои. Память такого исчадія ада, должна изглаждаться на вѣки.“ — Суворовъ! ты не видѣлъ пожара твоей колыбели, не видѣлъ нашихъ дней — Нерона въ священномъ Кремлѣ!

Александру Васильевичу не нравилось, что всѣ надписи на новѣйшихъ памятникахъ въ Италіи и Германіи на Латинскомъ языкѣ, и сдѣлалъ сіе замѣчаніе одному ученому Италіянцу. Тотъ утверждалъ, что такъ какъ слова надписей должны помѣщаться на тѣсной каменной доскѣ, то Латинскій языкъ, по краткости и силѣ своего слога, для сего приличнѣйшій и назвалъ лапидарнымъ отъ слова: lapis, камень. Но вотъ отвѣтъ Графа: „Вы хотите памятниками обнародовать, воскресить событіе умершее; зачѣмъ же не живымъ языкомъ? А вы, вмѣсто того, похороняете оное въ мертвомъ. Нѣсколько тысячъ гражданъ проходятъ, позѣваютъ и уходятъ, не узнавъ, кому и за что это

сооружено. Только десятокъ Латынщиковъ глубокомысленно разсматриваютъ. Латинскій языкъ имѣлъ свои эпохи, когда всѣ Европейцы ему учились. Теперь каждый народъ имѣетъ свой. — И Рускій нашъ лапидарный: Петру Первому, Екатерина Вторая.“

По окончаніи Италіянской кампаніи, Генералиссимусъ поручилъ мнѣ сдѣлать Историческое обозрѣніе всѣхъ военныхъ ея событій. Я извлекъ оное въ хронологическомъ порядкѣ изъ военнаго журнала, который по Высочайшему повелѣнію велъ при Арміи, и заключилъ слѣдующими словами: „Такъ знаменито оканчивается война сія. Она раскрыла всю пользу наступательной системы и холоднаго ружья Суворова. Онъ первый показалъ также, что крѣпости не останавливаютъ полета побѣдителя; что, разбивъ съ быстротою непріятеля, надобно умѣть пользоваться побѣдою, и, преслѣдуя его неутомимо, не давать ему времени опомниться. Война сія научила наконецъ людей противостоять силамъ природы и презирать всѣ стихіи разрушенія. Ни

трескучіе морозы, ни громовыя низверженія льдяныхъ, земляныхъ и каменныхъ глыбъ, ни неприступность крутыхъ горъ,—не удерживали паренія воинственнаго духа. Вѣчно-лучезарныя вершины Альпійскихъ колоссовъ забагрѣли кровію,— и Суворовъ, подобно Агезилаю, можетъ воскликнуть: „Предѣлы Россіи на концахъ штыковъ Русскихъ!“ Онъ воскликнулъ: „Напрасно, это дѣло потомства.“ — Я отвѣчалъ: „Пусть современники передаютъ высокую славу своего вѣка грядущимъ столѣтіямъ.“ — Онъ умолкъ.

Одинъ офицеръ, кромѣ воды, ничего не пилъ; но былъ пренесносный, пустой болтунъ. Князь прозвалъ его Водопьяновымъ и сказалъ: „Онъ пьетъ одну воду, но и безъ хмѣлю колобродитъ пуще пьянаго. За то есть у меня пріятель К..., который, въ духѣ ржаныхъ и виноградныхъ соковъ, поетъ Гомеромъ, и воспѣлъ Велизарія.“ — Симъ именемъ называлъ онъ иногда себя.

После Новійскаго сраженія вхожу я къ Фельдмаршалу для полученія приказанія писать реляцію. Онъ съ восторгомъ восклицаетъ:

„Конецъ — и слава богу!
Ты будь моей трубою.“

Князь, замѣтя одного иностранца, казавшагося приверженнымъ Французской революціи, сказалъ ему: „Покажи мнѣ хотя одного Француза, котораго бы революція сдѣлала болѣе счастливымъ? При спорѣ о томъ, какой образъ правленія лучше, надобно помнить: что руль нуженъ, а важнѣе рука, которая имъ управляетъ.“

Одинъ офицеръ, впрочемъ достойный, нажилъ нескромностію своею много враговъ въ арміи. Однажды Графъ позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и изъявилъ ему сердечное сожалѣніе, что имѣетъ одного сильнаго злодѣя, который ему много, много вредитъ; тотъ началъ его спрашивать, не такой ли Н. Н.? Нѣтъ, отвѣчалъ Александръ Васильевичъ. Не такой

ли Графъ Б.? Опять отвѣтъ: нѣтъ. Наконецъ, съ трусостію, чтобы никто не подслушалъ, заперъ онъ дверь ключемъ. „Теперь,“ — сказалъ онъ ему тихонько: „высунь языкъ, вотъ — твой врагъ.“

Кназь Николай Васильевичъ Репнинъ отправилъ къ Суворову съ поздравленіемъ Маіора, ему преданнаго и пребойкаго. Александръ Васильевичъ, принявъ его превѣжливо, старался всячески уловить его въ немогузнайствѣ, но никакъ не успѣлъ въ томъ. На вопросы, сколько на небѣ звѣздъ? сколько въ рѣкѣ рыбъ? сыпалъ тотъ милліоны. Наконецъ дѣлаетъ онъ ему вопросъ: „Какая разница между Княземъ Николаемъ Васильевичемъ и мною?“ Отвѣтъ затруднительный; но Маіоръ не теряетъ присутствія духа и отвѣтствуетъ: „Разница та, что Князь Николай Васильевичъ желалъ бы меня произвесть въ Подполковники, но не можетъ; а Вашему Сіятельству стоитъ лишь захотѣть.“ — Это Фельдмаршалу такъ понравилось, что онъ его тутъ же, по данной ему власти, поздравилъ съ симъ чиномъ.

Во всю жизнь свою не давалъ Александръ Васильевичъ никогда никому унизить себя, или, какъ говорилъ онъ, наступить себѣ на ногу. „Я“ — продолжалъ онъ: „иногда растѣніе Noli me tangere, т. е. не трогай меня; иногда электрическая машина, которая при малѣйшемъ прикосновеніи засыплетъ искрами, но не убьетъ. Въ доказательство сего прилагаю здѣсь достовѣрный анекдотъ изъ Духа Журналовъ. По взятіи Графомъ Суворовымъ Измаила, Князь Потемкинъ ожидалъ побѣдителя въ Яссы. Желая сдѣлать ему почетную встрѣчу, Князь велѣлъ разставить по дорогѣ нарочныхъ сигнальщиковъ; а въ залѣ, изъ которой видно было далѣе версты на дорогу, приказалъ смотрѣть Боуру, чтобы какъ скоро увидитъ ѣдущаго Графа, немедленно доложилъ бы Князю: ибо о выѣздѣ его изъ послѣдней къ Яссамъ станціи дано уже было знать. Но Суворовъ, любившій все дѣлать по своему, пріѣхалъ въ Яссы ночью, и остановился у Молдаванскаго Капитанъ - Исправника, запретивши ему строго говорить о пріѣздѣ своемъ. На другой же день, часу въ десятомъ по утру, сѣвши въ Молдаванскій берлинъ,

(похожій на большую Архіерейскую повозку), заложенный парою лошадей въ шорахъ; кучеръ на козлахъ былъ Молдаванъ же, въ широкомъ плащѣ съ длиннымъ бичемъ; а назади, лакей Капитанъ-Исправника, въ жупанѣ съ широкими рукавами. И въ такомъ великолѣпномъ экипажѣ поѣхалъ къ Князю. Дорогою никто изъ наблюдавшихъ его не могъ подумать, чтобъ это былъ Суворовъ; а считали, что ѣдетъ какая-нибудь важная особа. Когда же въѣхалъ онъ къ Князю на дворъ, то Боуръ, увидя изъ окошка, побѣжалъ къ Князю доложить, что Суворовъ пріѣхалъ. Князь немедленно вышелъ изъ комнатъ, и пошелъ по лѣстницѣ, но не успѣлъ сойти три ступеньки, какъ Графъ былъ уже наверьху. Потемкинъ обнялъ его, и оба поцѣловались. При Князѣ былъ одинъ только Г. Боуръ, а мы стояли всѣ въ дверяхъ и смотрѣли. Князь, будучи чрезвычайно веселъ, обнимая Графа, говорилъ ему: „Чѣмъ могу я васъ наградить за ваши заслуги?" — Графъ поспѣшно отвѣчалъ: „Нѣтъ, Ваша Свѣтлость! я не купецъ и не торговаться съ вами пріѣхалъ. Меня наградить, кромѣ Бога и Всемило-

стивѣйшей Государыни, никто не можетъ!“ — Потемкинъ весь въ лицѣ перемѣнился, замолчалъ и вошелъ въ залу, а за нимъ и Графъ. Здѣсь подаетъ ему Графъ рапортъ; Потемкинъ принимаетъ оный съ примѣтною холодностію; потомъ, походя по залѣ, не говоря ни слова, разошлись: Князь въ свои комнаты, а Суворовъ уѣхалъ къ своему Молдавану, — и въ тотъ день болѣе не видались.

Жаль, очень жаль, что множество писемъ Князя Александра Васильевича, къ покойному Генералъ-Поручику Петру Ивановичу Турчанинову, къ Адмиралу де-Рибасу и многимъ другимъ особамъ, имѣющія на себѣ печать оригинальности, остаются подъ спудомъ, и только въ искаженныхъ копіяхъ переходятъ изъ рукъ въ руки. Сими безцѣнными сокровищами обладаетъ почтеннѣйшій племянникъ его, Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ. Отъ него ожидаетъ публика сего подарка; онъ одинъ, зная обстоятельства тогдашняго времени, можетъ раскрыть тайны сихъ полезныхъ іероглифовъ и показать намъ сего Героя, и на письмѣ ни на кого непохожаго.

Я помѣстилъ, въ Исторіи Россійско-Австрійской кампаніи 1799 года, всю тогдашнюю его переписку; а здѣсь помѣщу два его лаконизма въ письмахъ:

ПИСЬМО 1.

Поле, одинъ мой элементъ! а — теперь выглядчикъ изъ-за кулисы на тріумфъ Терсиповъ. . . .

ПИСЬМО 2.

(Отвѣтъ на кончину Князя Потемкина.)

Се человѣкъ! . . . Образъ мірскихъ суетъ! . . . . Бѣги отъ нихъ мудрый!

Князь, какъ всѣмъ извѣстно, любилъ забавляться странными вопросами; а удачные отвѣты его веселили. Однажды спросилъ онъ встрѣтившагося съ нимъ: „Далеко ли отсюда къ небу?" — Отвѣтъ: „Два Суворовскіе перехода." И Суворовъ разцѣловалъ его. Также спросилъ онъ, въ трескучій морозъ стоявшаго на часахъ: „Сколько на небѣ звѣздъ?" — Тотъ отвѣчалъ: „Сейчасъ перечту," — и началъ: „разъ, два, три, и т. д." Когда онъ насчиталъ до тысячи и болѣе, тогда Александръ

Васильевичъ, сильно прозябнувъ, спросилъ его имя — и ускакалъ. На другой день онъ умеръ, — и Суворовъ сказалъ: „Нѣтъ, онъ меня перехитрилъ.“

Генералъ-Поручикъ и Начальникъ Инженернаго Департамента при покойной Екатеринѣ, Тючковъ, поздравлялъ Суворова съ побѣдами, и между прочимъ замѣтилъ, что онъ не присылаетъ по обязанности своей картъ и плановъ сраженіямъ въ его Департаментъ. Онъ признался, что виноватъ. Тотчасъ вынесъ большую карту Европы, свернутую въ трубку; возложилъ ее на плечо, какъ ружье; отдалъ ею честь къ ногѣ, и положилъ ее къ стопамъ Тючкова.

Случились у Суворова: Дерфельденъ, Австрійскій Генералъ Карачай и еще нѣкоторые, служившіе съ нимъ въ Турецкую войну. Графъ началъ съ Карачаемъ говорить по-Турецки; тотъ отвѣчалъ ему съ великимъ трудомъ, извиняясь, что позабылъ. Наконецъ, послѣ многихъ разговоровъ, спросилъ онъ: „Зачѣмъ не взяли

мы тогда Константинополя?" — Карачай отвѣчалъ, смѣючись: что это было не такъ-то легко. „Нѣтъ," — возразилъ Суворовъ: „бездѣлица! Нѣсколько переходовъ при уныніи Турковъ — и мы въ Константинополѣ; а флотъ нашъ — въ Дарданеллахъ." Тутъ остановили его, Карачай и Дерфельденъ, напоминаніемъ о трудностяхъ пройти ихъ. „Пустяки," — отвѣчалъ онъ; „нашъ Елфинстонъ, въ 1770 году, съ однимъ кораблемъ вошелъ туда; не удостоилъ ихъ и выстрѣла; посмѣялся этой неприступности музыкою на кораблѣ, и возвратился, не потерявъ ни одного человѣка. Знаю, что послѣ Баронъ Тотъ укрѣпилъ Дарданеллы. Но Турецкая безпечность давно привела ихъ въ первобытное бездѣйствіе. Прочитайте описаніе о сихъ Дарданеллахъ Еитона, бывшаго долгое время Англійскимъ Резидентомъ при Портѣ Оттоманской, и вы разувѣритесь. Нашъ флотъ тамъ былъ бы. Но миролюбивая политика, остановившая его паруса и руль, велѣла вѣтрамъ дуть назадъ."

Однажды Меласъ, не бывъ доволенъ разсужденіями Генералиссимуса о ретирадахъ, сказалъ съ досадою: „Да, я поза-

былъ—вы Генералъ впередъ.“—„Правда,“ отвѣчалъ Суворовъ: „впередъ! но иногда оглядываюсь и назадъ, не съ тѣмъ однако же, чтобы бѣжать, но чтобы напасть.“—Меласъ, въ слѣдующей по смерти Суворова кампаніи, когда, охраняя тѣсные проходы въ Савоію и Дофине, почиталъ себя отъ всякаго нападенія въ безопасности, а Бонапарте, устроивъ въ Миланѣ новое республиканское правленіе, заперъ его въ сихъ самыхъ дефилеяхъ,— вспомнилъ вѣрно Суворова, и сказалъ: „Ахъ, не оглянулся я назадъ!“

Фельдмаршалъ, получавъ безпрестанныя изъ Вѣны напоминанія о скорѣйшемъ взятіи Мантуи, которую во всѣхъ бумагахъ называли неприступною твердынею, ключемъ Италіи и проч.,— наконецъ вышелъ изъ терпѣнія и сказалъ: „Она будетъ взята другомъ моимъ, Краемъ. Но зачѣмъ лгать, называть ее первѣйшею, какою величалъ ее Бонапарте въ своей campagne du Général Buonaparte en Italie, дабы прикрасить свое хвастовство и прикрыть свои ошибки? Крѣпость, которую онъ взялъ въ одинъ мѣсяцъ и двадцать пять дней, въ столь короткое время и

при столь малыхъ пособіяхъ, не заслуживаетъ такого пышнаго названія. Одинъ солжетъ, а тысячи повторяютъ." Вдругъ выхвативъ у Маркиза Шаттелера планъ Мантуи, сказалъ: „Вотъ она! — гдѣ же ея неприступность? Бастіонъ и равелинъ по обѣимъ сторонамъ воротъ, праделлы защищаютъ ее. Вотъ что пугаетъ. Вся сила ея въ укрѣпленіи Сен-Джеоржіо. За то, какія выгоды для осаждающихъ! Если они овладѣютъ башнею Терезе, тогда въ рукахъ ихъ шлюзы, которые они могутъ спустить по произволу и осушить всѣ каналы." Разсматривая планъ, замѣчалъ онъ многія другія выгоды для осады, и при семъ случаѣ сказалъ: „Зачѣмъ не говорятъ о Тортонѣ? Вотъ крѣпость, стоящая на высотѣ скалы, стоившая пятнадцать милліоновъ Королю Сардинскому, ни съ которой стороны неприступная: ни гаубицы, ни бомбы ее не достигаютъ. Она превосходитъ Брюнетту и Мантуу, — и будетъ также въ нашихъ рукахъ, если намъ не помѣшаютъ." — Она здалась, какъ и Мантуа (*).

(*) См. Исторію Россійско-Австрійской кампаніи.

Александръ Васильевичъ, какъ я уже въ одномъ анекдотѣ сказалъ, любилъ бесѣдовать со мною о Венеціи. И я всегда ею восхищался. Здѣсь прилагаю выписку изъ письма моего къ другу о семъ городѣ: „Пишу изъ Венеціи. — Вы полагаете читать описаніе сего единственнаго города. Такъ точно: онъ единственный, плавающій, качающійся на морскихъ волнахъ, городъ, гдѣ нѣтъ ни улицъ, ни лошадей; гдѣ умъ человѣческій перешагнулъ предѣлы возможности; подчинилъ себѣ влажную стихію, всегда противъ него бушующую; соединилъ ее съ твердынею камней, такъ чтобы борьба ихъ укоренялась вѣками и ихъ переживала, подобно дубу, отъ бурь твердѣющему. И здѣсь, на семъ равновѣсіи механизма необъятнаго, возвышается на мраморной площади богатѣйшій храмъ Св. Марка, древнѣйшій памятникъ набожности, могущества, гордыни, богатства нѣкогда Царицы морей, обрученной съ Адріатикою, державшей въ оковахъ всѣ огненныя жерла флотовъ во всемъ владычествѣ Нептуна и поработившей произволу своему всю торговлю Византіи. Венеція и теперь, въ самомъ уничиженіи

своемъ, не теряетъ чудеснаго своего величія, торжества надъ природою, и остается удивленіемъ зодчества, удивленіемъ творенія рукъ человѣческихъ. Для достойнаго изображенія ея, нужно сотворить новыя слова, новыя израженія. Итакъ, не ожидайте отъ слабаго пера моего сего описанія. Не читайте также изданныхъ о Венеціи книгъ. Вы найдете въ нихъ однѣ крайности: или представляютъ ее раемъ съ Ангелами, или адомъ съ чертями (*). Италія не имѣетъ еще Тацита.

(*) Землякъ мой, съ которымъ я здѣсь подружился, и который болѣе любитъ природу, нежели искуство, замѣтя непрерывающійся восторгъ, первыми впечатлѣніями во мнѣ произведенный, — сказалъ мнѣ наконецъ: „Поживите здѣсь, какъ я, три мѣсяца, — и жаръ вашъ охладѣетъ. Вступая въ Венецію, мы прощаемся съ истинною природою: видимъ здѣсь только искусственную, подражательную; мы прощаемся съ царствомъ растѣній. Здѣсь ступаемъ мы не по мягкой землѣ, но по твердому мрамору; не видимъ ни одного листочка, ни душистаго цвѣтка, ни благодатной ржи, ни развивающихся во всѣхъ постепенностяхъ своихъ прозябеній; не слышимъ соловья. Венеціянецъ, невыѣзжавшій изъ Венеціи, есть жалкое твореніе: онъ ѣстъ хлѣбъ и не знаетъ, какъ хлѣбъ произведенъ. Переѣхавъ на твердую землю, вы будете дышать свѣжимъ воздухомъ, какого здѣсь ни за какіе милліоны достать нельзя; и подъ прохлаждающею тѣнію дуба, или другаго благотворнаго древа, насладитесь такимъ бытіемъ, какого никакая очаровательная кисть Артистовъ всей Италіи даровать вамъ не можетъ. Вы сближитесь съ Творцемъ.“

чтобы ощупить въ полнотѣ внезапныя изумляющія впечатлѣнія, какихъ вамъ никакой городъ во всей вселенной дать не можетъ, надобно здѣсь въ Местре сѣсть со мною въ гондолу и поплыть къ Венеціи. Тогда предстанетъ предъ вами амфитеатръ, орошаемый кристалловидными волнами; и въ семъ зеркалѣ солнца сверкаютъ, клубятся, рѣзвятся отраженія ярко позлащенныхъ огненныхъ куполовъ, и блескъ алмазнаго моря не освѣщаетъ, но ослѣпляетъ зрѣніе. Вы увидите здѣсь, чего ни Лувръ Парижа, ни Церковь Св. Павла въ Лондонѣ, ни Капитолій со всѣми сокровищами Римскихъ древностей, — вамъ не покажутъ. Утомляюсь отъ распаленнаго моего воображенія; тщетно ищу словъ, въ которыя желалъ бы облечь всѣ неслыханныя и невиданныя здѣшнія прелести. Скажу вамъ только, что я въ городѣ и на морѣ здѣсь, такъ сказать, на стѣ пятидесяти островахъ, связанныхъ превосходнѣйшими мостами, прожилъ три дни въ разлукѣ не разлучно съ Героемъ нашимъ. На площади Св. Марка продаются его реляціи и неумолкно раздаются громкіе крики: побѣды Суворова! побѣды Суровова!

Слава его, всюду сопутствуетъ ему. Теперь оставляю Венецію, сей оригиналъ въ физическомъ мірѣ, и спѣшу къ оригиналу въ нравственномъ. Прощайте."

Отъѣзжавшій въ Римъ Англійскій путешественникъ, былъ у Суворова, и спросилъ его, не сдѣлаетъ ли ему какихъ-нибудь туда порученій? Отвѣтъ его былъ: „Зачѣмъ вы туда ѣдите? Вы, по пословицѣ, въ Римѣ будете, а Папы не увидите. Онъ въ рукахъ разбойниковъ. Но поѣзжайте, Римъ останется Римомъ и безъ похищенныхъ статуй Аполлона и Лаокоона. Пока Тибръ его орошаетъ, память величія его не исчезнетъ. Кланяйтесь отъ Скиѳа Капитолію и тѣнямъ великихъ безсмертныхъ. Скажите имъ, что онъ плачетъ, не видя ихъ потомковъ, а только лишь выродковъ."

Одинъ Генералъ любилъ говорить о газетахъ и безпрестанно повторялъ: „въ газетахъ пишутъ; по послѣднимъ газетамъ, и т. д." Наконецъ, Александръ Васильевичъ сказалъ: „Жалокъ тотъ Пол-

ководецъ, который по газетамъ ведетъ войну. Есть и другія вещи, которыя знать ему надобно, и о которыхъ тамъ не печатаютъ.“

Одинъ только разъ въ жизнь свою вынужденъ былъ Графъ удалить одного Полковника, присвоившаго себѣ солдатскія артельныя деньги. Но и тутъ не рѣшился онъ выставить истинный его поступокъ, а велѣлъ написать просто, что онъ увольняется за *немогузнайство.*

Однажды Князь Багратіонъ и Маркизъ Шателеръ вошли со мною къ Фельдмаршалу. Мы нашли его въ глубокомъ размышленіи. Предъ нимъ лежали: планъ Веронскому дѣлу подъ предводительствомъ Края, его реляція и карта. Вдругъ прерываетъ онъ свое молчаніе и, глядя на карту, начинаетъ дѣлать слѣдующія замѣчанія: „Позиція, занятая Щереромъ, показываетъ школьника. Что посредственнаго и трусливаго военачальника приводитъ въ замѣшательство, то отважному и опытному доставляетъ слу-

чай показать свой генїй во всемъ пространствѣ. Если онъ слабѣе непрїятеля, то никогда не должно не доставать въ немъ средствъ скрывать свою слабость; если онъ сильнѣе, то старается обойти, окружить его и преградить ему всякое отступленіе. Но для сего нужно имѣть подробныя свѣдѣнія о мѣстности, знать всѣ тропинки, возвышенности, проходы и проч. Правилъ для сего нѣтъ. Это дѣло обстоятельствъ, минуты; это даетъ генію опытность. Ни того, ни другаго въ Шерерѣ нѣтъ. Взгляните на планъ и на карту: какъ можно на такомъ тѣсномъ мѣстоположеніи сосредоточить до 18,000 войска? Я лишь взглянулъ и поздравилъ тотчасъ друга моего Края съ побѣдою. Онъ, какъ Герой, маневрировалъ, бросилъ всю свою силу на лѣвый флангъ, проникнулъ оный, привелъ въ замѣшательство Французскія линіи, преслѣдовалъ канонадою и кавалеріею тревожилъ бѣгущаго непріятеля. Но вдругъ нечистый духъ шепнулъ: Унтеркунфтъ!— и погоня остановилась. Зачѣмъ съ инфантеріею не гнаться по теплымъ слѣдамъ до Изола-де-ла-Скала. Тамъ въ безпорядкѣ, въ страхѣ, изнуренная марша-

ми и разбитая армія съ Главнокомандующимъ и со всѣмъ Главнымъ Штабомъ была бы въ рукахъ побѣдителей. Но Унтеркунфтъ велѣлъ преждевременно оставить поле сраженія, и запретилъ воспользоваться побѣдою, которая рѣшила бы судьбу Италіи. — Простите; я не бреду не кончу. — Но оставимъ зады, а примемся за свое.“

О Шерерѣ за обѣдомъ у Фельдмаршала расказывали, что по прибытіи его въ Италіянскую армію Главнокомандующимъ, на первомъ осмотру арміи въ Мантуѣ, поднималъ онъ самъ головы солдатъ, оправлялъ шляпы и замѣтилъ тотчасъ недостающую на мундирѣ пуговицу. Суворовъ на сіе сказалъ: „Ну, теперь я его знаю. Такой Екзерцирмейстеръ не увидитъ, когда его непріятель окружитъ и разобьетъ.“

Случилось мнѣ переписывать Нѣмецкую бумагу, въ которой встрѣтилось слово: *форсированный маршъ*. Какъ переписчикъ списалъ я точно такъ. Вдругъ, въ присутствіи многихъ Союзныхъ Генераловъ, раскричался на меня Александръ

Васильевичъ, какъ я осмѣлился написать такое слово? Что форсированныхъ маршей, такъ какъ и тихихъ и медленныхъ, въ его словарѣ нѣтъ. „Быстрота моя,“ — продолжалъ онъ: „знаетъ только одинъ маршъ! — впередъ! и орлы полетѣли!“ Приказано всѣмъ слова: форсированный маршъ, никогда не употреблять. Я молчалъ; ибо зналъ, до кого это относилось.

Государыня Императрица Екатерина въ Кременчугѣ, въ проѣздѣ въ Таврическую область, изволила спросить Суворова, не имѣетъ ли онъ какой просьбы? Онъ бросился къ Ея ногамъ и просилъ о заплатѣ за нанятую имъ въ Кременчугѣ квартиру. — Въ тотъ же день выдано ему изъ Казны, по его показанію, двадцать пять рублей, съ причитающимися копѣйками.

Передъ Туриномъ нѣкоторые Генералы осмѣлились представить Суворову разныя затрудненія въ разсужденіи взятія Турина. Онъ разсердился и вскрикнулъ: „Пустое! Аннибалъ, прошедъ Испанію, переправясь чрезъ Рону, поразивъ Галловъ, перешедъ Альпы, — взялъ въ три

дни Туринъ. Онъ будетъ моимъ учителемъ. Хочу быть преемникомъ его генія."

Александръ Васильевичъ приказалъ мнѣ, запискою пригласить Генерала Аншефа Вилима Христофоровича Дерфельдена къ себѣ. Я написалъ. Взглянувъ, сказалъ онъ: „Нѣтъ, это не годится. Я тебѣ продиктую, вотъ такъ: Суворовъ проситъ пожаловать къ нему Его Высокопревосходительство Вилима Христофоровича, начальствовавшаго въ Прагѣ атакою праваго крыла надъ 1-ю и 2-ю колоннами со славою, Героя при Галацѣ. — Прибавь два раза: и проч. и проч." — Самъ и подписалъ. Послѣ Вилимъ Христофоровичъ спрашивалъ меня: „Что это за милости? — старикъ нашъ разшутился."

Когда Генералъ Серюрье просилъ плѣнному своему войску пощады и снисхожденія, то Суворовъ отвѣчалъ ему: „Эта черта дѣлаетъ честь вашему сердцу; но вы лучше меня знаете, что народъ въ революціи есть лютое чудовище, которое должно укрощать оковами. Однако побѣды, оружіемъ пріобрѣтенныя,

оканчиваются милосердіемъ. По взятіи Варшавы, прочиталъ я Депутатамъ города стихи изъ Ломоносова, отца Русской нашей Поэзіи:

Великодушный левъ злодѣя низвергаетъ,
Но хищный волкъ его лежащаго терзаетъ.

Велѣлъ пересказать сіи стихи по-Французски, и ушелъ. — Серрюрье воскликнулъ: Quel homme! какой человѣкъ!

Князь Александръ Васильевичъ любилъ воспоминать о важнѣйшихъ эпохахъ своей жизни. Съ Княземъ Багратіономъ бесѣдовалъ онъ часто о Прагѣ и Варшавѣ, гдѣ тотъ находился подъ его начальствомъ. Увидя одного старика Подполковника, обрадовался онъ и вскрикнулъ: „Здравствуй, старый сослуживецъ, раскажи намъ что-нибудь про Прагу.“—„Не умѣю“—отвѣчалъ онъ: „пересказать все, что я тамъ видѣлъ; да и сочтутъ за басню. Помню только и не забуду, что когда получено было извѣстіе, что непріятель изъ всѣхъ ретраншаментовъ выбитъ, что баттареи его вездѣ нашими войсками заняты и что самая Прага была уже взята и отъ непріятеля очищена; то Ваше Сіятельство приказали разбить малый шатеръ

на окопахъ, и легли на посланной соломѣ отдыхать. Я тутъ былъ на караулѣ и видѣлъ, какъ все войско не шевельнулось. Одинъ другому лишь на ухо шепталъ: „Богъ помоги отдохнуть нашему отцу спасителю. Онъ не спитъ, когда мы спимъ; не ѣстъ, когда насъ потчуетъ, и еще въ жизнь свою ни одного дѣла не проспалъ." Это не любовь, а страсть. — Грѣшенъ я, Ваше Сіятельство, позавидовалъ Суворову." — Князь бросился его цѣловать со слезами. — А я стыжусь и не прощаю себѣ, что позабылъ имя достойнаго служиваго.

Въ Аугсбургѣ поставлена была къ дому его въ караулъ рота. Тотчасъ велѣлъ ее отпустить, съ сими словами: „И въ мирное и въ военное время охраняюсь я любовію моихъ согражданъ. Два казака — вотъ моя прислуга и стража."

Въ Піачензѣ, разсматривая картинную галлерею одного Маркиза и увидя портретъ Юлія Цезаря, засмѣялся и сказалъ: „И сей великій мужъ платилъ дань человѣчеству; стыдился своей плеши; и закрывалъ ее всегда лавровымъ вѣн-

комъ.“ — Но когда совсѣмъ неожиданно увидѣлъ портретъ Петра I-го, то остановился и едва не бросился на землю. Потомъ произнесъ хозяину дома: „Въ Римѣ почитали того безбожнымъ, кто въ числѣ своихъ пенатовъ не имѣлъ изображенія Марка Аврелія. Ваше уваженіе къ нашему Великому Государю служитъ мнѣ залогомъ вашихъ возвышенныхъ чувствъ.“

Фельдмаршалъ велѣлъ мнѣ написать замѣтку слѣдующимъ образомъ:

ДИРЕКТОРІЯ.

Вертепъ разбойничій.

Ея кровопійцы:		Проконсулы:	
Бонапарте.	разбойники.	Моро.	честные, но несчастные республиканцы.
Массена.		Макдональ.	
Сюшетъ.		Жуберъ.	
Ламоанъ.		Шампіоне.	
Монришаръ.		Серрюрье.	
Брюнъ.			
Рей.			
Руска.			

„Не довольно знать“ — сказалъ онъ: „воинскія достоинства непріятельскихъ военачальниковъ. Надобно знать и ихъ

нравственность." Послѣ того, весьма много говоря о грабительствахъ республиканцевъ — Французовъ, о нашемъ безкорыстіи, продолжалъ онъ: „Какъ стараются они прикрашивать, даже облагородствовать злодѣянія свои техническими словами. Напримѣръ: когда Генералъ, или Коммисаръ грабитъ, то они называютъ сіе gagner, выиграть. О солдатѣ никогда не скажутъ, qu'il a volé, что онъ укралъ; но qu'il a trouvé, что онъ нашелъ.—Этого мало: они хищничество преобразовали систематически въ науку контрибуцій, и опять технически назвали сіе republicaniser, республиканизировать; не лучше ли squeletiser, скелетизировать. — Опустошивъ, высосавъ, раззоривъ всѣ владѣнія, одинъ богатый, великолѣпный Римъ оставался еще для ихъ корысти приманкою. Бертье вступаетъ туда,—и древняя столица міра дѣлается добычею алчныхъ новыхъ Вандаловъ. Римъ безъ храмовъ, безъ сокровищъ, безъ хлѣба, безъ пастыря, — ограбленная сирота. — О, несчастная Италія! ты была всегда яблокомъ раздора и театромъ войны. Терпи! — Мы оставляемъ тебѣ имя Русскаго, неоскверненное разбоемъ. Мы побѣждали враговъ

твоихъ; но не тебя."—Съ такими чувствами унынія, оставилъ онъ сегодня Италію.

Растроганный до глубины сердца сими мрачными мыслями добраго моего начальника, видя предъ собою войско въ горести, обращающее въ послѣдній разъ взоры назадъ съ восклицаніями: „Прощай, добрая земля! поминай, какъ мы съ старикомъ нашимъ за тебя поработали. Не забудемъ и мы твою хлѣбъ-соль, твою лапшу (макароны).— Стою теперь на границѣ Швейцаріи: другой языкъ, другое небо, воздухъ, другая земля, другіе люди. Сюда Церера, Помона и Флора не заглядывали. И отсюда въ послѣдній разъ смотрю на всѣ величественныя красоты, декораціи Италіянской природы, которыхъ изобразить ни слово, ни перо, ни кисть не въ состояніи. Уже воспоминанія о древнихъ обитателяхъ ея даютъ ей прелесть преимущественную предъ всѣми другими народами. Хотя Греція раздѣляетъ выгоду сію съ Лаціею; но какое различіе! — тамъ ничто не напоминаетъ уже о событіяхъ древняго ея міра, тамъ воображеніе ищетъ и не находитъ стези къ онымъ;

всѣ памятники прежняго величія сего просвѣщеннѣйшаго народа сокрушились отъ руки варваровъ, и только рѣдко являются наблюдательному оку странника какіе - либо остатки, сокрывшіеся отъ разрушенія сихъ бурь. Здѣсь же—какое зрѣлище! — еще покоится Римъ на своихъ семи холмахъ, еще блистаетъ Капитолій, еще стѣны его орошаются чистоводнымъ Тибромъ. Здѣсь стоитъ его Форумъ, тамъ колосальные памятники искуства свидѣтельствуютъ величіе исполина — народа. Тамъ нѣтъ страны, нѣтъ города, нѣтъ рѣки, которая не ознаменована бы была какимъ - либо историческимъ событіемъ. А теперь и имя Россіи будетъ гремѣть въ лѣтописяхъ Италіи, и побѣдами и безпримѣрнымъ великодушіемъ, на вѣчныя времена! — Но я забываюсь; я пишу анекдоты. — Прощай Италія!

Г-жа Синицкая прислала къ Графу Александру Васильевичу слѣдующее письмо:

„Семдесятъ лѣтъ живу на свѣтѣ; шестнадцать взрослыхъ дѣтей схорони-

ла; семнадцатаго, послѣднюю мою надежду, молодость и запальчивый нравъ погубили: Сибирь и вѣчное наказаніе достались ему въ удѣлъ; а гробъ для меня еще не отворился... Государь милосердъ, Графъ Рымникскій милостивъ и сострадателенъ: возврати мнѣ сына и спаси отчаянную

мать Лейбъ-Гренадерскаго полка Капитана Синицкаго."

Отвѣтъ Графа:

„Милостивая Государыня!

„Я молиться Богу буду; молись и ты, и оба молиться будемъ мы. Съ почтеніемъ пребуду, и проч." —

Когда онъ успѣлъ испросить Синицкому прощеніе, то съ колѣнопреклоненіемъ и со слезами палъ предъ Образомъ, и тотчасъ написалъ:

„Утѣшенная мать,

Твой сынъ прощенъ....

Алилуія! Алилуія! Алилуія!"

Кто видѣлъ, какъ я, безпрестанное стремленіе Суворова къ благодѣтельствованію страждущаго человѣчества, кто

былъ теперь свидѣтелемъ сего сердечнаго его восторга, тотъ не можетъ говорить объ немъ безъ жару.

Вотъ послѣдній анекдотъ,— лучшаго я не имѣю.

Представивъ въ Исторіи Россійско-Австрійской кампаніи Генералиссимуса Суворова героемъ, въ анекдотахъ человѣкомъ, но человѣкомъ необыкновеннымъ, я теперь намѣрсваюсь говорить здѣсь о безпредѣльной къ нему любви и довѣренности войска, и какими способами преуспѣлъ онъ въ томъ.

Можно сказать, что войско не только-что любило, но почти боготворило сего великаго, единственнаго Полководца. Все, что онъ ни скажетъ, было свято; никто не смѣлъ противорѣчить или разсуждать. Въ Италіи, въ неудачномъ одномъ дѣлѣ, гдѣ многочисленность и выгодная неприступная позиція непріятеля дѣлали всѣ покушенія съ нашей стороны тщетными, Начальникъ придумалъ хитрость закричать: „Суворовъ

здѣсь!“—тотчасъ всѣ бросились впередъ— и легли. Но Суворовъ, узнавъ о томъ, сдѣлалъ строжайшій выговоръ и оплакалъ сихъ жертвъ слѣпой къ нему преданности. Подъ Требіею былъ я очевидцемъ, что на разныхъ пунктахъ, гдѣ только начнутъ разстроиваться войска, его одно присутствіе тотчасъ возстановляло порядокъ. Я стоялъ съ Вилимомъ Христофоровичемъ Дерфельденомъ на возвышенномъ мѣстѣ и удивлялся симъ явленіямъ, „Они для васъ новы,“—сказалъ мнѣ почтеннѣйшій Генералъ Дерфельденъ: „а я насмотрѣлся въ теченіи тридцати пяти лѣтъ, какъ служу съ этимъ непонятнымъ чудакомъ. Это какой-то священный талисманъ, который довольно развозить и показывать только, чтобы одерживать побѣды. Онъ меня нѣсколько разъ въ жизнь мою стыдилъ. Часто диспозиція его казалась мнѣ сумбуромъ; но слѣдствія доказывали противное.—Справедливо сказала“—продолжалъ онъ: „Екатерина: Я посылаю въ Польшу двѣ арміи: одну армію, а другую — Суворова.“ Едва кончилъ онъ разговоръ, какъ непріятель уже обращенъ въ бѣгство. Дерфельденъ

поскакалъ и крикнулъ мнѣ: „Вы видите, что я не лгу.“

Но не на одномъ полѣ сраженія пріобрѣлъ онъ сію высшую степень любви и довѣренности. Старики солдаты любили его въ лагерѣ, и на квартирахъ расказывали о прежнихъ его подвигахъ молодымъ; забавно передавали имъ его странности, его съ ними разговоры; расказывали объ немъ анекдоты, иногда небывалые, необыкновенные, шутливые. Словомъ, онъ былъ у нихъ книгою, которую ежедневно читали. Взглянуть на него — и всѣ веселы. Они почитали его какимъ-то существомъ высшаго рода. Чтобы пріобрѣсть любовь союзныхъ солдатъ, показался онъ съ однимъ казакомъ на Австрійской баттареѣ, на которую сыпался съ непріятельской стороны градъ ядеръ. Шутилъ съ солдатами, которые были отъ него въ восторгѣ. Сіе его безстрашіе разнеслось по всей ихъ арміи и онъ сдѣлался, такъ сказать, ихъ идоломъ. Офицеры видѣли въ немъ отца, любящаго награждать каждый шагъ усердія. Генералы его любили, но и боялись: ибо съ нихъ взыскивалъ онъ строго и стыдилъ ихъ разными насмѣшками по-своему.

Такъ, узнавъ, что одинъ Генералъ отозвался: не нужна мнѣ диспозиція, при мнѣ шпага. — сказалъ Суворовъ: „Не показывайте ему диспозиціи. Онъ храбръ со шпагою, а полкъ его съ топоромъ: полкъ его когда-то выстроилъ ему дачу. „Генералъ покраснѣлъ. — Дерфельденъ, Розенбергъ, Меласъ и прочіе всѣ Генералы, съ нѣкоторою боязнію съ нимъ обращались: ибо всегда опасались, чтобы онъ ихъ не кольнулъ своею особенною насмѣшкою. Но вся армія была совершенно увѣрена, что онъ за неисправность накажетъ отечески, или словами его: „Солдату палочки, а офицеру арестъ.“ Но никогда никого не погубитъ.

Величайшее на всю армію вліяніе имѣло его благочестіе. Солдату извѣстно было оное. Ибо всегда послѣ побѣды приносилъ онъ, со всѣмъ войскомъ, предъ алтаремъ всѣхъ благъ Подателя благоговѣйныя, сердечныя благодаренія. Таковой примѣръ любимаго Военачальника утверждалъ въ сердцахъ его подчиненныхъ сію Христіанскую истину, что всякая ихъ побѣда есть даръ отъ Бога. Часто кричалъ онъ войску: *Начало премудрости есть страхъ Господень.* — Такъ уроками мудрости дѣйствовалъ онъ на умы!

Зналъ онъ, что солдатъ не любитъ въ Начальникѣ своемъ пышности; и потому, соображаясь съ симъ, жилъ и онъ солдатомъ. Врагъ роскоши, обѣдалъ по солдатски рано, хлѣбалъ солдатскія щи и кашицу. Сіе единообразіе жизни съ жизнію солдатъ, сближало его съ ихъ сердцами; и они видѣли въ немъ Героя, Начальника, отца и перваго своего брата — солдата. Сіе поддерживалъ онъ и своею одеждою. Кромѣ торжественныхъ праздничныхъ дней, когда онъ украшалъ себя знаками отличія, былъ онъ всегда одѣтъ въ простой солдатской куртке, и тогда не требовалъ никакихъ почестей. Но величайшее искуство его было въ разговорѣ съ своими чудобогатырями, Тутъ былъ онъ не подражаемъ. Въ ихъ вкусѣ, въ ихъ слогѣ, въ ихъ языкѣ бесѣдовалъ онъ съ ними. Опыты долговременной его съ нижнихъ чиновъ службы познакомили его съ кругомъ ихъ познаній и понятій, и каждое его слово и изрѣченіе были къ тому приспособлены, какъ-то доказываютъ: его приказы, разговоръ съ солдатами, словесное поученіе солдатамъ и многіе другіе, которые они вытверживали наизъусть и передавали товарищамъ.

Солдаты говаривали: „Нашъ Суворовъ съ нами въ побѣдахъ и вездѣ въ паю, только не въ добычѣ: она вся наша.“ — Такая мысль о безкорыстіи Начальника усиливала ихъ къ нему любовь. Къ сей добродѣтели присоединялъ онъ и справедливость. Подъ Рымникомъ, по одержаніи побѣды, велѣлъ онъ раздѣлить все доставшееся обѣимъ союзнымъ арміямъ по ровну. И по примѣру двухъ друзей, Суворова и Кобургскаго, Русскіе и Австрійцы сдѣлались братьями — одною душею. О корыстолюбіи Массены говорилъ онъ: „Ужели не вспомнитъ онъ, что въ тѣсномъ гробѣ его не помѣстятся всѣ заграбленные имъ и кровію обагренные милліоны? — Добыча ваша, а не моя: спасибо, чудобогатыри!“ — кричалъ онъ; — и сіи слова разносились по рядамъ войска.

Благодарность его была не на словахъ. Тотчасъ спѣшилъ онъ въ реляціи повергнуть къ стопамъ Августѣйшаго Царскаго Престола достойныхъ сподвижниковъ своихъ. Увѣренность, что ни одинъ подвигъ ревности не остается безъ вниманія безпристрастнаго и благодѣтельнаго начальника, подвизала ихъ къ побѣдамъ. Однажды въ Турецкую кампа-

нію всѣ полученныя отъ Екатерины награды, знаки отличія наклалъ онъ въ мѣшокъ; выходитъ согнувшись, неся оный на плечахъ, и кричитъ всѣмъ ожидающимъ наградъ: „Ахъ! помилуй Богъ! какъ тяжела ноша. Такъ-то и намъ тяжко было.“ Вдругъ разкрываетъ мѣшокъ, вынимаетъ знаки отличія, украшаетъ ими и восклицаетъ: „Нѣтъ! легко бремя, когда Матушка такъ насъ, дѣтей Своихъ, милуетъ и лелѣетъ.“ *Ура* раздавалось по всѣмъ рядамъ.

На все войско смотрѣлъ Генералиссимусъ окомъ строгаго безпристрастія. Всѣ предъ нимъ равны. Не хотѣлъ знать никакихъ связей. Одно истинное достоинство обращало на себя все его вниманіе и покровительство; а потому никто не опасался, чтобы другой заслонилъ ему дорогу къ счастію. Онъ получилъ сильное рекомендательное письмо о повышеніи чиномъ одного молодаго человѣка. Всѣ не ожидали отказа; но онъ не согласился, сказавъ: „Осчастлививъ одного неблагодарнаго, я оскорблю нѣсколько сотенъ достойнѣйшихъ и старшихъ. Дорожу уваженіемъ къ себѣ арміи.“— и пребылъ непреклоннымъ. Не нужно

послѣ сего отвѣчать на вопросъ: не готовъ ли всякій умереть за такого Начальника? И мнѣ сказалъ онъ: „Въ Исторіи обо мнѣ будь безпристрастенъ. Если ты меня любишь, то забудь сію любовь и не оскверняй лестію пера твоего, а меня въ могилѣ.“ — Я виновенъ предъ тобою; ибо не умѣлъ воздать тебѣ достойно, и не написалъ твоей Исторіи; а оставляю потомству одни лишь матеріалы. Исторія твоя ждетъ — Плутарха.

КОНЕЦЪ.